

18+

В ОТКРЫТОЕ НЕБО

ОСНОВАНО НА ЖИЗНИ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ЛЕТЧИКА
АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

АНТОНИО ИТУРБЕ

АВТОР РОМАНА «ХРАНИТЕЛЬНИЦА КНИГ ИЗ АУШВИЦА»

REBEL

Антонио Итурбе

**В открытое небо (основано
на жизни французского
писателя и летчика
Антуана де Сент-Экзюпери)**

«Popcorn books»

2017

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Итурбе А.

В открытое небо (основано на жизни французского писателя и летчика Антуана де Сент-Экзюпери) / А. Итурбе — «Popcorn books», 2017 — (REBEL)

ISBN 978-5-6046532-4-1

Задолго до того как стать писателем, Антуан де Сент-Экзюпери прославился как бесстрашный авиатор. Именно Сент-Экзюпери вместе с французскими летчиками Жаном Мермозом и Анри Гийоме стали первооткрывателями почтовой авиации, полной опасностей и риска. Трое друзей были готовы на все, лишь бы каждое письмо достигло своего адресата. И пока они бороздили небеса, соединяя сердца, на земле им приходилось бороться с миром, раздираемым войнами. «В открытое небо» – это захватывающий рассказ о дружбе и невероятной преданности делу, а также дань уважения великому писателю Антуану де Сент-Экзюпери, затронувшему миллионы читательских сердец.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-6046532-4-1

© Итурбе А., 2017
© Popcorn books, 2017

Содержание

Глава 1. Аэродром Ле-Бурже (Париж), 1922 год	6
Глава 2. Расположение авиационного формирования под Истром, 1921 год	15
Глава 3. Париж, 1923 год	19
Глава 4. Расположение авиационного формирования под Истром, 1921 год	21
Глава 5. Аэродром Ле-Бурже (Париж), 1923 год	25
Глава 6. Истр, 1921 год	27
Глава 7. Госпиталь Вильмен (Париж), 1923 год	29
Глава 8. Истр, 1921 год	32
Глава 9. Фабрика Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год	38
Глава 10. Пальмира (Сирия), 1922 год	42
Глава 11. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год	44
Глава 12. Пальмира (Сирия), 1922 год	46
Глава 13. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год	49
Глава 14. Пальмира (Сирия), 1923 год	56
Глава 15. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1924 год	60
Глава 16. 1-й истребительный авиационный полк в Тьонвиле (Франция), 1923 год	62
Глава 17. Крёз (глубинка Франции), 1925 год	73
Глава 18. Париж, 1924 год	75
Глава 19. Монлюсон (Франция), 1924 год	77
Глава 20. Париж, 1924 год	78
Глава 21. Аэродром в Монтодране (Тулуза), 1924 год	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Антонио Итурбе

В открытое небо

Antonio G. Iturbe
A cielo abierto

Text copyright © Antonio Iturbe, 2017
© Елена Горбова, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2022
Jacket design by Rich Deas and Kathleen Breitenfeld
Jacket images © Gorbash Varvara/Shutterstock

* * *

Сусане, летающей вместе со мной

При рождении этих страниц сквозь рев моторов звучала мелодия «Bricklayer's Beautiful Daughter» Уильяма Акермана

Глава 1. Аэродром Ле-Бурже (Париж), 1922 год

Летчик тянет на себя двурогий штурвал, и «Кодрон С. 59» устремляется вверх, прямо к отаре белых облаков, плывущих над Парижем. Биплан дрожит, мотор «Испано-Суиза» ревет. Он планирует в молочно-белом тумане, а потом вновь натягивает железную узду и заставляет самолет влезть на крутую воздушную гору, прямо вверх, к небу. Вибрация фюзеляжа отдается в руках, а от них расползается по всему телу.

Младший лейтенант Сент-Экзюпери дрожит, опьяненный высотой, и улыбается самодовольной улыбкой безумцев – улыбкой заигравшихся, потерявших всякое ощущение риска и времени детей, что с головой ушли в мир, принадлежащий только им, ведь они сами его создали – для себя и под себя, по своим меркам.

На земле «Кодрон С. 59» не более чем громоздкая семисоткилограммовая деревянная конструкция, напигованная винтами и болтами, скрепленная заклепками и уголками. Когда он катится по земле – тяжеленный корпус на велосипедных колесиках, – то в полной мере являет свою патетическую хрупкость: эдакая дылда с толстым брюхом. А разбегаясь по полосе, так неуверенно покачивается на своих проволочных ножках, что любой камешек, попадись он под колесо, заставит его со страшным грохотом перекувырнуться. Но вдруг происходит чудо чудное, диво дивное: тяжеленный шкаф на колесиках отрывается от поверхности земли, поднимается над линией горизонта, потом еще выше и вдруг становится легким, ловким, даже изящным. И вот он уже смеется над теми, кто доверился его внешности – облику кашалота на мели, застывшего в ангаре.

Тони чувствует родство с самолетом. Он тоже заключен в неуклюжее тело, и это тело двигается неловко, даже как-то грубо. Под стать телу и голова – голова мечтателя и фантазера, плохо приспособленная для решения элементарных вопросов повседневности и практической жизни. То и другое превращает его в растерянного пингвина, спотыкающегося и бесполезно хлопающего крыльями на земле, вдали от моря. Но там, наверху, он совсем другой.

Он становится невесомым.

Летчик кладет штурвал влево, и самолет резко кренится на правое крыло. На лице расцветает улыбка. Сбылась мечта каждого мальчишки: игрушки оказались реальными вещами, а реальность обернулась игрой.

Он выписывает в небе восьмерки. Ему доставляет истинное наслаждение ощущать ту головокружительную вибрацию, что возносит его над серой обыденностью. Чувствовать, что оставил далеко внизу вульгарность казармы, а также офицеров со вздувшимися от постоянного крика венами на шее. Когда на тебя смотрит ни в чем не повинный человек, а ты кричишь на него – то рубишь под корень тонкое деревце. А вот он – не такой: если ему когда и случится повысить голос, то разве какой-нибудь развеселой ночью, когда переберет бургундского или анисовки и начнет распевать песни – поначалу веселые, а под конец – печальные. Когда же он злится, то погружается в пучину молчания.

*Как глупо вслух произносить,
что ведомо молчанию...*

Самолет качается в воздухе, и Тони тоже качает головой, одобряя мысль Малларме. Он и сам стишки пописывает.

За спиной уже тысяча пируэтов в воздухе, но этого недостаточно. Достаточно не бывает. Жизнь для него всегда была слишком тесным костюмом. Пилот перекрывает подачу топлива, и биплан начинает терять скорость, пока не замирает вовсе. Самолет, остановившись в воздухе, уподобляется куску металла – сила земного притяжения начинает властно тянуть его вниз. Это начало конца самолета: он штопором летит вниз. Леденящее кровь пикирование сопровождается звонным «О-о-о!» кучки наблюдателей внизу – возгласом, который претендует быть востор-

женным, но звучит как-то нервно. Через несколько бесконечных секунд Тони, вцепившись в рычаги управления, выравнивает свой «Кодрон С.59» в бреющем полете, столь низком, что машина, как гребешком, прочесывает маковое поле.

Тем воскресным вечером, задумав это цирковое представление в воздухе, он воспользовался отсутствием большей части офицерского состава 34-го полка. Любимой забавой его детства, проведенного в Сен-Морисе-де-Реман, в огромном, изобиловавшем всякими закутками и закоулками замке, было не что иное, как театральные постановки, которые мальчик сочинял и разыгрывал для своих сестер и брата, выступая одновременно и драматургом, пишущим либретто, и неизменно престапующим все мыслимые границы актером, исполняющим все роли. Родным никогда не удавалось определить, что за ребенок растет у них в семье – бука или паяц. Они так и не смогли понять, который Тони настоящий: тот, кто ненастными вечерами сидит у окна, часами наблюдая за сползающими по стеклу дождевыми каплями, или тот, кто переворачивает вверх дном чердак и вдруг, выкрикивая безумные фразы, выскакивает в костюме корсара или первооткрывателя новых земель, вознамерившись развлечь сестренку и кузенов.

Да он и сам задается этим вопросом. Кто же ты? На людях – рубаха-парень в тунике, расшитой громко звенящими бубенчиками, или же молчальник и отшельник, погруженный в себя, как каждый, кто одинок? Вибрация крыла выводит его из задумчивости. Отвлекаться за штурвалом самолета не следует, но когда ты в воздухе – мысли просто летают. Он осторожно вытягивает шею, чтобы за пару секунд разглядеть кучку друзей, наблюдающих с земли за его акробатическими трюками, но замечает всего лишь булабочные головки.

Там, внизу, Шарль Саллес, Бертран де Соссин и Оливье де Вильморен... Но, выписывая в небе самые безумные пируэты, он делает это ради одного человека, ради того, о ком думает день и ночь.

Ему вспоминается тот день, когда кузен в первый раз привел его в роскошный особняк на улице Ла-Шез, где мадам де Вильморен уже тогда слыла хозяйкой одного из самых элегантных интеллектуальных салонов Парижа.

Мажордом с восковым лицом провел их в гостиную, уставленную стегаными диванами и ореховыми книжными шкафами, где обоим пришлось ждать, пока братья Вильморены закончат наводить марафет, чтобы потом всем вместе отправиться в кафе-мороженое на Елисейских Полях. И тогда зазвучала музыка. Звуки скрипки – лениво-медленные, смычок едва касается струн, но нота все же звучит, не гаснет. Звуки из-под смычка рождались такими измученными, что зависали в воздухе, и, казалось, в мелодию они не сплетаются, что это лишь эхо мелодии.

Ноты доносились откуда-то сверху, и он, словно в трансе, поднялся на третий этаж. Вторая по коридору дверь была приоткрыта, и он заглянул.

На кровати, застеленной синим атласным покрывалом, полулежа на разноцветных подушках, играла на скрипке девушка, облаченная в лиловую пижаму. Ее подбородок так мягко лежал на подбороднике, что скрипка тоже казалась подушкой. Рядом, на стуле, сидела гувернантка, увенчанная белым чепцом. Она пронзила странного пришельца острым взглядом, но вместо того, чтобы прогнать его немедленно, рукой показала – стой, где стоишь, и жди, а потом приложила палец к губам, требуя тишины.

А он и без ее указаний застыл на месте, как под гипнозом, не сводя взгляда с рыжих волос, зеленых глаз, белых рук. Девушка играла странно – со смесью неохоты и сосредоточенности, вынуждающей ее внимательно смотреть на гриф, по которому играют в прыгалки ее пальчики.

Он вспоминает, с каким жаром молил тогда бога всего прекрасного остановить время, чтобы мелодия эта никогда не кончалась, чтобы она длилась долго, всю жизнь.

Когда музыка умолкла, гувернантка, мадам Петерманн, без излишнего энтузиазма захлопала в ладоши, одновременно выгнув бровь – призыв последовать ее примеру. И он, конечно же, тоже зааплодировал, громко и воодушевленно. Аккуратно положив скрипку в футляр, лежавший на покрывале, девушка улыбнулась. И этой улыбке удалось разорвать ход времени.

По крайней мере, она остановила его личное время: все до единого хронометры отпущенного лично ему века обнулились.

– Кажется, нас друг другу еще не представили... – проговорила она, и Тони залился краской, словно ярко-рыжая шевелюра девушки озарила его лицо. И начал заикаться.

– Умоляю простить мое вторжение, мадемуазель. Это все музыка... она заставила меня позабыть о благоразумии...

– Вас зовут?..

– О, конечно же, прошу извинить мою неловкость! Меня зовут Антуан де Сент-Экзюпери. А вы, должно быть, сестра Оливье. Я его приятель, мы вместе учимся в «Академии Боссюэ»¹.

– А я Луиза де Вильморен.

– Сожалею, что я так неожиданно вторгся в вашу комнату. Уже ухожу.

– О, не беспокойтесь! Проклятая болезнь в бедрах вынуждает меня соблюдать постельный режим, так что моя комната уже стала салоном, где я принимаю. Я так рада гостям!

Тони так широко распахнул свои выпуклые глаза, что они чуть не выскочили из орбит и едва не покатались по ковру.

– И я смогу вас навестить?

– Можно записаться... – неохотно ответила она. И, увидев отчаяние на лице юноши, с кокетливой улыбкой прибавила: – Или тихонько сюда просочиться, когда я музицирую.

Из глубины дома послышались голоса:

– Сент-Экс! Куда ты, черт возьми, подевался?

– Меня ваш брат зовет, мне пора. Но я вернусь! – Однако едва он произнес эти слова, как его воодушевление тут же сменилось озабоченностью: – Но... вспомните ли вы меня, когда мы в следующий раз увидимся? Поймете ли, что это я? Ведь у меня такое подвижное лицо!

Она окинула его взглядом, загадочно улыбаясь, и эта улыбка с равным успехом могла означать как снисходительность, так и презрение.

– Как знать. Память у меня девичья.

– Это не беда! – не замедлил он с ответом. – Я-то точно вас узнаю, мадемуазель де Вильморен. Буду помнить за двоих!

И вот он хохочет над собственной неловкостью в кабине пилота. Нажимает ногой на балансирный рычаг, открывает доступ горючему и штурвалом заставляет самолет прочертить в воздухе зигзаг. Через несколько месяцев после той первой встречи его призвали в армию, и он записался в военно-воздушные силы, стремясь воплотить в жизнь свою давнюю мечту о полетах. После нескольких переводов его направили в Касабланку², и все это время, нелегкое время обучения и разнообразных лишений, воспоминания о Лулу, о любви, выросшей в разлуке до гигантских размеров, его не покидали.

Возвращение в Париж в связи с переводом в расквартированный в Ле-Бурже 34-й авиационный полк обрадовало его возможностью вернуться в город театров, библиотек и бульваров и вновь увидеться со старыми друзьями... но прежде всего – возможностью вновь войти в тот дом на улице Ла-Шез. Ему было просто необходимо снова увидеть ту девушку, что кладет головку на скрипку и как будто спит наяву.

Он уже не раз просил Андре Вильморена позволить ему нанести Луизе визит, но тот уже по горло сыт одной и той же историей. Сначала его друзья-приятели лепечут что-то патетическое, стоя перед его сестрой, а затем каждый занимает свое место в очереди у нее в гостиной, теша себя иллюзорной надеждой вымолить жалкие крохи внимания со стороны той девушки,

---

¹ Имеется в виду парижская Национальная высшая школа изящных искусств. *Здесь и далее прим. перев.*

² Город в западной (французской) части Марокко.

что позволяет осыпать себя комплиментами, ничуть не заботясь стереть со своего лица презрение, с которым выпроваживает претендентов, утомившись их присутствием.

И вот, уже полностью отчаявшись, однажды утром в четверг, когда Тони сидит в конторе и сочиняет в досужие часы стихи, перед ним предстает рядовой, доставивший адресованную ему записку, где сказано, что мадемуазель де Вильморен его примет. И пока он читает и перечитывает эту бумажку, прыгая на стуле, словно в него вмонтирована пружина, солдатик-салага так и стоит перед ним по стойке смирно, робко ожидая разрешения удалиться.

– Будут ли еще распоряжения, господин лейтенант?

– Естественно...

На лице парня застыло ожидание.

– Приказываю вам любить жизнь!

На следующий день он почти ничего не ест: повозил фасоль по тарелке и оставил. Собираясь с запредельным тщанием: надел свой единственный костюм, отглаженный в полковой прачечной в обмен на полпачки сигарет, и старательно уложил чуб, щедро смоченный фикса-
тором. И, отправившись в дом Вильморенов, вышел с хорошим запасом времени, потому что ему нужны цветы – много цветов, лучших цветов Франции. Ему хотелось стать Хильдебертом, королем из династии Меровингов, разбившим для своей королевы розовый сад в самом центре Парижа. Луиза де Вильморен заслуживает не меньшего.

Так что он напрямик направляется к весьма пафосному цветочному магазину на Рю-Шаррон, неподалеку от собора Парижской Богоматери, – витрина этой лавки отличалась не меньшим размахом фантазии, чем у какой-нибудь кондитерской, – и требует огромный и разноцветный, тысячи цветов и оттенков, букет. Но стоило продавщице назвать цену заказа, как кровь отхлынула от его лица. Буквально только что, в этом самом месяце, мать погасила его вексель за пальто, купленное в рассрочку прошлой зимой, а от денежного довольствия оставались жалкие крохи, которых ему едва хватит, чтобы дотянуть до конца месяца. Не сумев скрыть свою неловкость, он объявляет продавщице, что передумал. И, выйдя на улицу, горестно вздыхает. Последние двадцать четыре часа он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете и вот снова сделался самым несчастным.

Но на ближайшем углу его посещает счастливая мысль: совсем недалеко, на острове Сите, есть Цветочный рынок. Огромный зимний сад, внешне похожий на железнодорожный вокзал, весь пропитан запахом мхов, наполнен суетой разносчиков разных товаров и солдатиков в увольнении, покупающих цветы модисткам с правого берега Сены.

Оттуда он вышел с букетиком фиалок и улыбкой на лице.

Входную дверь с профессиональной невозмутимостью распахнул перед ним мажордом, облаченный в жилет с золотой окантовкой, и тут же указал рукой в перчатке на маленькую гостиную, где следует ожидать приема. И вот тут-то Тони подстерегает малоприятный сюрприз: там уже ожидают два молодых человека. Очередь из желающих поухаживать за Луизой де Вильморен!

Эти двое, в костюмах в мелкую полоску, являют собой образцы безукоризненно одетых джентльменов. Один держит в руках выкрашенную в золотой цвет глиняную вазочку с экзотическими цветами, а второй обременен огромной коробкой с пирожными, на которой красуется анаграмма «Даллуаю», изысканной кондитерской с улицы Фобур-Сент-Оноре, где выпекают лучшие в Париже торты и пирожные с взбитыми сливками.

Еще до того, как эти двое могут его увидеть, он прячет за спину букетик фиалок. Только теперь до него доходит, каким вульгарным, каким неподходящим для такой рафинированной девушки, как Луиза де Вильморен, является его подношение. Он кивает в знак приветствия и остается стоять, опершись о косяк. Его не оставляет ощущение, что в этом элегантном доме он как безбилетный пассажир на шикарном круизном лайнере и что вот-вот, с минуту на минуту, все поймут, что он самозванец, и мажордом выставит его за порог.

В общем-то, говоря по правде, его семья принадлежит к древним аристократическим родам Лиона, и детство он провел в небольшом родовом замке с тысячей дверей. Слишком большое количество для скудного отопления. И он всеми фибрами души чувствует, что в своем положении впавшего в нищету графа просто смешно. В душе вскипает ненависть к купленным дешевеньким цветочкам, и он яростно сжимает в кулаке их беззащитные стебельки.

Мажордом провозглашает, что мадемуазель де Вильморен ожидает их в своих покоях, и все трое отправляются в паломничество вверх по лестнице. Тони пропускает тех двоих вперед и, когда на него никто не смотрит, запихивает цветы в карман пиджака и хочет развернуться, желая покинуть дом, пока не поздно, пока еще он не выставил себя на посмешище. Но, обернувшись, обнаруживает, что мажордом со своим бесстрастным ликом сфинкса замыкает процессию, так что он вынужден продолжить путь наверх.

Луиза сидит в постели, опершись спиной об изголовье, с двумя огромными подушками, как бы подлокотниками, по бокам. Квинтэссенция ее красоты заключена в невесомости – есть в ней что-то такое, что возносит ее надо всем окружающим.

Молодой человек в синем костюме, блистая триумфальной улыбкой, подходит вручить ей изобилующий бантами, лентами и цветами вазон. Но она не поднимает руки, не выражает намерения принять подарок, а роняет скупое «спасибо», что с равным успехом может быть воспринято и как выражение вежливости, и как проявление безразличия. И одновременно кивает мадам Петерманн, которая со скупающим выражением на лице принимает вазон, а затем ставит его на тумбочку рядом с двумя другими вазами с точно такими же цветами. Тогда другой кавалер подходит со своими сладостями, и Луиза точно так же сверкает мгновенно погасшей улыбкой и благодарит. Ни малейшим жестом не выразив желания взять в руки коробку с пышным сиреневым бантом, она взглядом просит гувернантку принять подарок. Луиза опирается на локоть, чтобы разглядеть третьего гостя, который, казалось, прячется за спинами двух первых визитеров.

– Вы там что, в прятки решили сыграть?

Тони слегка краснеет и делает два шага вперед.

– А, так это вы! Граф Сент... Сент... как там дальше?

– Сент-Экзюпери! Удивительно, что вы вспомнили меня спустя столько времени!

Она переводит взгляд на его пустые руки, и, чтобы хоть куда-нибудь их деть, он поспешно засовывает руки в карманы пиджака. И с языка его слетают сбивчивые слова:

– Прошу меня извинить, я намеревался преподнести вам небольшой подарок...

Ощувив острую и неотложную необходимость помочь своей речи руками, он резко вынимает их из карманов, и, вынырнув оттуда, словно гигантские крюки, его пальцы оказываются в воздухе вместе с фонтаном фиалковых лепестков. Они рассыпаются во все стороны, на мгновение застывая облаком в воздухе, а затем мягко опускаются на покрывало.

Бесстрастное выражение лица Луиза впервые сменяется чем-то иным.

– Вы что, фокусник? – интересуется она.

– Мне очень жаль... – булькает в ответ Тони.

– Не о чем тут жалеть, – заявляет она с тем блеском в зеленых глазах, который делает их еще ярче, – я обожаю фокусников.

– Когда я служил в Касабланке, один сержант в эскадрилье научил меня кое-каким карточным фокусам.

– Так покажите их нам прямо сейчас!

– Но ведь... у меня нет с собой карточной колоды.

– Мадам Петерманн, не могли бы вы принести нам карты?

– Мадемуазель Луиза, вам же прекрасно известно, что в соответствии с распоряжением мадам Вильморен я не могу оставить вас наедине с кавалерами.

Луиза, привыкшая командовать, переводит взгляд на тех двоих, что наблюдают за развитием этого сюжета с неподвижностью каменного гостя.

– А почему бы вам не сходить за месье Дюпоном, мажордомом, и не попросить его принести из гостиной карты для игры в бридж?

Низведенные до уровня секретарей, молодые люди выходят из комнаты, понутив головы, и вскоре возвращаются в сопровождении мажордома с колодой карт на серебряном подносе.

И Тони демонстрирует парочку фокусов и ловкость рук. Сначала он угадал карту, которую она положила в середину колоды, а потом повторил фокус еще раз, с одним из юных джентльменов, который включился в процесс с видимой неохотой, и очень скоро они оба, поджав хвост, откланялись.

– А какими-нибудь другими видами магии вы владеете? – спрашивает она, когда ей наскучивают карточные фокусы.

– Я знаком с магией Малларме... Он творит ее словами!

– А скажите-ка... что вы думаете о Бодлере?

– Что он способен на самое высокое и на самое гротескное.

– Приходите завтра – расскажете мне поподробнее. Поэзию я люблю.

Ее улыбка преисполнена обещанием.

И он думает: как было бы здорово, если б Лулу могла следить за его подвигами в небе в этот воскресный вечер! Но вот беда, бедро – нельзя сказать, что оно совсем ее не беспокоит, артрит дает о себе знать, так что никуда не денешься: нужно дать ее ноге еще немного покоя. Он выполняет акробатические трюки в воздухе, чтобы не переставать ее удивлять. Ведь она не выносит скуки! С безотчетным ощущением счастья он выступает воздушным гимнастом в небе Парижа.

Приземлившись, в первую очередь он стягивает с себя очки пилота и военный комбинезон, надетый прямо на воскресные брюки и свежую сорочку. И торопливо поправляет галстук, шагая к группе людей на той стороне взлетно-посадочной полосы. Саллес бежит навстречу с широко разведенными руками.

– Сент-Экс, ты грандиозно крут! – И по-приятельски хлопает его по плечу. – Ну-ка, все дружно, поприветствуйте аса воздушного флота!

Бертран де Соссин хлопает в ладоши и свистит, на что Тони отвечает преувеличенно учтивым полупоклоном. Но вот Оливье де Вильморен, столь безукоризненный в своем американском твидовом пиджаке и шелковом галстуке, так и стоит неподвижно, скрестив руки на груди, с суровым взглядом.

Тони переводит взгляд на своего друга и будущего шурина.

– Эти твои выкрутасы...

– Последняя фигура – это была буква «Л»... «Л», Луиза! Я сделал это в ее честь! Ты расскажешь своей сестренке? Ты должен ей сказать, иначе она мне не поверит!

– Тебе не следовало так поступать.

Суровость тона вызывает удивление.

– Мне не следовало чертить первую букву ее имени?

– Тебе не следовало творить эти безумства! Ты что, не понимаешь? Ты же так когда-нибудь убьешься!

Тони ласково берет его под руку, но Оливье сердито высвобождается.

– Для тебя это все игрушки! Ты просто эгоист! Эти твои пируэты великого авиатора... А моя сестра – что с ней будет? Какое будущее ее ждет? Остаться вдовой, не разменяв еще третьего десятка?

Бертран пытается приглушить остроту момента.

– Да ладно тебе, Оливье! Сент-Экс знает, что делает... ведь так?

Шарль Саллес делает рукой неопределенный жест. Однажды он летал с Тони: тот отпустил все рычаги управления и принялся изображать, будто гремит в погремушки.

Тони молчит. Такое с ним порой случается: свет софитов внезапно гаснет. Оливье де Вильморен смягчает металл в голосе и обращается к остальным:

– Матушка моя беспокоится. Знаете, как его величают мои старшие братья?

– Нет...

– Смертником.

Вильморены – единая и нерушимая семейная крепость. Потомки Жанны д'Арк, аристократы и миллионеры. А он кто такой – этот Антуан де Сент-Экзюпери? Верно и то, конечно, что фамилия у него звучная, и даже титул графа имеется. Титул, который ему духу не хватает использовать. Но ведь он аристократ из провинции, к тому же безотцовщина, шеголяет в одном-единственном костюме зимой и в другом – летом, причем у обоих локти блестят. Проходит военную службу в военно-воздушном флоте и говорит, что желает посвятить себя профессии столь же непродуктивной, сколь и рискованной, – быть летчиком. Оливье известно, что его мать очень беспокоится по поводу этого жениха, которого выискала ее дочка, хотя с легкостью могла бы иметь у своих ног будущих государственных мужей, сыновей министров или наследников первых состояний Франции, которые так долго совершали безуспешные паломничества на улицу Ла-Шез. Так нет же, она остановила свой выбор на этом неуклюжем парне, которому откровенно нечего ей предложить. Вот они, во всей красе – пресловутые капризы Луизы!

Шарль Саллес прерывает неловкое молчание:

– Ну если Сент-Экс приговорен к смерти, то у него есть полное право на последний ужин! Айда в «Два Маго», отужинаем!

Тони пробуждается от своей летаргии.

– Точно, давайте нагрянем с визитом к этим двум старым китайским магам! Я приглашаю! – весело восклицает он.

Произнося эти слова, он немедленно вспоминает, что в кошельке его франков осталось всего ничего – дай бог до конца месяца протянуть, но в тот момент это не имеет никакого значения. Дожить до тридцатого числа он сможет, перебиваясь обедами и ужинами в полковой столовке, а если уж совсем прижмет, то всегда можно одолжить денег у матери, которая работает медсестрой в Лионе, – он ведь ей обязательно вернет, как только получит очередную зарплату.

Монмартр – квартал живописцев и скульпторов, а вот писатели заселяют территорию между Латинским кварталом и районом Сен-Жермен. Так что Саллес, стремясь развеять малоприятную ситуацию на взлетном поле, неспроста предложил отправиться именно в это кафе в самом сердце квартала Сен-Жермен-де-Пре, то самое место, которое для Тони, да и для самой Луизы, которая тоже стихи пописывает, обладает сильнейшим притяжением.

И пока они едут на другой берег Сены, проезжая по Новому мосту в принадлежащем семье Соссинов «Ситроене Б14», Тони говорит о том же, о чем вещает каждый раз, когда они туда направляются: завсегдатаями этого кафе были Малларме, Оскар Уайльд, Аполлинер...

– Но главное – Верлен... вот кто в «Двух Маго» был Сократом!

Хотя все это они слышали уже бесчисленное количество раз, слушают его благосклонно. Им известно, что, пока Тони говорит, все хорошо. Он обладает каким-то особым талантом к повествованию, той соблазнительной властной силой, что обычные анекдоты из жизни летчиков превращает в захватывающие истории.

Все четверо здороваются с официантом, облаченным в длинный, до щиколоток, фартук, и усаживаются за столик под фигурами двух китайских магов, с намеком на которых и было названо это место. Когда полвека назад прежний владелец решил перепрофилировать заведение и вместо магазина тканей и конфекциона открыть ресторан, он решил оставить эти две декоративные фигуры медитирующих китайцев. Никто уже не помнит, ни каким образом они

там оказались, ни что они, собственно, означают. Тони страшно нравится одна игра: он сочиняет им биографию.

– Вот что я думаю: эти двое наверняка были торговыми партнерами Марко Поло в Китае, когда он отправился в путешествие на Восток за шелком и другими тканями. Как вам такое?

– Но если они были всего лишь торговцами тканями, то почему их называют магами?

– А я думаю, что это два молодца из Си-Фана, – высказывает смелое предположение Саллес.

– Си-Фан? Что это еще за чертовщина?

– Как? Вы что, романов о Фу Манчу не читали? Так остерегайтесь же желтой угрозы, ибо основанное им тайное общество Си-Фан незаметно просачивается повсюду! Его агенты – убийцы, они, подобные теням, натренированы убивать тихо и незаметно.

– Зря теряешь время, Шарль. Лучше бы серьезную литературу читал, – укоряет его Бертран.

– Что за чушь! – Тони не удается сдержаться – в его словах слышится излишняя страстность, он даже встает и ударяет кулаком по столу. – Как это – требовать от литературы быть серьезной? Если литература становится серьезной, она превращается в нотариальный акт!

Слова – это вам не цифры в этих новомодных счетных машинках-калькуляторах!

Выступает он столь яростно, что над столом повисает тяжелое молчание. Взгляды людей, сидящих за другими столиками, сходятся на них, и Тони испытывает неловкость. Оливье меняет тему, но теперь он молчит, а потом вдруг: пойду выйду на улицу, проветрюсь.

На самом деле нужен ему вовсе не свежий воздух, ему нужно побыть одному. На уличной террасе – пустые столики, такие печальные в беззащитности воскресных вечеров, когда темнеет как-то внезапно, без предупреждения. Он садится, поднимает воротник пиджака и закуривает сигарету, стараясь согреться крохотным огоньком. Движение на бульваре почти замерло, лишь изредка пробегают пешеходы, а полы их пальто вздымает холодный ветер.

Поодаль – очень пожилой мужчина в старой тиковой куртке, он опирается на тонкую длиннющую трость, по виду напоминающую копье зулуса. Старик поворачивается.

– Вам не кажется это странным?

Тони смотрит вдаль, но видит только пустой тротуар, несколько автомобилей и профиль пересекающего бульвар велосипедиста.

– Что здесь странного?

– Фонарь!

И тут его осеняет: фуражка, тиковая куртка и эта трость на самом деле шест, на конце которого в свое время, должно быть, крепился фитиль.

– Вы фонарщик?

– Точно так, месье.

– Но ведь в Париже давно уже нет газовых фонарей.

Старик хмурится.

– К моему глубокому сожалению. Знаете что? Когда я работал, мой труд частенько казался мне изнурительным, и я мечтал только о том, как бы добраться до дому и лечь спать. Фонарщик был последним, кто ложился в постель, – ведь ему нужно было по вечерам зажечь все фонари, и первым, кто вставал – перед рассветом, чтобы снова их потушить.

– Зажечь и потушить...

– Именно так.

– И работа не казалась вам скучной?

Старик уставился на него ошеломленным взглядом.

– Скучной? Какая странная мысль!

– Я имел в виду, что она такая... повторяющаяся.

– Да, повторяющаяся, конечно. Такой она и должна быть. Сначала один фонарь, потом второй, затем следующий. Сначала одна улица, потом другая, еще одна, и еще. И вот так...

– И вам не надоедало?

– Надоедало? Не понимаю, что вы хотите сказать. Это была моя работа, и у нее имелась цель: зажигать свет и гасить его. Если бы я каждый вечер не зажигал свет, кто-нибудь мог бы угодить в выбоину и упасть, переломав ноги, или еще чего похуже; на каких-нибудь достойных людей, супружескую пару например, могли напасть грабители, и никто бы даже этого не заметил. За свет отвечал я. Сначала один фонарь, потом второй и еще один. И так дальше. А на рассвете в обратном порядке: погасить один, потом другой, затем следующий...

– Но теперь, когда вы уже на пенсии, а фонари электрические, вы должны чувствовать себя счастливым: теперь вы можете спать столько, сколько захочется.

– Нет, как раз теперь я понимаю, как счастлив я был, когда обходил весь город. Сначала один фонарь, потом второй и еще один... вот так.

– А что вы делаете здесь в такое время?

– Я по-прежнему обхожу город – слежу, чтобы горели все фонари. Нет ли где перегоревшей лампы, или вдруг хулиган какой ее разбил, так я записываю все себе в блокнотик, а утром передаю сведения в мэрию, чтобы лампы заменили.

– И мэрия вас слушает?

Лицо старика омрачается.

– Редко.

Тони охватывает желание встать и обнять старика, но он подавляет это желание, потому что в школе его научили быть воспитанным, преподали нормы поведения, которые, в частности, гласят, что обнимать ночью на улице незнакомых нехорошо. И он не припомнит, делал ли тот учебник благовоспитанности исключение для фонарщиков. И думает, что не совсем хорошо понимает планету, на которой никому не кажется странным, что двое незнакомых людей на улице дерутся, но многие будут возмущены до глубины души, если увидят, как два незнакомца обнимаются.

– Пойду дальше.

– Месье фонарщик...

– Слушаю вас.

– Если позволите, мне бы хотелось стать вашим другом.

Глава 2. Расположение авиационного формирования под Истром, 1921 год

Взвод новобранцев усердно копает канаву под внимательным взором младшего лейтенанта Пеллетье, щуплого и чрезвычайного смуглого человечка. Эдакая до черноты пережаренная на решетке сардинка. Своим грязным, словно глиняная траншея, хриплым от дешевой выпивки голосом он подгоняет их, чтобы работали прилежнее, грозя арестом. А еще вздернуть за яйца на флагшток.

– Лентяи гребаные, маменькины сынки! Вы ж на войне сразу в штаны наложите. Ну нет, у меня вы собственное дерьмо жрать будете!

Один парень пошатнулся, чуть не выронив лопату из рук. Пеллетье подскакивает к нему и отвечает звонкую пощечину, разносящуюся на все взлетное поле.

– Четверо суток ареста.

– Господин младший лейтенант...

– Шестеро!

Как только канава достигает двух метров глубины, младший лейтенант делает солдатам знак вылезти на поверхность. Некоторые из них выбираются с трудом, еле живые после нескольких часов упражнений с киркой и лопатой. Капрал приказывает им построиться перед выкопанным в земле прямоугольником; парни, большинство из которых чуть ли не вчера были призваны на военную службу, ощущают, как от тяжелой работы по их спинам стекают ручейки пота, а в висках бурно пульсирует кровь. У одного из них крупной дрожью трясутся ноги. Командир взвода встает перед строем подчиненных и в первый раз за все утро улыбается.

– А теперь – заройте ее.

Кое-кто в отчаянии прикрывает глаза. Один полноватый молодой человек, стоящий в первом ряду, шумно вздыхает. Младший лейтенант в два прыжка оказывается прямо перед ним и требует назвать его номер.

– Четверо суток гауптвахты.

Пеллетье оглядывает остатки взвода – новобранцы старательно таращатся на линию горизонта, избегая встречи с его бешеным взглядом. Но один из них смотрит прямо на капрала, твердо, не мигая.

– Есть проблемы с пониманием приказа, призывник?

Солдат, которому был адресован вопрос, отвечает неожиданно уверенным, пожалуй, даже решительным голосом без малейшего намека на почтение:

– Никак нет, господин младший лейтенант! К вашим услугам, господин младший лейтенант!

Младший офицер усматривает в его взгляде и в решительном тоне скрытый вызов. Но верно и то, что призывник не совершил ничего предосудительного и его ответ был тверд и мужествен, как он сам того от них и требует. Офицер подозрительно, с ног до головы оглядывает призывника: юнец выше его на полголовы и на треть метра шире в плечах. Замечает, что солдат с такой силой сжимает черенок лопаты, что бицепсы бугрятся под рукавами гимнастерки. И ощущает инстинктивную ненависть к этому призывнику, потому что понимает, что тот его не боится.

– Как зовут, призывник?

– Мермоз, месье! Жан Мермоз!

Он не может его наказать – парень демонстрирует военную выправку. Младший лейтенант кивает, не сводя с него взгляда – взгляда охотника, который видит, как из-под прицела его ружья удирает заяц, но и со сладострастным блеском в глазах, свойственным тем, кто в

будущем предвкушает момент, когда добыча вновь окажется в пределах досягаемости и он таки ее прихлопнет.

И пока взвод засыпает канаву уже стертыми о железные черенки лопат до кровавых мозолей руками, Мермоз поглядывает на другой конец их лагеря под Истром, где недвижно стоят на асфальте с полдюжины бипланов. Он слышит, как бурчит в голодном желудке, ведь казенная обеденная порция не способна удовлетворить его потребности, но сознает и другую неудовлетворенную потребность: летать. Именно эта потребность побудила его записаться добровольцем в военно-воздушный флот, согласившись на долгие четыре года военной службы.

В один прекрасный день в нем, ни разу до той секунды не бывавшем на борту самолета, внезапно проснулся тот мощный импульс, который заставляет нас сделать выбор на развилках жизненного пути. В юности он вел жизнь богемную и даже, можно сказать, расхлябанную, проводя долгие вечера за чтением поэтов, слывших мятежными, бродя по улочкам квартала Монпарнас в окрестностях авеню дю-Мен, где жила его матушка, добрая женщина, удрученная жизнью.

Как-то под вечер, в уже сгущающихся сумерках он стоял в тоске на набережной Сены, опершись о парапет, и смотрел, как катит свои волны, захлестывая берега, разгуливающаяся река, и тут взгляд его задержался на огромном, увлекаемом течением бревне. И вдруг в разбухшем дереве он увидел образ собственной жизни.

Нет, не позволит он реке времени тащить себя, подобно бревну, по течению. И тогда Жан дал себе клятву: будь что будет, но по течению он не поплывет, не даст себя утащить – он противопоставит себя реке. Не станет он разбухшим от воды деревом, ни в жизнь. Ему нужен вызов, нужна цель, что-то, что поставило бы его у штурвала собственной судьбы. И именно тогда он поднял голову, взглянул в поисках вдохновения в небо – и увидел тучи. Кивнул и громко расхохотался, не обращая никакого внимания на взгляды спешащих по мосту прохожих. Он поднимется туда, вверх, и окажется выше всех, быстрее всех, дальше всех.

Записался он в воздушный флот, желая стать летчиком, но реальная жизнь оказалась не похожей на мечты о подвигах. Истр – настоящая крысиная нора, куда прибило немало число прапорщиков и сержантов из пехоты, переживших Великую войну, что закончилась три года назад: это были люди без особого призвания, часть из которых получили нашивки из-за свойственной им жестокости. Привыкшие к ощущению собственной значимости на топких полях сражений, в пресной обыденности мирной жизни они оказались никем. Были среди них и такие, как младший лейтенант Пеллетье, кто терпеть не мог высокомерие летчиков с этими их кожаными куртками и самомнением героев неба. В годы Великой войны те только и делали, что играли со своими летающими погремушками, в то время как они, пехота, давились грязью и кровью в простреливаемых насквозь траншеях.

Мермоз старается отделить себя от давящей атмосферы казармы, но от собственного разочарования уйти не удастся. Неделя проходит за неделей, а их обучение летной профессии еще и не начиналось. Они всего лишь ворочают камни, причем без всякой видимой цели, копают траншеи, которые потом снова зарывают, или совершают изнурительные марш-броски с тяжеленными, нагруженными разными железяками вещмешками за спиной, после чего просто валятся с ног. У многих мечта стать пилотом испаряется. Один из них уже отрекся и перешел в пехоту. Пехотинцев-то они встречают каждое утро: те сидят в сторожевых будках и несут караул, не занятые ничем, кроме как борьбой со скукой. Но Мермоз воспринимает предназначенные им испытания – или наказания – стоически и даже подбадривает товарищей, убеждая переносить все стойко и невозможно.

– Очень полезные для здоровья упражнения. Мы станем сильными, как быки!

В свободные вечера, после изнурительного дня, оставляющего многих новобранцев совсем без сил, он ходит в спортзал боксировать. Методично наносит удары по боксерской груше, прыгает через скакалку и делает разминку с энтузиазмом, от которого у его товарищей

отвисает челюсть. Денежное довольствие у них скудное; чтобы скопить несколько монет на воскресный ужин и танцы в Истре, приходится экономить. Однако его тело требует намного больше калорий, чем предусмотрено казенным пайком. За шесть сантимов в продовольственной палатке можно купить четверть литра какао. Казалось бы, всего ничего, но в какао можно крошить хлеба, и это поможет насытиться. Довольно быстро выясняется, что четверти литра хватает всего на полбатона. Однажды вечером он появляется перед солдатиком на раздаче и ставит перед ним жестяную банку из-под печенья, найденную в кладовке. Солдат смотрит с удивлением.

– Казенную кружку я потерял. И пока каптерка не выдаст мне другую, приходится обходиться вот этим.

Солдатик переводит взгляд на металлическую банку, потом снова на Мермоза. Банка раза в два больше по объему, чем казенная кружка. И это настолько очевидно, что совершенно ясно: Мермоз и не думает его обманывать. Он просит о сообщничестве, не произнося волшебного слова «пожалуйста», не утруждая себя ни единым признаком скромности, просто-напросто требуя то, что ему положено. И емкость наполняется густым какао.

Явившись на танцы, под звуки оркестра, состоящего из четырех тощих музыкантов, которые тшятся разогнать воскресную скуку, он стремится утолить голод другого типа. Ему не составляет большого труда привлечь к себе внимание девушек, прозябающих в трясине городка, в котором никогда ничего не происходит. Парень он видный: хорош собой, статен, мужественен и неизменно вежлив. Так что девушек он меняет чаще, чем носки.

В танцевальном зале, где девушки и парни играют в вечные кошки-мышки, однажды вечером он встречает тоненькую девушку, коротко стриженную под мальчика, с глазами, на которые нанесено излишнее с точки зрения нормы боязливого провинциального городка количество косметики. Головы матерей, бабушек и теток, исполняющих функции полиции нравов в отношении своих дочерей, внучек и племянниц, тут же сближаются, чтобы перетереть ей косточки.

Слишком худые девушки ему не по вкусу, но эта ему нравится своей смелостью – одна против всех. Он идет к ней с той самой решимостью, с которой охмуряет городских модисток, а она встречает его легкой улыбкой. Тщеславие по поводу новой легкой победы распирает его изнутри, как фаршированного индюка. Чего он не знает, так это того, что она заприметила его с того самого момента, как он вошел в зал, и вальяжно прошлась у него перед носом, когда сама решила, что ей интересен этот солдат со светлыми, стриженными под машинку волосами.

Мермоз сжимает ее руку и шепчет на ушко комплимент. Она делает вид, что слегка зарделась, создавая впечатление, что он близок к победе.

Вечерняя поверка в части проводится по воскресеньям в девять. Совсем немного времени, чтобы сводить девушку в пансион «Мартиника», где за несколько сантимов консьерж выдаст ему ключ от комнаты. В те разы, когда денег у него вообще нет, консьерж записывает сумму на счет и никогда не пеняет за просрочку. А бывает и так, что времени заглянуть в «Мартинику» вообще нет или девушки пугаются его намерений и артачатся. Порой приходится довольствоваться удовлетворением через рукоблудие, со смехом убеждая партнершу, что таким образом он полностью гарантирует сохранение ее девственности. Но в тот вечер не проходит и полчаса, как Мадлен переступает вместе с ним порог комнаты в «Мартинике», а минуту спустя она уже и одежду скидывает. И без тени стыдливости идет через всю комнату вытащить из сумочки пудреницу.

– Можешь не подкрашиваться, не нужно – ты и так выглядишь чудесно.

В ответ она только улыбается; наивные парни ее умиляют. Показывает металлическую коробочку – внутри вовсе не пудра и не румяна, а маленький латунный цилиндрок и какой-то белый порошок.

– Что это?

Она смотрит на него с нескрываемым сарказмом.

– Это, дорогуша, пропуск в рай.

Глава 3. Париж, 1923 год

«Женестин» катит по многолюдному бульвару Клиши. Андре, старший из братьев Вильморенов, расхваливает новый семейный автомобиль, поясняя, как разработанный Полем Женестином усилитель тормозов может полностью остановить движущееся со скоростью ста километров в час авто с тормозным путем в двадцать шесть метров. Сидящий рядом с ним Шарль Саллес кивает. На заднем сиденье, полулежа из-за артрита в бедре, расположилась Луиза; она внимательно рассматривает мельтешащую на улице толпу.

– Мне бы так хотелось сходить в «Мулен Руж»! – восклицает она, указывая на кабаре с неподвижными в эти утренние часы лопастями мельницы.

– Ты да на этом старомодной представлении с канканом, нет, даже вообразить себе не могу, – отзывается Шарль.

– О, Шарль, дорогой... да ты сам, как видно, уже вышел из моды! – Все находящиеся в салоне авто начинают улыбаться в ответ на дерзкие слова Луизы, явно задающей тон. – Там уже несколько лет канкана в помине нет! Теперь там кабаре...

– Тебе оно не понравится, Лулу...

– Это еще почему?

– Да ведь это не что иное, как публичный дом для самых неотесанных нуворишей Парижа.

– Сент-Экс, не надо произносить подобных слов в присутствии моей сестры! Барышням противопоказано! – осаживает его Андре.

– Ладно, ладно... беру назад публичный дом. Это всего лишь чайный салон, где никто не пьет чай.

И пока Шарль и Луиза громко хохочут, а ее брат скорбно качает головой, всем своим видом показывая, что тут уж ничего не поделаешь, дело пропавшее, двуколка, за которой ехало их авто, внезапно тормозит. Лошадь встает на дыбы, перевозимый товар вываливается на мостовую. Андре также вынужден резко затормозить.

– Когда же уберут наконец эти таратайки из Парижа! – сердито кричит он. – Неужто кому-то до сих пор неизвестно, что на дворе 1923 год?

Огромная куча дынь раскатилась по мостовой, и образовалась знатная пробка из пешеходов, в которой перемешались все: и степенные меcье в шляпах и высоких ботинках, наблюдающие за происходящим, и торговцы с близлежащего продуктового рынка, что бросаются помочь собрать раскатившийся товар, и воришки, которые не упускают случая и используют всеобщее замешательство, чтобы удрать с желтым плодом под мышкой.

– Держи вора! – раздается чей-то крик.

Движение остановлено, начинают сигналить клаксоны.

– Париж просто невыносим! Затор продлится целую вечность! Сейчас развернусь, попробуем добраться через площадь.

– Подожди! – останавливает его Луиза. – Мы уже в двух шагах от «Вьенуаз»³. Выйдем здесь!

– Доктор сказал, что ты не должна ходить пешком.

– А кто сказал, что я пойду пешком? Разве здесь нет достаточного количества джентльменов, чтобы меня донести?

И раньше, чем ее брат успевает открыть рот, чтобы выразить протест, Луиза уже открывает дверцу машины.

– Подожди! Ну почему ты такая нетерпеливая?

---

³ Кафе «Вьенуаз» («Венское») – одна из самых знаменитых кофейен Парижа.

– Не могу терять ни минуты! Жизнь слишком дорога, чтобы терять ее попусту, верно, Тони?

Он активно ее поддерживает.

– Если бы выставили на торги в «Кристис» минуту жизни... до каких пределов могло бы вырасти предложение?

– Я думаю – две тысячи франков! А вы что скажете?

– Гораздо больше!

– Даю две пятьсот! – провозглашает Саллес.

– Три тысячи! – И Луиза энергично выкидывает руку вверх.

Андре де Вильморен пыхтит, но не поймешь – то ли сердито, то ли забавляясь.

– Ладно, идет. Но подождите секунду, дайте хоть припарковаться у обочины.

– Поспеши, Андре, поспеши! – подгоняет его Тони. – Мы теряем тысячи франков!

В багажнике автомобиля лежит приспособление, которое уже приходилось использовать, когда Луизу вывозили за город погулять, в том числе во время обострения артрита. Это портативный паланкин, купленный семейством Вильморен у одного из импортеров восточных товаров: толстый лакированный брус черешневого дерева с куском плотной жесткой ткани, навесом, и небольшим гамаком из бамбука, что крепится к брусу. Шарль достает это чудо инженерной мысли и устанавливает его возле дверцы. Луиза опирается на руку своего суженого, чтобы устроиться в паланкине удобнее.

Тони и Андре достается честь нести Луизу, уложив черешневый брус на плечо: один идет впереди, другой – сзади, на манер носильщиков. Шарль Саллес берет на себя труд расчищать в толпе путь для всей процессии, пока они не дойдут до улицы Лепик.

– Расступись! Разойдись по сторонам, сделай милость! – энергично и властно выкрикивает он, словно актер на подмостках, разыгрывая роль глашатая. – Несем даму, даму чрезвычайной важности!

Народ подается в сторону, уступая дорогу странной процессии, во главе которой выступает Саллес, решительно тараня толпу, а за ним два молодых месье несут экзотический паланкин, в котором виднеется юная рыжеволосая дева с отсутствующим взглядом и гордо поднятым подбородком, под которым взорам всех желающих открывается лебединая шея принцессы.

Официанты, обслуживающие столики брассерии «Ля-Пляс-Бланш», застывают на месте с подносами, уставленными стаканами со смородиновым морсом и чашками кофе. Носильщики в темных халатах, что возят по улицам тележки, месье в котелках и продавщицы в длинных юбках – все выстроились по сторонам, ведомые любопытством: кто же эта дама, что передвигается по городу в носилках на плечах своей свиты, как Клеопатра. Прибывший на место происшествия с дынями жандарм, целью которого было разобраться с возникшим затором, видит приближающуюся даму под балдахином и приветствует ее по-военному, будучи убежден, что это, должно быть, дочь какого-нибудь посла из далекой заморской страны. Луиза отвечает на его приветствие легким наклоном головки, и страж порядка помещается перед Саллесом, чтобы расчищать процессии путь, властно приказывая народу разойтись.

И жандарм прокладывает им путь до угла, а потом сопровождает до улицы Лепик, где на первом этаже отеля «Бо Сежур» расположена кофейня и кондитерская «Вьенуаз», распространяющая на несколько метров вокруг соблазнительный запах сливочного масла и подрумяненной муки. Носильщики осторожно опускают паланкин. Полицейский козыряет на прощание. Тони церемонно, царским жестом, как истинный джентльмен подает руку Луизе, в то время как Саллес предлагает с другой стороны свою. Все четверо, отчаянно сдерживавшие смех до этой минуты, дабы не смутить торжественности своего прибытия, входят в кондитерскую, безудержно хохоча.

Глава 4. Расположение авиационного формирования под Истром, 1921 год

Неделя длится сто дней. День – сотню часов. Младший лейтенант Пеллетье до трех раз на дню заставляет их подметать взлетно-посадочную полосу, используемую не чаще одного раза в сутки. Он заставляет их маршировать, гоняя в хвост и гриву: раз-два, раз-два, раз-два... тя-ни но-сок, тя-ни но-сок... Единственная ошибка при проходе в строю может повлечь за собой наказание – запрет на увольнение в воскресенье, и в поте лица своего новобранцы стараются не допустить этой ошибки.

Мермоз порывист, но не злопамятен. Тем не менее за прошедшие недели в его душе постепенно скопилась и загустела мрачная ярость, вытеснившая иные чувства. А еще с ним стало происходить то, чего не было никогда: у него трясутся руки.

В среду им предоставляется возможность выбрать свою судьбу. Из сорока парней, которые по собственному желанию записались в авиаполк, только пятеро выразили желание продолжать службу. Остальные захотели перевестись в пехоту, что давало им возможность досидеть срок военной службы на каком-нибудь тихом штабном местечке, может статься, в другом подразделении, где можно будет избавиться от созерцания Пеллетье навсегда.

Мермоз остался.

Этим пятерым унтер-офицер отдает приказ построиться и объявляет, что у него есть специальное задание для господ, стремящихся в небо. Для начала он гонит их бегом до самого конца гарнизонной территории, к ограде. Приказывает поднять металлическую крышку люка. И когда она открывается, обнаруживается черный колодец с лесенкой, откуда их резко, как пощечиной, обдаёт выбивающим слезу смрадом.

– Отстойник казармы не опустошали неделями. А теперь я желаю увидеть его чистеньким, как святая рака. Если останется хоть капля дерьма – вы у меня языком ее вылизете.

И показывает рукой на ведра и тачку, куда нужно будет выгружать экскременты.

– Есть сомнения?

– Никак нет, господин младший лейтенант... где взять лопаты?

И тут Пеллетье разражается хохотом.

– Лопаты? Еще чего не хватало – имеющиеся на балансе вооруженных сил инструменты на подобные цели расходовать. Лопаты у вас вон – из рукавов торчат. Пошевеливайтесь, лодыри!

Мермоз спускается первым. Его товарищ по имени Корсо советует обвязать лицо носовым платком. Газ метан, выделяемый содержимым отстойника, может вызвать обморок, а там недалеко и до смерти – одной из наименее почтенных.

Чтобы обмануть самого себя, укрыться от омерзения и предотвратить рвоту, он старается убедить себя в том, что оказаться здесь, среди дерьма, это успех. Успех, потому что он не отрекся от своей судьбы, не отступил.

Троим из пятерых становится плохо, и они вылезают из смрадного колодца до окончания работы. Пеллетье заносит в их личные дела пометки о неисполнении приказа, что автоматически лишает их шанса быть принятыми на курсы подготовки пилотов. Но Корсо и Мермоз выдерживают – до последнего ведра. Задерживая дыхание, чтобы не надышаться газом, оба силятся держать в мыслях одно – надежду научиться летать. Кто бы мог подумать, что столь высокое и чистое стремление способно довести до столь омерзительного колодца. К ним подходит капитан – поинтересоваться, что такое здесь происходит, и младший лейтенант Пеллетье докладывает ему, что он привел пару солдат вычистить выгребную яму.

На глазах капитана они вылезают на поверхность земли с пустыми ведрами. Руки черные, обмундирование черное, лица тоже черные. И смердят.

– Все вычистили? – спрашивает их капитан.

– Так точно, мой капитан.

Пеллетье яростно крутит черными глазами.

– Смотрите у меня, если вы солгали капитану, я вас на столько на губу закатаю – седыми выйдете.

Оба солдата вытягиваются по стойке смирно: нет оснований сомневаться, что Пеллетье в люк не полезет, побережет свою безупречно чистую форму.

– Есть у меня способ выяснить, действительно ли все вычищено так, как было приказано, – и хитренько так улыбается. – Если вы и в самом деле выгребли все содержимое отстойника, то должны были добраться до самого дна и, стало быть, сможете теперь сказать, какого цвета плитка на дне резервуара.

– Никак нет, не можем сказать, господин младший лейтенант...

Повисает пауза, в течение которой Мермоз глядит в глаза унтер-офицеру, у которого, как у готового вцепиться в добычу хищника, уже текут слюнки в предвкушении расправы.

– Мы не можем назвать цвет плитки, потому что плитки на дне нет. Дно цементное.

Взгляд Пеллетье вспыхивает яростью.

– Это верно, младший лейтенант? – адресует ему вопрос капитан, морща нос от распространяемого солдатами смрада.

С горьким разочарованием на лице ему приходится признать, что это правда.

– В таком случае отправьте этих парней в душевую и освободите от всех видов работ, запланированных до обеда.

– Слушаюсь, – отвечает он с плохо скрываемой досадой. – Команду капитана вы слышали. Бегом марш!

Оба, счастливые, бегут к душевой на глазах у других солдат, с изумлением взирающих на этих бродячих ассенизаторов.

В пятницу Мермоз читает свежий приказ, вывешенный на двери спального корпуса, и видит строчки, которых так долго и терпеливо ждал: «Рядовой Жан Мермоз с понедельника приступает к освоению практического курса пилотирования. После утренней поверки он обязан прибыть в конференц-зал аэродрома». Ликующий крик из его глотки разносится по всей части.

Тем вечером на пару с Корсо он садится сыграть в покер с одним отпрыском хорошей семьи, новичком в казарме, который строит из себя великого картежника. Приятели заранее сговорились. И вот, сдавая карты, Корсо подсутился, чтобы джокеры и всякие короли-дамы-валеты пошли Мермозу, ну и он, в свою очередь, когда будет сдавать, поступит так же. С тем расчетом, чтобы выигрывать по очереди, а у лоха не возникло бы подозрений, что его просто обтрясают со всех сторон, как спелую грушу.

И поскольку в субботу у него увольнение, то он находит выигранным денежкам применение: приглашает Мадлен в ресторан, с его точки зрения – элегантный, там подают форель, фаршированную нежнейшим беконом. Девушка оставляет половину своей рыбы несъеденной, Мермоз перекладывает остатки ее порции на свою тарелку и осушает целую бутылку вина. Ничто не может его насытить. Тогда она с невинным взглядом пай-девочки слишком щедро подведенных черным, каких-то вампирских глаз интересуется, не хочет ли он десерта. Тот десерт, что ей нужен, не прописан в меню, его подают в «кошачьем переулке» – темном закутке за фабрикой по производству жалюзи, где есть шансы встретить торговцев белым порошком. Так что часом позже, когда парочка добирается-таки до хостела «Буш-дю-Рон», глаза у обоих блестят, а кровь в жилах бурлит.

В понедельник Мермоз одним прыжком выпрыгивает из казарменной койки, но замечает, что руки дрожат. От холода, наверно, или от нервов, ведь сегодня ему предстоит начать новую жизнь ученика пилота. Мысль о начале обучения на летчика с лихвой окупает все, что было. Однако теоретические занятия беспросветно скучны, да и большая часть времени до обеда занята у курсантов надраиванием замасленных полов ангаров и восстановлением покрытых копотью частей самолетов Первой мировой. «Ньюпоры» и «Моран-Солнье» – настоящие летающие гробы. Есть и еще одно дело – провожать в последний путь то курсанта, то летчика чуть ли не через день.

Топливный бюджет скуден, самолеты поднимаются в небо нечасто, стало быть, практические занятия, то есть полеты, проходят только раз в неделю. Так что каждый день – целыми часами – ученики занимаются в основном тем, что ровняют взлетное поле, вооружившись деревянной трамбовкой, или метут аэродром вересковыми метлами, удаляя листочки и травинки. И дело вовсе не в том, что командование отличается особой приверженностью к чистоте, дело в том, что в мирное время армия имеет перед собой единственного врага, с которым вынуждена бороться: скуку. И Мермоз ждет, ждет со все возрастающим нетерпением того момента, когда он наконец сядет в кабину пилота.

Координатор его группы и летный инструктор – человек низкорослый и тощий, с густыми, словно щетки, бровями. Неопределенного возраста, да еще и из тех, у кого спустя пару часов после бритья щеки вновь покрываются сизой тенью щетины. По званию он всего лишь ефрейтор – вещь редкостная, но есть в нем нечто такое, что выдает ветерана: то ли закатанные выше локтя рукава, что нарушает принятые нормы, то ли замедленные движения, как будто он никогда и никуда не спешит и его вовсе не волнует перспектива состариться в казарме.

В первый раз Мермоз забирается в самолет вместе с ефрейтором Березовским. Машина – «Кодрон G.3», оборудованная как учебный борт, с двойным управлением. Ефрейтор в очередной раз наставляет: «Звук мотора – самое главное. Мотор у него – звездообразный вращательный, восемьдесят лошадей. Ритм меняется, мотор кашляет, тон повышается... – ко всему прислушивайся, все подмечай. Если заглохнет, а ты прохлопаешь – тебе конец».

Березовский садится на заднее место, берет на себя управление, курсант устраивается на переднем, и вот самолет отрывается от земли. Наконец-то! Внизу остаются казармы Истра и армия дворников с метлами, внизу – темная ненависть Пеллетье, внизу – унылая рутина... С того момента, когда они отрываются от поверхности земли и Мермоз начинает ощущать, как волнами бьет ему в лицо ветер, он понимает, что находится именно там, где хочет быть: еще выше, еще свободнее. Ему уже успели рассказать, что экзамен трудный, что едва ли треть его сдает, а нужно ведь еще живым вернуться. Но он безоглядно верит: он станет летчиком. Инструктор советов практически не дает, да он и рта-то почти не раскрывает. У него есть лишь один совет, который он повторяет с завидной регулярностью, перекрикивая оглушительный рев двигателя:

- Мотор, мотор слушай.
- Да я его слышу!
- Я ж тебе не слышать велю, а слушать!

Мермоз теряет терпение и, пренебрегая воинской иерархией, отвечает старшему не по уставу:

- Да что я должен услышать-то?

Любой другой командир наложил бы на него взыскание за дерзость.

Но Березовский всего лишь изумленно поднимает кустистые брови. А Мермоз – он слышит не более, чем адский металлический грохот.

После нескольких пробных пролетов инструктор трогает его за плечо и жестами приказывает взяться за штурвал двойного управления самолетом. По одной лишь манере братья руками за рога штурвала, задолго до того, как ученик осуществит свой первый маневр, Бере-

зовский может определить, выйдет ли из парня пилот. У тех, кто негоден, при первом прикосновении к штурвалу самолета руки трясутся. А с Мермозом, у которого в последнее время руки вечно дрожат, все происходит наоборот: стоит ему взяться за рычаги управления, как на него нисходит спокойствие. И нервозности – как не бывало.

В последующие дни он легче переносит и долгие часы утрамбовывания взлетного поля, и нудную рутину по наведению чистоты. Теоретические занятия по пилотированию и еженедельные полеты перевешивают для него все вересковые метлы. И вот в один прекрасный день, когда должен состояться его учебный вылет, Мермоз подходит к машине, но Березовский делает шаг назад. Движением кустистых бровей, которыми он выражает свои мысли не хуже, чем губами, он показывает ученику: твой час настал. В первый раз он будет управлять самолетом сам. Мермоз набирает в грудь воздуха. Он не боится за свою жизнь, а лишь слегка тревожится – не хотелось бы разочаровать инструктора. Ему нравится этот молчальник – среди стольких надутых спесью военных он кажется бедолагой, случайно выжившим в кораблекрушении.

Кто угодно пришел бы в ужас от одной мысли, что ему предстоит забраться в этажерку с крыльями и единственным мотором, что выходит из строя через каждые три-четыре вылета, но Мермоз чувствует себя счастливым. Он поворачивает ключ зажигания «Кодрона G.3» и разгоняет его по бетону взлетной полосы.

– Взлетай, чемпион!

Слова теряются в реве мотора, но аппарат поднимается, и Мермоз ощущает могущество. Вибрация фюзеляжа передается от кончиков пальцев выше – рукам, а от них – ребрам и всему телу. Теперь он вибрирует вместе с самолетом, слившись с ним в одно целое. Он в эйфории: кричит, смеется, дрожит.

Пилот еще очень неопытен; его хватает только на то, чтобы взлететь, сделать разворот и приземлиться. И в тот самый момент, когда он разворачивает машину, чтобы вернуться на взлетное поле, мотор глохнет. Воцаряется странная тишина с единственным звуком на ее фоне – свистом воздуха. Тишина – злейший враг летчика. Но пилот не теряет спокойствия и продолжает маневр так, как тот и был запланирован. Самолет планирует, влекомый тонко гудящими потоками воздуха, и Мермоз завершает свой первый самостоятельный полет наилучшим образом.

Ступив одной ногой на землю, ищет взглядом инструктора. Березовский с бесстрастным видом стоит, прислонившись к бидонам с топливом. Смотрит на него, ни слова не проронив, только раз кивает. Мермоз воспринимает этот кивок как знак одобрения. Он прошел самое главное испытание учебного периода. Следующее будет последним – официальный экзамен. Провалиться – глагол, спрягать который он не умеет.

Глава 5. Аэродром Ле-Бурже (Париж), 1923 год

Вялотекущая воскресная скука в расположении 34-го авиаполка весьма способствует тому, что Тони легко убеждает юного лейтенанта Ришо выкатить из ангара «Анрио HD.14».

– За штурвал сяду я, и мы с тобой с небес полюбуемся Сеной, – объявил он ему.

– Но ведь мы не внесли это в план полетов, который комендатура подписывает. Так что выйдет не по уставу.

– По уставу – в аккурат то, что в жизни пугает меня больше всего, Ришо. – Бесстрастные, как у рыбы, глаза прапорщика Сент-Экзюпери пронизывают его взглядом, в котором сожаление смешано с искусом. – Уставы убивают воображение.

Парень пожимает плечами.

– Как скажешь.

После этих слов уныние в облике Тони оборачивается радостью.

Оба подходят к крепко сшитому биплану, обычно используемому для учебных полетов: аппарат деревянный, с парусиной на крыльях. Кабины пилотов, расположенные одна за другой, открытого типа, крышей же летчикам служит верхнее крыло. Тони забирается в заднюю кабину, раззадоренный предстоящей проделкой, и самолет резко, словно очень спешит, отрывается от земли. И тут же набирает высоту, держа направление на город.

Тони хохочет. Напарник с опаской прислушивается к звукам, что доносятся до него через металлическую переговорную трубку, соединяющую кабины в учебных самолетах. Анекдотов вроде никто не рассказывал... Бьющий в лицо ветер вынуждает в переговорную трубку кричать.

– Чего смеешься?

– Мы летим...

Тони закладывает вираж над пригородами. Париж с такой высоты как будто спит.

– Сент-Экзюпери, ты, надеюсь, не над центром полетишь?

– Боишься, что в Эйфелеву башню врежусь?

– Боюсь другого – что полковник Буэнви будет гулять с семейством в выходной по Марсову полю и вдруг увидит у себя над головой «Анрио», который должен стоять в ангаре.

Тони не может удержаться от искушения протестировать маневренность самолета и ставит его сначала на одно крыло, а потом заставляет выписывать в небе зигзаги, словно слалом между облаков. Ришо чувствует, что желудок превратился в камень, сжимается и все остальное, но он не желает доставить своему приятелю такое удовольствие, как повод упрекнуть его в трусости. А Тони просто визжит от наслаждения.

Сену они пересекают, как будто мальчишки через канаву прыгают. Тони выравнивает самолет и умолкает. Ришо удивляется, что не слышит приятеля сзади.

– А теперь ты чего замолчал, Сент-Экс?

– Потому что я думаю.

– И о чем ты думаешь?

Ответа нет. На обратном пути в Ле-Бурже, когда они уже идут на посадку, их тревожит некий шелчок. Пилоты опасаются худшего, и не зря: мотор глохнет на высоте восьмидесяти метров, когда отказаться от запланированного действия нет никакой возможности. Ришо кричит тонким голосом:

– Запускай двигатель! Запускай, бога ради! Запускай, говорю!

Но они уже почти на земле, и Тони решает не терять ни сотой доли секунды на бессмысленное действие. Недрогнувшей рукой он, готовясь к посадке, слегка приподнимает нос самолета, хотя до аэродрома еще не дотянули и на земле под ними полно разных камней и выбоин.

Ришо кричит. Тони тоже орет. Нос самолета касается земли, пропеллер от резкого удара отлетает, биплан переворачивается, одно из двойных крыльев ломается, оба ощущают сильный толчок на фоне сплошной хаотической тряски. Тела пилотов подвергаются неконтролируемым ударам. Грохот, скрежет, ломающаяся обшивка, боль. Потом все становится черным, и наступает тишина.

Глава 6. Истр, 1921 год

Мермоз все ставит на одну карту. Чтобы получить звание пилота, он должен безупречно взлететь и в совершенстве посадить самолет. С северо-востока дует довольно ощутимый ветер, к тому же он усиливается, но ни второго шанса, ни оправдания у Мермоза не будет. Видно, что он взволнован; и, хотя он залил в себя уже около литра воды, горло пересохло, а руки не находят себе места. В своем заношенном и выцветшем военном комбинезоне к нему подходит Березовский. Пару раз приподнимает левую бровь – ту, что специализируется на предупреждениях.

– Слушай мотор... – И, не прибавив больше ни звука, отходит.

Свежий бриз треплет ветровые конусы и выпеллы, но, несмотря на некоторое покачивание под порывами ветра, к взлету претензий нет. Полет проходит без происшествий, хотя ветер все крепчает. Мермоз выполняет все предписанные программой экзамена развороты, но через считанные минуты понимает, что свежий бриз стал уже шквалистым ветром. Самолет швыряет из стороны в сторону, и управлять им стоит немалых трудов. Свист и завывание воздуха не дают ему даже слушать мотор, о чем без конца предупреждает Березовский, и Мермоз чувствует, как по его телу под комбинезоном ползут ледяные капли пота. Ему страшно, да еще как – просто до ужаса. Вот только страшится он не на землю упасть, не смерти он боится, он боится завалить экзамен.

Собрав все силы, он готовит машину к посадке, развернув ее носом против ветра посреди адского грохота и болтанки, что творится наверху. Шасси обретают нормальный контакт с полосой в два прыжка, но самолет накрывает резкий вихрь, крыло касается земли и отламывается. Биплан бесконтрольно вращается, пока не встанет наконец в нескольких метрах от одного из ангаров.

Солдаты из технической поддержки подбегают с носилками. Голова Мермоза лежит на штурвале. Один из них с силой хватает его за плечо.

– С тобой все в порядке?

Мермоз поднимает голову – подбородок вперед, весь красный от ярости.

– Нет, я труп! Я все завалил! – И сжимает кулаки.

Второй попытки нет, правила на этот счет недвусмысленны, там все четко. Сильный ветер – возможная составляющая условий полета и не является причиной переноса экзамена.

Когда Мермоз возвращается в расположение части, на нем нет лица. Проходит пост на входе без остановки, не здороваясь с караульными. Дурные вести всегда прилетают раньше, чем хорошие. Младший лейтенант Пеллетье обо всем уже знает и поджидает его прямо посреди главной улицы, между казармами, сверкая триумфальной улыбкой.

– Слушай, ты! Тебе на курсы подметальщиков лучше было податься! – И раздражается громким хохотом, как будто сегодня счастливейший день в его жизни.

Возможно, так оно и есть.

Мермоз обводит его взглядом.

Теперь уж ему все равно, что будет: из армии вышвырнут или под трибунал отдадут...

Мермоз резко отшвыривает вещмешок, сжимает кулаки, и заслонки его ярости распахиваются во всю ширь. Он знает, что убить человека сил ему хватит. Пеллетье застыл в ожидании: рука поверх кобуры с казенным пистолетом, пристегнутой к поясному ремню. И вдруг, словно метеорит, в самый неподходящий момент на сцену врывается Березовский. Или в самый подходящий. Он сердит – брови сходятся острым углом над носом.

– Мне жаль, что я провалился, Березовский. Это ветер – ужасный ветер!

Инструктор смотрит на него с презрением.

– Ветер, значит! Не мели чепухи! А если война – что делать будешь? Скажешь противнику – давай как-нибудь в другой раз, а то сегодня ветер?

Мермоз ничего не отвечает и горестно кивает. Березовский удаляется, засунув руки в карманы своего вечного, покрытого масляными пятнами комбинезона, и, когда Мермоз оборачивается, Пеллетье рядом с ним уже нет.

К черту Пеллетье!

Ночью ему не спится. Жуткий ветер так и завывает в ушах. В каком-то бесконечном хороводе перед глазами продолжают кружиться картины сегодняшнего утра: полоса, увеличивающаяся в размерах, когда он спускался, ветер, который, казалось, вознамерился оторвать у самолета крылья. Все последние недели он держался от кокаина подальше, но сейчас снова чувствует властное влечение к этим белым, цвета мела, дорожкам. Теперь он не имеет ни малейшего понятия, что станет с его жизнью. Мермоз, этот задиристый петух, этот не ведающий страха человек, лежит на койке пластом, накрыв голову одеялом. Его бьет дрожь. В ту ночь он узнает, что ничто на свете не пугает больше, чем неизвестность.

Глава 7. Госпиталь Вильмен (Париж), 1923 год

Свет – белый, запах – резкий. Тони знает или же каким-то неведомым образом угадывает, что времени прошло много – часы или дни. И что это не Ле-Бурже, и что тело его уже не в окружении обломков самолета. Глаза открыть он пока не решается. Вдруг окажется, что ты уже умер? Он предпочитает оставаться по этому поводу в неведении. Ведь ты не умрешь, пока сам свою смерть не осознаешь. А если все же умер... то куда его отправили – на небо или в преисподнюю? Любопытство побеждает. Он медленно, очень медленно поднимает жалюзи век и видит Шарля Саллеса – тот сидит возле его постели на табурете.

– Саллес...

– Сестричка, пациент номер пять очнулся!

– Где я?

– А сам-то как думаешь?

– Ну если ты здесь, то уж точно не на небесах. Должно быть, это ад, но очень комфортабельный – с музыкой и девушками красивыми.

– Прямо в точку! Госпиталь Вильмен никак не райские кущи, это уж точно. Здесь хлоркой воняет. Но сестрички попадают – первый класс, сам увидишь...

Тони пытается посмеяться, но стоит ему шевельнуться, как тут же начинает болеть сразу все. Вдруг его пронзает беспокойство, и он вмиг становится серьезным.

– А что с лейтенантом Ришо?

– Поправится, но голова у него, конечно, пару-тройку дней поболит. Череп у него поврежден.

– Мне так жаль!

Появляется медсестра и знаками приказывает Саллесу выйти из палаты.

– Пациенту нужен покой.

Саллес хитро подмигивает своему другу, скашивая глаза в направлении филевой части медсестры. Она же делает вид, что ничего не замечает, и готовится измерить давление пришедшему в себя летчику.

И пока сестра методично сжимает и разжимает резиновую грушу, надувающую манжету у него на руке, Тони разглядывает ее с нежной улыбкой на лице.

– Отчего вы улыбаетесь?

– Потому что вы за мной ухаживаете.

– Это моя работа, – с профессиональной холодностью отвечает она.

Сложив тонометр, она оглядывает его тело, с головы до пят обмотанное бинтами.

– Авиакатастрофа, так?

– Точно так, не совсем штатное приземление.

Она неодобрительно качает головой.

– Вы у меня уже третий пострадавший пилот. Не понимаю я вас. Как будто бы и смерть вам не страшна.

– Смерть... ну да, главная забота всех и вся.

– А что, разве не так?

– Нам, быть может, меньше следовало бы беспокоиться о смерти и больше – о жизни.

Медсестра выходит из палаты, неодобрительно покачивая головой и бормоча под нос: «Ох уж эти летчики... кто бы их хоть немного уму-разуму научил».

На следующее утро, немного окрепнув, он пишет письмо матери – несколько успокоительных строчек, где в достатке и ласковых слов, и шуток, чтобы она уверилась в том, что с ним все хорошо, а в придачу – рисунки, ими он всегда свои письма украшает. Или марает.

Заканчивает он послание, как и обычно, обещанием исправиться, просьбой прислать денег и еще одной: «Мамочка, люби меня, пожалуйста».

При падении Тони получил сотрясение мозга, множественные ушибы и ссадины. Однако теперь гораздо в большей степени, чем поврежденные ребра, боль ему причиняют мысли о последствиях: он без спроса взял самолет, стал причиной ранения офицера, да еще и разбил принадлежащий вооруженным силам летательный аппарат. Он мысленно перебирает возможные обвинения и доводы в свою защиту, составляя рапорт, который мог бы смягчить решение командования.

Изобретает целый воз и маленькую тележку аргументов, и все они видятся ему вполне убедительными, несмотря на серьезность его проступка. И он так озабочен тем, что же скажет командир эскадрильи, что полностью упускает из виду, что строже всего нас судит тот трибунал, что к тебе ближе всего.

В его палату торжественно, словно на театральную сцену, заходит Мари-Папон де Вильморен: молча, с высоко поднятой головой, она останавливается в метре от его постели, сложив руки на груди. На свою сестру она похожа – такая же высокая, с каре-зелеными глазами, однако с темными, а не рыжими, как у Луизы, волосами и даже с еще более гармоничными чертами лица. Красавица, но вот этой способности Лулу околдовать одним жестом целую толпу у нее нет и в помине.

В линиях прямого римского носа – фамильной черты всех Вильморенов – проступает воинственность. В щель между бинтами, которыми щедро закутана его голова, Тони пытается улыбнуться, но она не отзывается. Вся ее фигура словно выточена из глыбы льда.

– Сюда меня прислала сестра, передать тебе сообщение.

– Как она?

– Довольно сильно встревожена – по твоей милости. Моя сестра хочет довести до твоего сведения, что, посоветовавшись с родителями и братьями, она приняла решение: это не должно повториться – никогда. И если ты намерен просить ее руки и ваше обручение по-прежнему в силе, ты должен отказаться от своей абсурдной мании – летать.

– Ты это о чем?

И он садится в постели, хотя каждое движение причиняет ему боль.

– Полагаю, что я выразилась достаточно ясно.

– Перестать быть летчиком?

– Совершенно верно!

– Но это невозможно!

– Почему, позволь тебя спросить? Отец говорит, что занятие это для неудачников, что ни один уважаемый человек не позволит себе ввязаться в подобное дело.

– А что говорит Лулу?

– Я же тебе только что сказала! Это она попросила меня прийти сюда и передать тебе ее решение! Она не желает всю жизнь провести в страхе, опасаясь, что ее муж разобьется если не сегодня, то завтра или послезавтра.

Тони молчит, задумавшись.

– Или воздушные пируэты, или моя сестра. Тебе решать.

С высоко поднятой головой она сквозь зубы выдавливает слова прощания и уходит, оставляя за собой шелест колеблющихся юбок.

В его распоряжении – несколько дней в госпитале, пока не выпишут, и за эти дни он должен все обдумать и принять решение. Но разве здесь есть, над чем долго раздумывать? Его любовь к Лулу – превыше всего. Как может он отказаться от любви всей своей жизни?

Отказаться от Лулу невозможно... Но разве сможет он жить без полетов?

Он не видит, как, и, главное, где, в какой другой сфере жизни сможет он найти это счастье – разорвать путы, что приковывают нас к земле, и, став невесомым, взмыть ввысь.

Эта легкость...

Он порывисто меняет положение в постели, и острая боль в треснувшем ребре напоминает, что он не только отхлестан и побит снаружи, но теперь еще и разгромлен изнутри.

Как можно выбрать, что лучше: не есть или не дышать?

Он зол. И злится вовсе не на Лулу, потому что ее-то, конечно, понять можно. Скорее, это он чувствует себя непонятым. Полеты нисколько его не напрягают, он даже не считает их чем-то опасным. Оставшийся на земле понятия не имеет о тех связях, что устанавливаются там, наверху, о том, каким повелителем машины и времени является летчик, как твердо опирается он на тысячи кубических метров воздуха под крылом...

Впервые увидев Лулу, он непрестанно молился, чтобы она поверила в него, чтобы свершилось чудо и это божественное создание полюбило его – простого смертного и к тому же бедняка. Он горько улыбается. Бог карает нас, прислушиваясь к самым страстным нашим мольбам. Теперь Лулу любит его так сильно, что не желает мириться с мыслью, что он может разбиться насмерть, и даже не хочет позволить ему еще хоть раз сесть в кабину пилота.

И он мечется в сбитых простынях больничной койки – отчаянно и безнадежно, как оторванный хвост ящерицы.

Но любовь к Лулу де Вильморен толкает его ввысь с той же силой, что и любовь к полетам. Рыжая шевелюра Лулу – воздушный шар, что влечет его в небеса. Рядом с ней жизнь перестает быть мелкой, вульгарной. Нечего тут решать, все уже решено. Лулу хочет, чтобы он был с ней, живой и здоровый. Разве это не чудесная новость? Да он самый счастливый на свете человек! Но как же так, почему мгновение назад он чувствовал себя таким несчастным? Миллионы мужчин пожертвовали бы одной рукой или даже двумя, чтобы оказаться на его месте. Он больше не будет летать и сделает Лулу счастливой.

Ее счастье станет моим счастьем...

Тони твердит сам себе, что ему несказанно повезло. И вместе с тем из глаз его катятся огромные, с кулак величиной слезы.

Глава 8. Истр, 1921 год

Наутро после бессонной ночи, в течение которой он десятки раз разбивался о взлетно-посадочную полосу, Мермоз отправился в офис командира части. Раз уж он завалил экзамен по летному мастерству, его должны будут направить в какое-нибудь наземное подразделение, на такие работы, где не потребуются специальные навыки пилота. Он не сомневается, что его отправят выполнять наихудший из всех возможных видов работ, но ему все равно. Раз уж не суждено стать летчиком, ему без разницы, на что будет потрачено его время.

Он приходит в офис части, однако капрал не обращает на прибывшего ни малейшего внимания.

– Мне бы хотелось узнать о своем новом назначении. Мое имя Жан Мермоз.

Тот бросает бесстрастный взгляд в свежий приказ.

– Нет ничего.

– Ты хорошо посмотрел?

– А ты что, думаешь, я читать не умею?

– И что это значит?

– Да что ты мне тут зубы заговариваешь? Думаешь, я твоя бабушка?

Мермоз поднимает над стойкой руку и хватает его за воротник. И тянет к себе вместе с плетеным, на колесиках, стулом, на котором сидит капрал, поднимая его кверху, над разделяющей их стойкой. А когда голова этой конторской крысы в звании капрала оказывается на расстоянии ладони от его лица, впирается в него колючим взглядом.

– Да я из тебя бабушку и сделаю, потому что в этом случае не нужно будет пробивать тебе башку.

Тот, задышавшись, шепчет какое-то извинение.

Мермоз идет в учебно-тренировочный отряд, к которому был приписан, и, как положено по уставу, докладывает лейтенанту о своем прибытии.

– Ты ведь Мермоз, так?

– Точно так, господин лейтенант.

– Насколько я понимаю, это ты вчера разбил машину.

– Точно так, господин лейтенант.

– Ты хоть представляешь себе, во сколько обойдется восстановление самолета после подобных повреждений?

Мермоз медлит, раздумывая над ответом, так что лейтенант продолжает:

– Стоимость ремонтных работ следовало бы вычесть из твоего денежного довольствия, беда только в том, что тебе и за сотню лет будет не рассчитаться.

– Мне очень жаль, господин лейтенант.

– Тебе еще повезло, что тебя на гауптвахту не упекли! До сих пор не понимаю, с чего это я поддался на уговоры упряма Березовского. Он говорит, что у тебя нутро пилота. – Офицер презрительно крутит головой. – Черт возьми! Да мне до лампочки – тайфун там начался или святой Петр с небес спустился. Клянусь всеми своими покойниками, если ты еще раз угробишь мне самолет, то весь остаток службы будешь мыть сральники во всех казармах.

Мермоз так ошеломлен услышанным, что чуть не забывает козырнуть, как положено, когда офицер разворачивается и уходит.

– Есть, господин лейтенант!

Он идет в ангар, где Березовский руководит процессом восстановления двойного винта. И внезапно видит его совсем другими глазами: он вовсе и не такой малорослый, и не такой прибитый.

– Березовский...

Инструктор спокойно оборачивается.

– Не знаю, как мне вас благодарить...

– Опаздываешь, Мермоз.

– Да я думал...

Движение рукой прерывает его объяснения. Березовский протягивает ему связанную из вереска метлу.

– Весь аэродром из конца в конец.

– Есть!

Он и представить себе не мог, что подметать упавшие листья окажется для него таким приятным занятием. Берет в руки метлу и пускается с ней в пляс.

В воскресенье он идет в увольнение гораздо более сдержанным, чем прежде, с головой, забитой мыслями о пересдаче экзамена на пилота, что предстоит ему на следующей неделе. Решение принято заранее – сходить в кино, в тот кинотеатр, что за площадью с мэрией, где порой удастся подцепить одиноких девчонок, склонных приятно провести время в компании статного молодого красавца.

На этот раз он знакомится с двумя подружками-смуглянками, одна из которых ему по настоящему нравится. Вторая отличается смазливой личиком и острым язычком, но вместе с тем еще и ужасными очками, кривыми ногами и тяжелой лошадиной челюстью.

В случаях такого рода Мермоз наиболее строго следует нормам рыцарского поведения. Он подходит к девушкам и в равной мере заигрывает и с той и с другой: комплименты отпускает обоим, ловит слова каждой. Наконец, предлагает им свои услуги, чтобы проводить к их местам в партере. Когда все трое движутся по проходу вдоль зрительного зала, он замечает их волнение и напряженность: девушки гадают, рядом с кем из них сядет этот молодой военный, такой красавчик и симпатяга. Подойдя к нужному ряду, он применяет один приемчик: пропускает первой одну из них, а потом идет сам, оказываясь посередине. Так ему будет легче решиться – выбор падет на ту, которая по собственной воле покажет себя более ласковой. Или на обеих сразу. В тот воскресный вечер каждая из них склоняет головку ему на грудь.

Из кинотеатра он выходит, приобняв за плечи и ту и другую. Обоим девушкам его идея навестить старого приятеля в пансионе «Лион д'Ор» и сыграть партию на троих пришлась по вкусу. Повернув за угол, вся троица оказывается в поле зрения четырех деревенских парней, с удобством расположившихся на каменном парапете. И когда Мермоз с девицами оказываются рядом, один из них извергает из себя:

– Шлюхи!

Девушки шепчут на ухо Мермозу, что лучше бы им прибавить шагу, что этим задиристым деревенским петухам вовсе не нравится, что их соседки проводят время с чужаками. Что ничего хорошего из пререканий с четверкой разобиженных молодцов не выйдет. Но у Мермоза логика другая. Он хоть и бабник, но никогда не добивается девушек при помощи лживых обещаний и никогда не выказывает женщине неуважения. Такого обращения он спустить не готов. Он останавливается перед этим квартетом и с абсолютным спокойствием обращается к молодым людям:

– Сдается мне, что произошла ошибка, друзья мои.

Все четверо с угрожающим видом поднимаются. И удовлетворенно усмеваются: чужак оказался ровно там, где им и хотелось, то есть в тщательно расставленной ловушке, которая предоставит им прекрасный повод дать выход накопившейся злобе.

– Ошибка, солдат? – саркастически переспрашивает один из парней.

– Ну да.

– И в чем ошибка?

– Дело в том, что мои подруги – истинные барышни, в сто раз более благородные, чем все вы, вместе взятые. И прямо сейчас, – он переводит взгляд на того, кто выкрикнул оскорбление, – ты попросишь у них прощения.

Самый высокий из них, выше Мермоза на два пальца, заходится в оглушительном хохоте, к которому присоединяются остальные.

– Солдат, ты у нас шас узнаешь, кто здесь командир.

И отводит руку назад, собираясь нанести удар с замахом, изо всех сил. Если б парень занимался боксом, он бы знал, что такой сильный замах оставит его лицо беззащитным на несколько критически важных секунд. Так что раньше, чем этот переросток получает возможность использовать свой кулак, костяшки Мермоза отпечатываются на его скуле. На мгновение он застывает, чуть покачиваясь, а потом с грохотом, как подрубленное дерево, падает назад. Три его дружка, не двигаясь, наблюдают за происходящим. Это ошибка. Ручищи Мермоза превращаются в ротоплан, и на них обрушивается лавина ударов. Двоим удастся удрать, однако третьего Мермоз успевает схватить за шкирку, и он сжимается в комок, чтобы не получить добавки.

– Барышни все еще ждут извинений.

Опустив голову, через силу, парень выдавливает из себя нужные слова, что ему-де очень жаль, и, как только хватка ослабевает, убегает. Остановившись уже на безопасном расстоянии, оборачивается и выкрикивает угрозы, после столь поспешного отступления звучащие уже не столь убедительно. Мермоз улыбается, а девушки покрывают его щеки поцелуями.

Проводив девушек по домам, Мермоз понимает, что уже довольно поздно. Его терзает искушение дойти до известного переулочка, где обычно тусуется один тип, с которым его свела Мадлен. Мадлен он, кстати, больше не видел – девушка исчезла из города столь же загадочно, сколь и появилась. Однако время уже поджигает – есть риск опоздать на вечернюю поверку, а позволить себе получить взыскание перед экзаменом он никак не может. Так что усилием воли он выбрасывает из головы все искушения и быстрым шагом направляется в расположение части.

В понедельник с самого рассвета погода стоит скверная. Шквалистый ветер во все стороны швыряется иголками ледяного дождя. Все полеты отменены. Вторник оказывается не лучше понедельника, а в среду погода портится еще больше. Зима разыгрывает свой худший репертуар: перемешанный со слякотью снег покрывает и пропитывает все вокруг.

Мермоз с сослуживцами вынужден проводить целые дни в ангаре, складывая материалы, счищая вековую копоть со зловонных агрегатов и устраняя протечки, расплзающиеся масляными лужами. В свободные минуты он кружит по ангару, словно запертый в клетке дикий зверь. Руки подрагивают, и он подчищает последние остатки из коробочки с белым порошком, который, несмотря на пессимизм, помогает его рукам и ему самому продержаться еще несколько часов. Но ненадолго, и с каждым разом – все меньше.

Проходят дни, а возможности сдать экзамен как не было, так и нет. Утром к Мермозу подходит Березовский и говорит, чтобы он запасся терпением, что не нужно торопиться, нужно переждать непогоду. Однако прошла уже целая неделя, а погода так и не улучшилась. И он так подавлен этим обстоятельством, что в воскресенье даже не хочет идти в увольнение. Сослуживцы, заметившие, как в выходной день он яростно тягает самодельную штангу, изготовленную из металлического прута и пары ведерок из-под краски с цементом, поглядывают на него с нескрываемым изумлением.

После тренировки он идет в столовку – выпить рюмочку коньячка. Или пару рюмочек. Или тройку. Поскольку в части остались только находящиеся в карауле и на гауптвахте, зал столовой практически пуст, а ответственный за кормежку служивый прикорнул возле аппарата с газировкой. Это старослужащий, ему вот-вот дембель выйдет, и он, похоже, рад хоть какой компании – развеять воскресную скуку.

– Привет, приятель. Холод собачий на улице, вот я и заскочил узнать: не нальешь ли ты мне рюмочку коньячка? Я заплачу – вот только придет денежное довольствие, так сразу же и заплачу.

– Давай поглядим, сможешь ли ты меня напугать. Сколько тебе осталось?

– Тридцать семь месяцев.

Тот улыбается, чрезвычайно довольный этой игрой, этим вечно повторяемым старослужащими ритуалом.

– А мне остается сорок шесть... дней!

Мермоз, подыгрывая, выражает удивление:

– Вот ведь везуха!

– А то...

На коньячных рюмках есть тонкая красная полоска, но обычно наливают на палец выше этой линии. Старослужащий наливает ему рюмку до краев, да и себе такую же.

– Запишу тебе в счет – на сосульке.

Мермоз радостно хохочет над шуткой. Этого достаточно, среди военных не принято благодарить словами. Пользуясь моментом полного взаимопонимания, он спрашивает у стариčka, что тот думает по поводу ефрейтора Березовского.

– Настоящий герой войны.

Мермоз чуть было рюмку не заглатывает.

– Но... ты о чем? Он же самый обыкновенный ефрейтор из механических мастерских, ну и инструктор заодно!

Маркитант мотает головой.

– Он записался добровольцем в ВВС, когда уже шла война, и летал так здорово, что все просто рот разинули. Посбивал кучу немецких самолетов и прогулялся перед всеми противоздушными заграждениями неприятеля. Войну закончил сержантом, с благодарностью от командования. А когда готовились дать ему следующее звание – младшего лейтенанта, кто-то проверил его документы, и оказалось, что он там кое-что подтасовал, когда в армию записывался. Парень дату рождения себе подправил, на пару лет раньше заявил, чтоб его взяли. Ну, у него отозвали эту благодарность, понизили в звании и отправили гнить в этот отстойник. С тех пор как он здесь появился, он ни с кем не сошелся, говорит ровно столько, сколько необходимо, и ни с кем не хочет иметь дела. Станный тип, мрачный, по правде говоря. Но и то сказать – причин у него хоть отбавляй.

– Но как же так? Ему хватило мужества накинуть себе два года, чтобы пойти воевать за Францию, но как же это может быть, что за этот благородный поступок летчик такого высокого класса был настолько сурово наказан – из-за какого-то крючкотворства? Это же уму непостижимо!

– Добро пожаловать в армию.

В понедельник все еще идет дождь, да и ветер не утихает. Мермоз знает, что рискованно, но ждать дальше – сил у него совсем не осталось, и он подает ходатайство о проведении экзамена во вторник.

Придя в ангар, Мермоз замечает, что Березовский выглядит сердитым, однако брови на его лбу не образуют острый угол, как бывает, когда он действительно злится. Он всего лишь делает вид, что сердит. В глубине души он доволен, что Мермоз не трусит.

На следующее утро небо все того же черного цвета, да и ветер все тот же. Сильные его порывы любой полет превращают в рискованный. Но лейтенанту, тому командиру подразделения, который принимает экзамен, на это наплевать, да и Мермозу тоже.

Взлетает он немного неуверенно, но высоту набирает в штатном режиме. Выполняет положенные по программе развороты, пролетает необходимую дистанцию по прямой. Капли дождя на стеклах очков затрудняют видимость. Просветы между тучами закрылись, и кажется,

что настала ночь. Взлетно-посадочная полоса едва угадывается, ее границы размыты, словно акварелью нарисовали. Холодно, однако Мермоз потеет. Пора приземляться, но полосу он почти не видит. И решает сделать еще один пролет над землей, чтобы оглядеться. Полоса кажется сильно растушеванной чертой. Он на миг приподнимает очки, но бьющий в лицо дождь тут же вынуждает снова опустить их на прежнее место.

Он делает широкий разворот и заходит на посадку над дальним концом полосы. И хотя практически ее не видит, но все же неплохо различает огни ангара. И в этот момент горячо благодарит Березовского за все те разы, когда тот заставлял подметать полосу. Все скрыто за завесой воды, и ему приходится положиться на интуицию, рассчитывая расстояние между ангаром и началом полосы и направив свой самолет в эту точку. Приземление практически вслепую. Снижается он, будучи настолько занят управлением, что для страха просто нет места. Шасси касаются земли, и вот уже самолет достаточно уверенно катится по полосе, остановившись в назначенном месте. Приземление выполнено превосходно.

Он глушит мотор и на несколько мгновений остается сидеть в кресле пилота. Хочется побыть одному: насладиться моментом, разжевать его, высосать из него все соки.

Спустя несколько дней приходит приказ о его переводе пилотом в эскадрилью под Мецем. Но Мец кажется ему слишком маленьким и провинциальным городком.

Не для того же он стал пилотом, чтобы лопать в Меце лотарингские пирожные с заварным кремом!

Так что он идет в офис части и просит направить его добровольцем в Сирию. Сержант выдает ему бланк, его нужно заполнить и подписать. В одном из пунктов этого бланка требуется указать обоснование ходатайства. Предусмотрено несколько строчек, но он обходится одним словом: «летать».

С вещмешком за спиной и квалификацией пилота он выходит из казармы, которая теперь, когда он ее покидает, видится ему совсем старым, разрушающимся зданием. Но прежде, чем закрыть навсегда эту дверь и отправиться на вокзал, нужно сделать еще одно, очень важное для него дело.

Ангар на летном поле тих. Только шорох вересковых метел выдает присутствие полудюжины солдатиков, подметающих полосу – из конца в конец, как всегда. Березовский скрылся в своем крошечном кабинете, забитом ржавыми железками и беспорядочно разбросанными инструментами, там он пытается выровнять искривленную шайбу. На нем все тот же заношенный комбинезон с масляными пятнами разных размеров, некоторые из которых похожи на тень от медалей, сорванных с его груди. Заметив краем глаза Мермоза, он, не отвлекаясь от своего занятия, слегка хмурит брови.

– Березовский...

Мермоз не успевает продолжить, потому что тот поднимает руку, прерывая его.

– Прощай и доброго пути, – говорит Березовский, не отрывая взгляда от неподдающейся шайбы.

– Я пришел поблагодарить вас.

Ефрейтор ворчит что-то себе под нос и продолжает возиться с шайбой. Так что Мермозу не остается ничего другого, кроме как, простояв полминуты перед ефрейтором и понаблюдав за сосредоточенными усилиями по выправлению негодной железки, взять с пола вещмешок и направиться к выходу.

– Мермоз!

Березовский смотрит прямо на него – широко открыв глаза и высоко подняв брови, как он делает всегда, когда хочет сказать что-то важное.

– В вашем распоряжении, господин ефрейтор.

– Когда будете там, наверху... слушайте мотор. Слушайте.

Мермоз кивает, и Березовский снова возвращается к своему бесполезному занятию по выпрямлению шайбы, которая уже никогда не станет круглой, подобно поломанным жизням, которым уже не суждено распрямиться.

Глава 9. Фабрика Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год

На столе висит стопка желтых папок. Окно кабинета, в котором Тони трудится вместе с еще тремя бухгалтерами, выходит во внутренний двор. Привыкнув смотреть на мир с высоты в тысячу метров, он думает, что это окошко не ведет никуда. Он бросает взгляд в окно своего офисного здания и напротив видит другое здание, такое же. Город – домино из одинаковых костяшек.

Он думает о днях, что прошли после его выписки из больницы. Если бы его вышвырнули из армии за то, что он взялся пилотировать не ему предназначенный самолет, все было бы намного проще. Но ему сообщили, что назначенная ему мера взыскания – пятнадцать суток гауптвахты. Наименьшее наказание – ласково отшлепали, можно сказать.

Из головы не идет удивленное лицо командира, когда он сказал, что намерен подать в отставку.

– Страх как следствие катастрофы?

– Никак нет, господин полковник!

– Но ведь вы безумно любите летать... даже, наверное, слишком.

– Точно так, господин полковник.

– И вас перестали интересовать полеты?

– Никак нет, господин полковник. Ничто не могло бы сделать меня счастливее, чем прямо сейчас сесть в кабину пилота и взлететь.

– А, понимаю! Вы нашли работу в гражданской авиации с лучшим заработком.

– Никак нет, месье.

– Но что тогда?

И Тони вспоминает, как он покраснел, когда произнес:

– Я всем сердцем люблю женщину, на которой собираюсь жениться. Но любить то и другое у меня нет возможности.

Последующие недели оказались странными. Врач уверял, что его самочувствие не может быть следствием ушибов и трещины в ребре, но фокус был в том, что ходить было тяжело, ноги будто бы чугуном налились. Он чувствовал, что попал в ловушку небывалой силы – ловушку земного притяжения и она не позволяет ему отрывать ноги от поверхности земли.

Ему пришлось обратиться к матери за помощью, потому как с деньгами становилось туго. И он счел за благо принять предложение со стороны маминой кузины, Ивонны де Лестранж, поселиться в ее доме, экономя тем самым на аренде жилья.

А вот Луиза, наоборот, просто светилась, и ее радость стала его радостью. Она целыми днями обдумывала, каким будет дом, в котором они когда-нибудь будут жить, и дом этот виделся ей чем-то вроде замка, обставленного по последней моде мебелью в стиле ар-деко, на чердаке которого они непременно будут устраивать поэтические вечера. И очень сердилась на его бессмысленные ответы наобум на ее вопросы, когда она интересовалась, какие шторы он предпочитает: шелковые или шерстяные.

В эти недели ему пришлось почувствовать на себе и враждебность со стороны одного из братьев Вильморен. До его ушей дошло, что его называют не иначе как «ленивец толстокожий». Будущая свекровь опасалась, что он всего лишь охотник за приданым, рассчитывающий прожить за счет семейства де Вильморен. Так что работа превратилась в насущную необходимость, и это сводило его с ума.

Луиза на несколько недель уехала отдыхать. С помощью матери, а также денег, вырученных от продажи фотоаппарата «Кодак», Тони смог оплатить свой проезд до Женевы, где провёл несколько дней с ней... и с мадам Петерманн.

В Швейцарию он повез полный чемодан стихов, написанных для нее. Все – страстные, но одни скорее нежные, а другие – более рискованные и даже в некотором роде эротические.

В конце концов один знакомый семейства Вильморен с весьма широкими связями помог ему устроиться на место с месячным окладом в восемьсот франков в административный отдел фабрики по производству черепицы.

И вот перед ним на столе раскрыта папка, битком набитая накладными. Тони устремляет в бумаги взгляд, но ряды цифр быстро его утомляют. Пятерки видятся ему чванными толстяками, а единицы – сухопарыми эгоистами. Не отдавая себе в этом отчета, он вместо сведения баланса набрасывает на полях рисунки: появляется дерево, потом – змея и, наконец, на верхнем широком поле – облако. Здесь дело стопорится. Рисовать облака – самое сложное. Это не всякому удастся. Ему думается, что это штука серьезная, столь серьезная, что справиться с этим делом могут только дети. Дети рисуют облака, похожие на мягкие завитки на шкуре барашка.

Тони пытается подражать детям. И вот уже кучевые облака чередой поплыли по верхнему полю листа. Он останавливается полюбоваться на свое творение и улыбается. Столбцы цифр перестали быть числами и превратились в струи дождя, льющиеся из тучек. А внизу он рисует пестрящее цветами поле.

Заведующий отделом, неизменно одетый в черный траурный костюм, что обращает каждый его день в похороны, входит в крошечный рабочий кабинет, привлекая ногу. Нога не гнется в колене по причине артроза. Он подходит к столу, держа перед собой стопку папок с таким видом, словно это могильные плиты. Сначала, когда он замечает, что сотрудник прилежно склонился над бумагами, на лице его появляется удовлетворение, но затем из рук у него чуть не валятся на пол папки, а с головы – седые волосы.

– Что вы делаете? – в испуге спрашивает он.

– Что вы имеете в виду, месье Шаррон? – отвечает Тони с той наивностью, которая выводит старого бухгалтера из себя.

– Бухгалтерские документы нельзя разрисовывать!

Тони втягивает голову в плечи, как черепаха. Начальник не знает, что и думать: неужто этот новый сотрудник, присланный по протекции, без малейшего намека на знакомство с бухгалтерским учетом, просто его разыгрывает? Не понимает он эту молодежь – избалованы все, работать не желают... Все им готовеньким подавай, на блюде с голубой каемочкой! Но он воздерживается от того, чтобы выложить эти мысли вслух, потому что протекция этого новенького проистекает от одного важного клиента, человека весьма уважаемого. Месье Шаррону человек с деньгами всегда кажется уважаемым.

– Прекратите пачкать банковские отчеты, или я буду вынужден доложить о вашем поведении наверх. У нас предприятие серьезное. Статистика – вещь чрезвычайно важная, за числами стоят деньги, а ими играть нельзя. Проверьте суммы, сведите баланс. Если желаете хоть чего-то у нас добиться, вам следует быть серьезным.

Главный бухгалтер, угробивший свои лучшие годы, вдыхая пыль в архиве, идет прочь, привлекая больную ногу по полу. Тони озадаченно смотрит ему в спину.

Что-то, но именно цифры видятся ему всего лишь игрой финансистов, а вот дождь – дело другое, это вещь серьезная и очень важная. И он с грустью переводит взгляд на банковский отчет. А потом начинает тереть ластиком рисунки, пока те не преобразуются в грязноватые тени, и углубляется в пустыню цифр.

Когда в конце рабочего дня, в пять часов, он выходит на улицу, его ждет сюрприз. Луиза, здоровье которой за последние недели сильно окрепло – или же ей самой наскучила роль больной девы, – ожидает его на Рю-дю-Фобур, в компании мадам Петерманн, которую Тони называет за глаза «лик статуи».

Лулу, завидев его, тянет к нему руку, и Тони сбрасывает с себя ощущение провала, словно перхоть с плеч стряхивает. Останавливается перед ней и берет за обе руки. Наклоняет к ней голову, намереваясь чмокнуть в щечку, но мадам Петерманн тянет шею и издает некий звук, похожий на рычание бульдога. Молодые люди двигаются вперед, фыркая от смеха. Доходят до площади Монтолон, зеленого острова из лип и черешен, над кронами которых возвышаются два высоченных восточных платана.

У него перед глазами все еще стоит сцена, имевшая место несколько недель назад, когда он официально просил ее руки. Его мама прислала ему из Сен-Мориса старинную фамильную драгоценность, неоднократно заложенную и пережившую не одну катастрофу: кольцо с парой скромных бриллиантов, явно нуждающееся в обновлении оправы. Он вспоминает, как внимательно изучали Вильморены колечко, крутили его и так, и эдак: с видом профессионалов и с примесью хамства, на его-то вкус. И данное ими снисходительное согласие явственно демонстрировало – если хоть у кого-то еще оставались на этот счет сомнения, – что Сент-Экзюпери в их глазах сильно захиревший аристократический род. И это при том, что он скрыл-таки от них, что его мать, графиня по рождению, вынуждена работать медсестрой в местной больнице, зарабатывая себе на жизнь. Он категорически не желает, чтобы они снисходительно, сверху вниз, обсуждали его мать.

Луиза, напротив, колечку страшно обрадовалась. Она тут же надела его на палец и театрально вытянула перед собой руку – полюбоваться, словно оно ее несказанно украсило. Если оно и показалось ей дешевкой, то она ничем себя не выдала. И в тот момент он любил ее так сильно, как никогда раньше. Голосок Лулу отвлекает его от этих раздумий.

– Ты ведь доволен новой работой, да? Месье Даниэль-Винсент был так любезен, порекомендовав тебя на это место. Вот увидишь, очень скоро ты станешь заведующим отделом.

Он кивает, но без особого энтузиазма. Его бесит, что пришлось устроиться на работу по протекции, да еще и по протекции друга семейства Вильморен.

– Тебе там не нравится? С тобой что, плохо обращаются? Я могу поговорить с месье Даниэль-Винсентом!

– Ни в коем случае! На фабрике ко мне относятся хорошо. Все очень любезны и с большим терпением относятся к моей неопытности. Но дело в том, что...

– А кабинет у тебя красивый? Может, тебе из-за этого не очень нравится. А если мы какое-нибудь растение купим? Или, еще лучше, клетку для птичек, знаешь, есть такие разноцветные тропические птички!

– Не думаю, что моему шефу придется по вкусу птичка в моем кабинете. Ему это покажется несерьезным.

– Да я его уговорю! Ведь это так важно – чтобы вокруг была красота.

– Мой кабинет – это комнатка два на два. Полагаю, что месье Шаррон сказал бы, что это очень серьезный кабинет.

– Но ведь ты говорил – там есть окно.

– Это да, но, когда я смотрю в окно, единственное, что я там вижу, это задний фасад другого офисного здания, точно такого же, как мое, и конторского работника – в точности как я. И я уже и не знаю, что перед моими глазами – окно или зеркало.

– Зеркало?

– Ненавижу зеркала! Они не способны ничего выдумать.

– Но зеркала показывают нам нас самих.

– Зеркала – палачи фантазии. Будь я президентом Франции, я бы запретил все зеркала в общественных местах.

– Ты просто сумасшедший, Тони! Не хочешь видеть правду.

– Правда ни к чему, она ничего не дает. Она печальная. Мы должны выдумать что-то такое, что будет лучше правды.

– Обман?

– Может быть...

– Обман лучше, чем правда?

– Он человечнее. Правда – то, что нам не дано изменить. Правда – это смерть! Мы все умрем, воспрепятствовать этому ничто не может, нам это навязано. А с обманом все не так – его мы можем творить под себя, по своей мерке.

– По мне, так я предпочту правду поэзии, Тони.

Она берет его руку обеими руками, и сзади немедленно слышится кашель мадам Петерманн.

Луиза говорит, каким ей хочется видеть их дом: с огромными балконами и чугунными перилами, какие нынче в моде, и портьерами легкими, очень легкими, почти прозрачными, чтобы они колебались от ветерка. Тони смеется.

– Ты ж не дом хочешь, ты хочешь парусник!

Глава 10. Пальмира (Сирия), 1922 год

Самолет нацеливается на посадочную полосу из утрамбованной щебенки, частично засыпанную песком. Полосы здесь никто не подметает: невозможно представить себе старослужащего с метлой в руках, словно прилежную домохозяйку. А в Сирии все они старички, с того самого момента, как нога твоя ступает на эту авиабазу, расположенную в пустыне.

Боковой ветер силен, машину при приземлении уводит вбок, и она вихляет по полосе, выписывая кренделя и едва ли не выходя за ее пределы, где точно перевернется. Летчик в звании сержанта, чей комбинезон украшен вызывающе ярким желтым носовым платком, спрыгивает на землю, громко крича и размахивая руками.

Он очень спешит, но спешка эта не имеет ничего общего с вынужденной посадкой, которую он только что совершил, – здесь это рутина, обычное дело.

– Поставить успеваю?

По четвергам в сержантской комнате отдыха играют в покер. И игра идет не по-детски. Поскольку командир выпустил циркуляр, вводящий запрет играть на деньги, на кон ставятся бутылки вина. Когда сержант входит, накурено уже так, что дым можно резать ножом и на хлеб намазывать.

– Да тут у вас видимость похуже, чем в центре пыльной бури!

Мермоз приветствует сержанта из-за целого частокола бутылок. Одна из них пуста. Назавтра ему на дежурство, так что он принимает решение удалиться, освободив место для вновь прибывшего. Он выходит из комнаты, прижимая к груди половину дюжины, и, встречаясь по дороге с приятелями, кидает им бутылки, подхватываемые на лету.

– Выпейте за мое здоровье!

И раздает их все. Оглушающая дневная жара с наступлением вечера на пару-тройку градусов отступила. Мермоз берет одного из гарнизонных верблюдов и ловко на него садится. Верблюды – животные не слишком дружелюбные, но он нашел с ними взаимопонимание: не требует от них больше того, что те готовы дать.

Среди его сослуживцев есть такие, кого с души воротит от жары и отблесков солнца на бескрайней пластине песка. Но в нем пустыня вызывает странную эйфорию: это вызов. Его чаруют многочисленные свидетельства о существовании здесь когда-то древнего царства Пальмиры, что разбросаны в радиусе нескольких километров от базы: полуразрушенные городские стены, поврежденные арки и устремленные в небо колонны посреди пустыни служат доказательством славного прошлого.

Его сводят с ума мысли о царице Зенобии, которая, как и достоправная Клеопатра, бросила вызов Риму, основав могущественное государство. Однако императору Аврелию в конце концов удалось ее покорить. Он забрал ее в Рим и там провез по главной улице в золотых цепях как главный военный трофей.

Могущественный город Пальмира, точка пересечения маршрутов всех караванов, стал важнейшим оазисом в центре пустыни благодаря подземным источникам сернокислых вод. В долине, где высятся роскошные каменные надгробия, есть подземная галерея, вызывающая у него искренний восторг. При свете факелов, ступая по высеченным в камне ступеням, ты спускаешься к естественным бассейнам, где можешь искупаться в целебных водах, хотя в пустыне любая вода исцеляет. Французам разрешено купаться здесь каждый день, кроме четверга, потому что четверги отданы шейхам бедуинов – по распоряжению военных французских властей, не желающих вызывать недовольство и дразнить наименее враждебные им племена.

Сегодня как раз четверг. Мермоз направляет верблюда именно туда, хотя и в обход, из осторожности. Он спешивается на расстоянии полукилометра, оставляя верблюда, и тайком подбирается к ближайшей скале. У входа в тысячелетний термальный комплекс привязано с

полдюжины верблюдов, а четверо стражников-бедуинов с ятаганами за поясом невозмутимо сидят в тени.

Мермоз делает круг и исчезает под землей, нырнув в боковой ход в скалах. Слабого отсвета факелов хватает, чтобы ориентироваться, и он бесшумно спускается по каменным ступеням, пока ухо не начинает различать плеск воды. Но в подземный зал с термальными источниками он не входит, а сворачивает в параллельный боковой проход, по которому движется, пока не находит отверстие в каменной стене величиной с ладонь и заглядывает в него. То, что предстает его взору, превращает его в камень, подобный окружающим его тысячелетним скалам: обнаженная женщина, до боли прекрасная, льет воду на смуглую кожу. Это, должно быть, одна из жен шейха, возможно, самая любимая. Взглянуть ей в лицо – и то уже здесь нетерпимое оскорбление, а уж насладиться зрелищем кожи цвета оливкового масла, крепких грудей и черного треугольника в низу живота – смертный приговор. Но парализовал его вовсе не страх, а красота этой юной сирийской женщины, которая даже в изящной манере лить на себя из ковша воду обнаруживает поразительную элегантность. Ему кажется, что глаза его видят не кого-нибудь, а саму царицу Зенобию в тех самых подземных термах, в которых время застыло навечно.

То ли из-за галопирующего стука обезумевшего сердца в его груди, то ли почувствовав обнаженной кожей жар его взгляда, но она инстинктивно приподнимает голову – как раз в том направлении, откуда Мермоз следит за ней через отверстие в скале, и их взгляды встречаются. Стоит ей закричать, как четверо стражей ринутся внутрь и у него будет меньше минуты, чтобы взбежать по ступеням и найти тот коридор, который выведет его к боковому выходу. Не поймать его невозможно, приговор, отличный от смерти, также невозможен. От каждой секунды промедления с бегством зависит его жизнь. Но он не бежит. Даже в мыслях нет. Он увяз во взгляде черных сверкающих глаз и интуитивно, в силу того знания, что превыше рациональной логики, уверен, что она не закричит. И она этого не делает.

В неверном свете факелов, в котором ее кожа выглядит еще темнее, она подходит к нему ближе, ступая мягко, словно ее босые ножки подбиты подушечками, как у черной пантеры. Подходит вплотную к отверстию, через которое смотрит Мермоз, прильнув лицом к камням. В ее взгляде – спокойствие, понять которое ему не дано.

Стена в этом месте испещрена дырочками от камушков, которые постепенно осыпались. Она прижимается телом к стене, и рука Мермоза, пройдя сквозь одно из отверстий, касается ее живота. Кожа гладкая, словно намазана ароматическим маслом, и на ощупь такая нежная и мягкая, что у него дыбом встают волоски на теле. Рука перемещается вверх, доходит до грудей, и теперь у него встает уже все. Она находит еще одно отверстие, пониже, и продевает в него свою руку, и касается его. Ее пальцы ощупывают ему живот, затем спускаются ниже. Глаза Мермоза горят и отливают в свете факелов.

С тех самых пор четвергов он ждет с тем же нетерпением, что бедуины – дождя.

В Пальмире ему удалось утолить жажду летать. Взмывая в небо, он чувствует, что все встает на свои места. Летает он с сидящим впереди полусонным механиком, и все рычаги управления – в его руках. И больше ничего во всем мире нет – некому угождать, некому подчиняться, не к кому питать отвращение. Полет – это нечто законченное, совершенное, в нем нет ничего лишнего, а все, что нужно, – в наличии. Он пролетает над песками пустыни на низкой высоте и глядит на собственную тень на песке. «Это я и есть», – говорит он себе.

Глава 11. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год

Сидя в своем кабинете размером с платяной шкаф, Тони бросает нетерпеливые взгляды на висящие на стене часы. Секундная стрелка ползет еле-еле, хромает не хуже месье Шаррона. Полный круг по циферблату – отмеряя минуту – она обходит за год. А чтоб дойти до пяти вечера – понадобится тысяча.

Его ждет Луиза вместе со своим братом Оливье и несколькими приятелями. Он шагает по проспекту Сен-Жермен-де-Пре, а они все уже там, в «Брассери Липп», весело толкаются за столиком в этом пестром заведении, декорированном в стиле ар-деко, с его золочеными потолками, расписанными мифологическими сюжетами, и люстрами-тюльпанами, порхающими над их головами, словно бабочки. Официант, давний их знакомый, уже несет им на подносе кувшин с лимонадом и еще один – с эльзасским вином.

Ему ужасно нравится «У Липпа», с этими их габсбургскими сосисками, пивом с шапками густой пены в огромных, как трофеи, бокалах, с шумом и толкотней.

– Принесите нам селедку под маринадом! – просит Анри.

– И сосиски с квашеной капустой! – вносит свой вклад в заказ Оливье.

– С двойной порцией капусты! – добавляет Тони.

Лулу шепчет ему на ухо:

– Нам нужно поговорить.

– Да, конечно. Но сначала нам нужно выпить, верно, Бертран?

– И за что будем пить?

– Давайте выпьем за сегодняшний день.

– Только за это?

– А тебе мало, Анри? Это же экстраординарно! Нет ничего лучше, чем настоящий момент.

– Давайте выпьем!

Тони торопит – всем нужно поскорей наполнить бокалы.

– Ну же, давайте! Мы не можем терять ни секунды. Время, когда мы все вместе за этим столом, это же просто золото. Так давайте не потеряем ни грамма.

Анри толкает его локтем в бок и показывает подбородком на официанта.

– Видел его волосы?

– А что с ними не так?

– Присмотрись хорошенько! Он черным углем нарисовал себе волосы, а лысину на макушке закрасил, для маскировки.

– Вот это, и вправду сказать, средней руки рисовальщик!

Взрыв хохота. У Анри на глазах выступают слезы, а Бертран чуть не опрокидывает бокал вина на Рене де Соссина.

Тони скашивает взгляд на Луизу и видит, как она, словно при замедленной съемке, зажигает одну из своих сигарилл «Кравен». Ее манера раскуривать сигариллу напоминает ему движения современных актрис из картин кинематографа, но гораздо лучше. Актрисы имитируют жесты, а Луиза их изобретает.

Она пристально смотрит на него, осторожно, чтобы не повредить свое хрупкое бедро, поднимается с места и выходит, слегка хромая, с той чарующей грацией, что гипнотизирует любого.

На улице стало темно, под конец лета к ночи уже веет свежестью, и прохожие с какой-то птичьей бесприютностью движутся по Сен-Жермен-де-Пре.

– Тони...

– Меня всегда занимал вопрос: куда идут те, кто проходит мимо. Они на секунду появляются перед нами, в наших жизнях, а потом исчезают. И куда же они направляются, Лулу?

– Понятия не имею...

– Они ничего о нас не знают. Тебе не кажется это невероятным?

– Тони...

– И если мы прямо сейчас умрем, они даже и не заметят!

– Тони, врачи говорят, что я еще не совсем оправилась от коксалгии. Нам нужно отложить свадьбу.

– Отложить?

– Да, перенести ее.

– Ну конечно, твое здоровье прежде всего. И на сколько перенесем? На два месяца? Три? Она так глубоко затягивается английской сигариллой, что та полностью сгорает.

– Не знаю...

Зрачки Лулу не отрываются от некой точки в конце проспекта, но в действительности она просто глядит в темноту ночи. Тони вдруг понимает, что она не хочет взглянуть ему в глаза, и грудь его наполняется битым стеклом.

Что она хочет сказать этим «не знаю»? Разве не больше смысла в утверждении, что это врачи «не знают»? И то, как она это произнесла, будто для нее отсрочка – облегчение?

Он все это прокручивает в голове, пока она молча закуривает еще одну сигариллу. А он не решается открыть рот. Он мог бы попросить у нее объяснений, но смертельно боится, что она эти объяснения ему даст. Если он сформулирует роковой вопрос: «Ты не уверена, что хочешь выйти за меня?» – то ведь можно спровоцировать ответ, слышать который он категорически не желает. И он не только ничего не говорит, но и накрепко сжимает губы: не откроешь дверь – не выскочит кошка.

Оба молча возвращаются в кафе. Тони бросает взгляд в зеркала на дальней стене и видит там самого себя, Лулу и всех остальных как бы со стороны. Компания веселых молодых людей, хорошо одетых, они громко разговаривают, пьют из хрустальных бокалов вино.

Кто они?

Приносят пропитанный ликером «Гран-Марнье» слоеный пирог, его любимый, а он и на поднос не смотрит. Это счастливое настоящее, за которое они подняли бокалы всего несколько минут назад, испарилось. Он не знает, с какой стати люди маниакально мечтают о будущем: сам бы он отдал все на свете за то, чтобы время повернуло вспять, чтобы навсегда остаться в том настоящем, когда Лулу смеется, в том времени, когда она еще не произнесла свое «не знаю».

Глава 12. Пальмира (Сирия), 1922 год

Механик, который вроде как спит, вдруг поднимает подбородок, подобно дремлющей у порога собаке, почуявшей опасность. Опасность появилась. Какой-то еле слышный шелест, которого не должно быть. Механик говорит пилоту:

– Мотор... какой-то странный шум.

Мермоз отрицательно качает головой. Его механик – сын сапожника из Нанта, он слишком пугливый. Летать не привык; ждет не дождется, когда выйдет срок его службы и он сможет вернуться в тесную семейную мастерскую, пропитанную запахом старой кожи, где все лежит на полу. И успокаивает механика смешком:

– Ничего особенного, Шиффле. Ветер посвистывает.

Мермоз невозмутимо продолжает изучать линию горизонта в направлении юго-юго-запад. Через несколько минут они уже должны увидеть внизу темное пятно лагеря. За те несколько недель, что Мермоз провел в служебной командировке в Дамаске, он прикупил на рынке кальян, коврики и шпалеры, которые теперь теснятся в его палатке, превратив скромное пристанище в шатер бедуина, заветную мечту британских художников-ориенталистов прошлого века.

Свист нарастает. Мермоз краем глаза смотрит на приборную доску и видит, как резко идет вверх стрелка датчика температуры радиатора. Еще мгновение, и из двигателя вырываются языки пламени. Пожар на борту – худшее, что может случиться: если пламя доберется до бака с топливом, летчику, чтобы погибнуть, даже не понадобится брякнуться о землю. Механик вскрикивает от ужаса.

– Надо бы этот гриль загасить, – повысив голос, но все с тем же спокойствием говорит ему пилот. – Проверь пояс, крепко ли держится, сейчас вверх тормашками перевернемся.

Он глушит двигатель и быстро крутит самолет на все триста шестьдесят градусов, словно акробатический трюк демонстрирует, – огонь гаснет под резким ударом воздуха, будто свечу задули. И вот они на высоте тысяча восемьсот метров, мотор у них сгорел, и они падают на горы, цепью окружающие Пальмиру.

Шиффле бормочет что-то похожее на молитву, но слова от напряжения путаются, прерываются. Мермоз планирует по кругу, пока не замечает ровное местечко среди двух вершин, и решает садиться там. Места для приземления достаточно, но вот поверхность неровная, это риск.

Ладно, там видно будет...

Земля приближается, самолет раскачивается в воздухе. Когда колеса касаются усыпанной камнями поверхности, начинается безумный бег по земле со страшной тряской. Шасси подвергаются небывалым нагрузкам, еще чуть-чуть – и отвалятся опоры, что крепятся к фюзеляжу. Но опоры все же выдерживают, и «Бреге» постепенно снижает скорость и останавливается.

– Отлично! – не может сдержать восторга Шиффле.

Мермоз саркастически улыбается. Отлично? Сразу видно, что Шиффле ничего не знает о пустыне.

Регламенты, да и здравый смысл в своих рекомендациях на этот счет звучат в унисон: летчик, потерпевший крушение, должен оставаться на месте аварии, ожидая помощи. Но когда ты терпишь аварию в далеко не дружелюбных местах, где обитают племена, с нетерпением ожидающие крушения самолета оккупационной армии, чтобы дать волю своей многовековой ненависти, сидеть и ждать возле разбитой машины – не слишком удачная мысль. У них нет при себе никаких припасов, к тому же сели они в сотне километров от лагеря. Слишком далеко, чтобы преодолеть это расстояние, не имея воды.

Невозможно предугадать, какое решение приведет к гибели, а какое сохранит им жизнь: остаться возле самолета или идти пешком. Не будучи уверен, Мермоз все же предпочитает действовать.

– Пошли, Шиффле.

– А ты хоть знаешь, куда идти?

Ориентироваться можно по солнцу, но неизвестно, как далеко отклонишься от маршрута. А если они начнут двигаться зигзагом, то сотня километров вырастет в несколько раз, но говорить об этом испуганному сапожнику он не собирается.

– Прямо на восток, не сворачивая.

И произносит это настолько уверенно, что Шиффле сразу, с какой-то фанатичной убежденностью, соглашается. Он так нуждается в вере, что, если бы ему сказали, что сейчас за ними явится карета, запряженная в упряжку белых скакунов, править которой будет златовласая красавица в купальном костюме, он бы и в это поверил.

– Пошли!

Жарко, больше сорока, хотя легкий ветерок приносит некоторое облегчение. Вот только ветерок коварен, ведь он еще и сушит. Путники выбирают тропинки, которые ведут в нужном направлении, но по горам. Можно было бы спуститься напрямую, однако на равнине они, как на ладони, станут готовой мишенью для враждебных племен, так что Мермоз предпочитает спуститься в той точке, которая будет на наименьшем от лагеря расстоянии.

В пустыне все резкое, экстремальное, в том числе и ночь: она, как чернильное пятно на промокашке, расплывается быстро, и земля с поразительной скоростью остывает. Механик, уставший донельзя, усаживается на камни.

– На отдых один час, – говорит Мермоз.

– Что? А спать разве не будем? Да мы ж помрем от усталости!

– От усталости никто не умирает. А вот если организм израсходует свои запасы воды, тогда мы точно умрем – от жажды. И это будет довольно скоро: два, может, три дня. А идти еще далеко.

Он умеет ориентироваться по звездам, так что, когда выходит луна, они продолжают путь. Шиффле тяжело дышит, но жаловаться не смеет.

– Мермоз...

– Что?

– Хочу тебя кое о чем попросить. Если ты выберешься, а я здесь помру, я бы хотел, чтоб ты мне пообещал, что мои деньги за этот месяц отправят в Нант, родителям. А еще хорошо бы, чтоб ты сам к ним поехал и сказал, что я вспоминал о них, часто вспоминал. Им бы легче стало.

– Черт возьми, Шиффле. Не каркай, а? Не думай, как помрешь, лучше думай, как спастись. И главное для этого – держать рот на замке, экономить силы и слюну.

– Ладно, но пообещай мне, что выполнишь.

– Идет, приятель, обещаю. А теперь умолкни и шагай.

Молчать и шагать – именно то, чем они заняты всю ночь. И еще два дня и две ночи. Уже не разговаривают. Не могут. Губы у них высохли и потрескались до крови, во рту тоже пересохло. Когда солнце стоит в зените, в самую жару, они останавливаются передохнуть. В последний ночной переход приходится останавливаться через каждые несколько шагов – ноги сводят судороги. Мермоз рад тому, что темно, потому что так он не видит ни страданий Шиффле, ни рыданий. Он раньше и не думал, что можно плакать без слез, когда влаги внутри тебя уже не осталось. Мермоз знает, что им не дойти, и принимает решение спуститься с гор в пустыню в надежде подойти как можно ближе к лагерю: вдруг, если повезет, они встретятся с каким-нибудь караваном. Спускаются с огромным трудом. Шиффле отстал, сопит позади. Он

его поджидает, дает руку на самом трудном участке. Шиффле опирается на него, а у него и у самого сил совсем не осталось.

Восход солнца – настоящее испытание огнем – застает их уже посреди пустыни. Ходьба по песку требует вдвое больше усилий, да и температура здесь выше – за пятьдесят. Продвижение вперед замедляется, а минуты удлиняются, разжижаются от жары, как липкая жвачка. Еще одну ночь в пустыне пережить им уже не судьба.

Вскоре Мермоз слышит у себя за спиной шуршание песка. Шиффле валится на землю практически беззвучно. Он подходит к механику, силится что-то ему сказать, но не может: распухший язык заполнил собой рот. Шиффле потерял сознание, но оставить его он не может. С огромным трудом он взваливает бесчувственное тело на плечо и идет вперед. Тело весит тонны, он понимает, что в этом нет смысла, но все равно идет вперед. Если ему суждено погибнуть – пусть это будет на ходу. И если уж кому-нибудь случится однажды рассказать об этом испытании, то он хочет, чтобы прозвучало: летчик Жан Мермоз не сдался.

Он ощущает удушье в груди, чувствует, что силы исчерпаны, останавливается, колено вонзается в песок, с плеча кубарем скатывается Шиффле. Захвативший голову бред дарит внезапную радость от осознания близости смерти: теперь исчезнут боль и сомнения, придет конец всем страданиям. Но где-то в глубине вскипает ярость, она зовет за собой. Уж кто-кто, а он – он заслуживал другого, заслуживал шанса свершить нечто великое, и он бы это совершил, если бы ему только дали чуть больше времени, если бы слепая механическая судьба не устроила так, что мотор самолета на ровном месте приказал долго жить как раз посреди пустыни.

Несправедливо...

А несправедливость – как раз то, что доводит до кипения кровь в его жилах более успешно, чем все солнца всех пустынь на свете. Кроме всего прочего, на него возложена ответственность: тот человек, что лежит теперь без сознания, ему доверился. Если бы они остались возле самолета, друзья, возможно, их бы и не нашли и механик бы выжил. Ему невероятно трудно, но он все же снова встает. Ноги дрожат, обожженное солнцем лицо горит, губы саднят, но он – теперь один – делает еще несколько шагов вперед.

Перед глазами мельтешат огоньки, но ему кажется, что в нескольких метрах от себя он различает следы. Шатаясь, он преодолевает эти метры и видит следы верблюдов. Но они вполне могут быть и галлюцинацией. Опускается на колени, проводит по следам рукой, и они исчезают. Нет, это не сон...

Это маршрут караванов из Дейр-ез-Зора в Пальмиру. И он закрывает глаза, не зная, откроет ли их вновь.

Ветер пустыни приносит не только песчаные вихри, но и людей верхом на верблюдах. Мермоз чувствует, что его тормозят. Он открывает глаза: какой-то человек с острым носом внимательно на него смотрит. Это ефрейтор из его полка. Мермоз не может открыть рот, но указывает рукой назад, где остался механик.

В последующие дни кто-то из офицеров ставит вопрос о том, чтобы представить его к благодарности, вот только Париж слишком далеко, а формуляры имеют обыкновение теряться. Ему все равно.

Глава 13. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1923 год

В офисе предприятия по производству черепицы Тони нашел для себя увлекательное занятие с использованием бракованных счетов-фактур, предназначенных на выброс: он делает из них бумажные кораблики. В ящике письменного стола у него скопилась уже целая флотилия.

Последние недели Лулу полностью погружена в свои занятия музыкой и сеансы физиотерапии. Тони сгорает от желания видеть ее, но она все время занята. Он не виделся с ней уже несколько дней, однако общие знакомые сообщают, что то заметили ее в окружении подруг в кафетерии консерватории, то видели, как она делает покупки в «Галерее Лафайет».

В один из этих осенних вечеров он возвращается с работы в дом своей тетушки таким понурым, что даже сигарета чуть ли не падает изо рта. Кузина его матушки берет его под руку и объявляет, что прямо сейчас намерена представить его своим гостям. У него нет никакого желания участвовать в светской жизни, но Ивонна не дает ему ни малейшей возможности отказаться.

В маленькой гостиной она подводит его к группе оживленно беседующих мужчин, один из них – молодой и уже модный писатель и издатель по имени Гастон Галлимар. Другой – писатель Андре Жид, знаменитость текущего момента, чарующий публику своей прозой и ее же скандализирующий своей открытой гомосексуальностью. Тони чувствует себя стесненно и рта не раскрывает. Издатель Галлимар берет рюмку коньяка и забрасывает Жида дружескими шпильками.

В эту секунду появляется еще один гость, с довольно оригинальной бабочкой на шее. В неизбыточном стремлении к экстравагантности он входит в гостиную, не сняв с головы шляпу с высоченной тульей. Когда к нему оборачиваются, он снимает шляпу и исполняет напыщенный реверанс. Ивонна идет к нему поздороваться, и он вновь весьма театрально снимает шляпу. Жид и Галлимар по-прежнему увлечены своим диалогом, так что вновь прибывший, литератор, уже добившийся известного успеха рассказами для газетных подвалов, похоже, раздосадован тем, что на него не обращают должного внимания.

– А вы кто такой, молодой человек? – обращается он к Тони.

– Я? Племянник Ивонны...

– Но вы, я полагаю, знаете, кто я.

– Конечно же!

– В следующий раз принесу вам что-нибудь свое, с посвящением.

– А как же вы узнаете, которая из ваших книг мне понравится?

– Вам понравятся все.

В этот самый момент в гостиную возвращается Ивонна с чашкой чая для гостя, он усаживает ее рядом с собой и начинает с жаром рассказывать о своей новой книге, хотя она о ней и не спрашивала. Тони поглядывает на него, словно это пришелец с какой-то другой планеты, не с его: он не прикасается ни к чашке с чаем, ни к подносу со сладостями, его пища – почитание. Так что, пока писатель наполняется воздухом, который он заглатывает, вещая, сам Тони наполняется, поедая швейцарские булочки. Поэзия для него совсем про другое: она рыжая, белая и зеленая.

Все эти тревожные недели он яростно пишет – доступный способ заглушить мысли о том, что Луиза не отвечает. Приворожить ее на листе бумаги, где, откуда ни возмись, вдруг явится на свет божий прекрасный гений лампы, что исполнит любое желание. В те дни он бьется за то, чтобы заставить поэзию сочиться из пальцев, но удастся лишь скопить огромную коллекцию черновиков.

В те дни вспоминает он и о своих прогулках по небу и раздумывает, нельзя ли к ним вернуться – через тексты. Тем не менее выразить на бумаге ощущение бегства, чувство свободы ему трудно. Слова совсем не такие невесомые, какими кажутся, их тянут к земле капли чернил, взлететь им тяжело. В те редкие мгновения, когда рука его пишет как бы сама собой, он интуитивно открывает писательский секрет: это как бросать ведро в заброшенный колодец посреди пустыни и черпать воду.

Но, чтобы писать, ему недостает усидчивости. Он тут же встает со стула и начинает ходить туда-сюда. Выходит на улицу и нарезает круги по кварталу. В один из таких вечеров он проходит мимо магазина игрушек, видит в витрине электрический поезд, бесконечно бегущий по закольцованным рельсам, и сам себе говорит: я – этот поезд. Пару дней назад ему удалось минутку поговорить с Лулу по телефону, а больше она не могла – совершенно не было времени: начиналось ее занятие по теннису. Тони говорил ей, что им нужно встретиться, а она, улыбаясь, отвечала, что да, конечно, но вот только сейчас ей нужно бежать в одно место или в другое: на благотворительную лотерею, на чашку чая в суперэлегантном доме, на урок пения, в семейную ложу на оперу... Он-то знает, что Лулу будет бегать из одного места в другое, нигде надолго не задерживаясь, чтобы не сгореть. Играет с ним в прятки по всему Парижу.

Однажды вечером, после нескольких дней без единой весточки о ней, без предупреждения он является на улицу Ла-Шез. Он обручен с хозяйской дочкой, но, когда объявляет, что хочет видеть Луизу, мажордом с холодным презрением интересуется, кто ее спрашивает. Ему кажется, что все в этом доме встали против него в заговор.

Мажордом объявляет, что мадемуазель де Вильморен уехала в путешествие, но оставила для него письмо. Ему бы очень хотелось, чтобы на лице его не промелькнуло ни тени изумления, и он делает сверхчеловеческое усилие, замораживая предательские лицевые мышцы. И как только вновь оказывается на улице и сворачивает за угол, торопливо вскрывает конверт.

Написанные с легким наклоном строчки сообщают ему, что она вынуждена срочно отправиться в Биарриц, навестить приболевшую бабушку. И совершенно точно пробудет там довольно долго. «Так что у нас будет время, чтобы разобраться в наших чувствах», – говорит она.

Разобраться в наших чувствах, навести в них порядок...

Он прислоняется к стене. Голова идет кругом. Он спрашивает себя, могут ли чувства быть разобраны и упорядочены, как стопка полотенец в шкафу.

Ноги у него подгибаются. Он бредет домой, шатаясь, будто пьяный.

Лулу потребуются недели, чтобы узнать, каковы же ее чувства. А ему – ему хватит секунды, чтобы досконально выяснить, что он любит ее до безумия!

Он нервно дергает себя за волосы, но отгоняет дурные предчувствия: моя любовь к ней так велика, что ее и на двоих хватит.

Ответное письмо Луизе стоит ему трех бессонных ночей. Комочки мятой бумаги с отвергнутыми вариантами образуют на полу его комнаты горную цепь. Ему хочется сказать, как сильно он ее любит, но в то же время не хочется перекрывать ей кислород. Он знает, что Лулу нужно, чтобы вокруг веяли сквозняки, чтобы ничто ее не сковывало. Он не хочет дать ей понять, что раздавлен, ведь не в его интересах, чтобы она подумала, будто в своем унынии он винит ее. Но в то же время не хочется переборщить с наигранной веселостью, чтобы у нее не сложилось впечатление, будто ее отъезд ему безразличен. И вот он пишет и рвет и снова пишет и рвет. Написать письмо оказывается труднее, чем стихотворение: в поэзии чувства влекут за собой слова. А в этом письме, столь для него важном, решающем, слова должны потащить за собой чувства, должны поднять их за собой вверх по горной дороге, как доставщики грузов на Эверест.

Тетушка Ивонна уже успела привыкнуть к тому, что, когда он возвращается вечером с работы домой, первым делом он бросается к столу с почтой и роется в бумагах, словно дикий кабан. И день за днем кабан, понуро повесив голову, уходит к себе в комнату.

Наконец-то от Луизы приходит ответ, и он несется вверх по лестнице с письмом в руке. И глубоко вздыхает, прежде чем надорвать конверт: там внутри таится либо его счастье, либо – горе. Он ожидает чего-то определенного, чего-то хорошего или чего-то плохого: да или нет. Однако то, что он читает, повергает его в еще большее смятение, чем раньше: она рассказывает о погоде в Биаррице, о прогулочной тропе вдоль моря, пробитой за пляжем, в скалах, захлестываемых волнами, когда штормит, о так понравившейся ей книжке Рембо, о вечерних салонах, где собирается местная публика, а также съезжаются лучшие семейства со всей провинции, об одной служанке-румынке, которая рассказывает леденящие кровь истории. Ни одного слова об их отношениях. И прощается она нейтрально: «твоя такая-то с самыми теплыми чувствами».

Так проходят его дни: он ждет писем, которых или нет, или они содержат бытописательские зарисовки, избегая самого главного. Недели складываются в месяцы, и его первоначальное состояние на нервах понемногу трансформируется в меланхолию. Флотилия бумажных корабликов села на мель. А накладные фабрики Тюильри-де-Бурлон никогда еще не уходили в архив, столь густо разрисованные разными каракулями.

Приближается Рождество, и он решает ехать в Биарриц. Нужно взять замок штурмом, чтобы выволнить пленную принцессу. Сейчас или никогда.

Он уже знает, что Вильморены – игроки опытные и что если он хотя бы намекнет о намерении нанести визит в их фамильный замок, то может столкнуться с уклончивыми ответами и отговорками. О своем приезде он извещает Лулу всего за сутки, телеграммой, чтобы его не успели отговорить: «Скучаю по тебе. Приеду завтра в воскресенье к чаю провести с тобой вечер. Тони».

И вот он сидит в поезде, много часов в поезде, который медленно перемещает его из Парижа в направлении Восточных Пиренеев, к вокзалу «Миди» в центре Биаррица. И думает, как легко было бы добраться туда самолетом. И улыбается, лишь вообразив тот переполох, который поднялся бы, приземлившись он неожиданно в саду бабули Вильморен. Закрывает глаза и летит с Луизой в передней кабине, а ветер треплет ее медно-рыжие волосы, перемещает их то туда, то сюда с той рельефной мягкостью, с которой обычно снятся сны.

Новые звуки отвлекают его от этих мыслей. В купе напротив него, через проход, вошла женщина с пятью детьми. Один из мальчиков старательно следит взглядом за пробегающими за окном деревьями.

– А почему деревья бегут, мама?

– Они не бегут. Это мы движемся.

– Но ведь кажется, что бегут они! – восклицает его брат.

– У деревьев есть корни, и они не могут сойти со своего места, так что и бежать они тоже не могут. Если глаза говорят вам, что деревья бегут, не верьте своим глазам.

Дети кивают. Они все поняли.

Тони улыбается. Эта мать – сущий Эйнштейн. Физики в этом новом XX веке начинают понимать то, что всегда знали поэты и дети: самое главное глазами не увидишь. Придет день, когда физики, сами того не подозревая, станут поэтами.

Места летнего отдыха, как Биарриц, зимой выглядят спящими. Закрытые рестораны и пансионаты с опущенными жалюзи навевают ностальгию по шумным и блистательным дням, растаявшим в тумане. Дом бабушки Луизы – пригородный особняк, окруженный высоченной каменной оградой, сплошь увитой плющом, как стены в доме его детства.

Молоденькая служанка с белой наколкой в волосах, встретив его при входе, сообщает, что его ждут. Он нафантазировал себе, что увидит Луизу в саду, одиноко и печально сидящей

за белым металлическим столиком, с чайником и двумя чашками на нем, и, быть может, с книжкой стихов Рембо в руках.

Чайный стол и в самом деле накрыт, но не в саду, а в помпезной гостиной с потухшим камином и огромными полотнами на охотничьи сюжеты, изобилующими образами оленей и кавалеров в красных камзолах. Лулу не одна, и ему даже кажется, что там толчея: с полдюжины каких-то людей непринужденно беседуют. Рембо нет. Луиза в самом центре, откусывает зубками масляное печенье и в то же время оживленно жестикулирует, руководя общей беседой.

Когда он входит в гостиную, разговор прерывается, и она встает ему навстречу. И у него складывается впечатление, что эти дамы и джентльмены здороваются с ним без излишнего энтузиазма. Ему освобождают место неподалеку от Лулу, и вот уже все взгляды сосредоточены на нем.

– Ну как там в Париже? Какая-нибудь любопытная премьера? – спрашивает она.

– В последнее время я нечасто хожу в театр...

Уловив в этих словах ноты сомнения, молодой джентльмен с безукоризненно подстриженной эспаньолкой, упомянувший при представлении свой титул, который тут же вылетел у Тони из головы, с энтузиазмом вступает в разговор:

– Что совершенно нельзя пропустить, так это «Отверженных» в театре «Ла-Плеяда». Высший класс.

Все присутствующие проявляют интерес и требуют подробностей. И молодой человек, почувствовав себя в центре внимания, очень красочно расписывает все детали постановки, и все в высшей степени довольны услышанными комментариями. А вот Тони кажется совершенно невыносимым снобизмом то, что для характеристики произведения драматического искусства использовалось выражение «высший класс». Он устремляет взгляд на Лулу, но она, в свою очередь, уже делится впечатлениями о какой-то выставке или о некоей опере, и все подхватывают тему, и беседа получает новый стимул, потому что все побывали везде и видели все. Он сидит в центре стола, однако слова и реплики пролетают, скрещиваясь друг с другом, никак его не касаясь, он не может ухватить ни одного. Ни один вид одиночества не кажется ему столь щемящим, как одиночество в окружении людей. Он с тоской вспоминает о поезде, без устали, с самого Парижа, качавшем его в купе, где он мог укрыться в уголке и мечтать о встрече с Лулу в саду наедине.

Она пытается подключить его к общему разговору и спрашивает о том, что могло бы быть интересным для ее друзей: не открылся ли какой-нибудь новый ресторан, нет ли новостей об объявлении муниципальных выборов, знает ли он подробности скандального развода герцогов де Люшон... Но ни о чем таком он не знает, он мог бы поддержать разговор исключительно о накладных фабрики по производству черепицы или стихах, принявших форму комка бумаги. Он прилагает усилия к тому, чтобы его более чем умеренное участие в беседе выглядело учтиво, однако скрыть испытываемое неудобство получается у него не очень, и в конце концов он умолкает. Слова не слетают с языка, их там нет, он их не находит. Слова ему и не понадобились бы, если бы нужно было рассказать Лулу о том, что он чувствует: он бы просто расстегнул молнию на груди и показал бы ей свое большое сердце, которое бьется для нее. Но он попал в капкан элегантного салона с велеречивыми господами в нем. Тони отхлебывает глоток чая, но тот пахнет лишайником.

В семь часов вечера отходит обратный поезд – ночной экспресс, что доставит его в Париж рано утром, как раз хватит времени дойти пешком от вокзала до офиса, даже не заглянув домой. Вот о чем он размышляет, когда оживленная беседа вырывается на недавнюю премьеру одного из творений Пиранделло.

– Это настоящая сенсация, – утверждает дама, сидящая в углу дивана.

– Да, – вторит ей молодой человек с эспаньолкой, – пьесы Пиранделло – чистая, бесприемная философия.

И тут вдруг Тони выходит из своей отрешенности и неожиданно подскакивает, словно на пружине. Щеки его горят, он даже не говорит, а кричит:

– Да ведь Пиранделло не гнушается метафизикой консьержки!

Сразу же вслед за его холерическим восклицанием воцаряется тишина. Участники светского раута с опаской взирают на этого внушительных размеров индивида с красным, как помидор, лицом, но никто не произносит ни слова. Он ждет, что ему кто-нибудь возразит: он терпеть не может, когда драматургов, подобных Пиранделло, которых сам он считает не более чем умелыми развлекателями публики, ставят на одну доску с писателями, стремящимися открыть смысл жизни. Кто-то отпивает чай. Луиза смотрит на него с выражением крайнего неодобрения.

– Если б вы говорили об Ибсене! Вот он да, он – автор, который пишет, чтобы заставить людей понять то, чего они понимать не желают! Но Пиранделло?

Он останавливается на полуслове и обводит взглядом всех сидящих за столом – из конца в конец. Но никто не откликается на его горячность, все очень элегантно хранят молчание. И он в тишине, нарушаемой лишь тонким звоном ложек о фарфор, понимает, что на этих собраниях считается неприличным повышать голос, а также – столь решительно не соглашаться с чьим-то мнением. И внезапно, возвышаясь над кругом сидящих за столом людей, старательно делающих вид, что они заняты своим чаем и даже не поднимающих на него взгляда, он чувствует себя смешным.

– Прошу извинить мне мою горячность, – чуть слышно шепчет он, падая в кресло и сканивая взгляд в сторону Луизы. – Простите меня, пожалуйста. Не умею сдерживаться.

Вымученная полуулыбка вежливости – единственное, что он получает в ответ.

– На самом деле мне уже пора, скоро поезд. Избавлю вас от своего присутствия. – И поворачивается к Луизе: – Проводишь меня?

Она изображает рукой нечто двусмысленное.

– Я скоро вернусь, – бросает она, обращаясь к своим гостям.

Оба выходят в сад; дышащая Атлантикой ночь выстудила Биарриц. Наконец-то они одни! У Тони имелись огромные запасы приготовленных для нее слов, самые удачные фразы он повторял в поезде часами, желая предстать перед ней величайшим соблазнителем. Однако сейчас он в дурном настроении после невыносимого вечера и измучен тем, что она не отвечает на его любовь с той же страстью, что есть у него. Луиза останавливается на крыльце, на ее лице и в ее голосе отражается холод ночи.

– Какая муха тебя укусила, Тони? С какой стати ты так странно себя ведешь?

– Мне не нравятся эти люди.

– Тебе они не нравятся? Но ведь это мои друзья! Мог бы быть любезнее. Граф и графиня Монлюсон – владельцы сталелитейного производства, самого крупного в регионе, месье Кальмет – прокурор, и ходят слухи, что вскоре станет министром...

– Министром...

– Да! Министром юстиции!

– Знаешь что? Сегодня, пока я ехал сюда, в поезд села женщина, без шляпы, с пятью ребятишками. У нее совершенно точно нет ни титулов, ни производств, но она объясняла очень важные вещи – своим детям, да и мне тоже. Светские люди никогда ничему меня не научили.

– Ты очень нетерпим...

– Да, это правда – я нетерпим! Терпимость мне не нравится! Нет у меня этой легкости, как у твоих друзей, чтобы ко всему на свете относиться как к игре.

– Ты становишься в некотором смысле неприятным...

– Да, я неприятен, это правда! Приятные люди, как этот индюк с эспаньолкой, которые отпускают парочку поверхностных комментариев и считают себя после этого очень умными, выводят меня из себя.

– Тебя все на свете выводит из себя...

– Могла бы выделить этот вечер для нас одних.

– А ты не проявил деликатности и не спросил, занят ли у меня этот вечер или свободен.

– Но ведь я специально приехал из Парижа! Семьсот километров пути, чтобы увидеть тебя.

– Мне очень жаль, что ты проехал столько километров, но вот только я тебя об этом не просила.

Хуже всего то, что Луиза даже не злится, произнося эти слова, как будто в глубине души ей абсолютно все равно, что он сделает или не будет делать. И это раздражает его еще сильнее.

– Полагаю, нам нужно поговорить, не так ли? Ты и я помолвлены или ты уже об этом позабыла среди такого количества званных вечеров для министров?

– Так ты проехал столько километров исключительно для того, чтобы упрекать меня?

И она вновь поднимает на него глаза, эти пронзительные волшебные глаза. И он опускает голову, как делают дети, когда им за что-то выговаривают. Он понимает, что оплошал, дал маху еще раз. Ярость улетучивается, и он весь сдувается, как проколотый воздушный шарик.

– Лулу, прости меня, пожалуйста. Я самый смешной клоун на свете! Мне жаль, так жаль, очень. Я вовсе не хотел показаться дерзким, просто эти месяцы вдали от тебя были сплошным страданием.

Теперь она смотрит на него, и в первый раз за все время их знакомства он видит ее по-настоящему серьезной.

– Ты ничего не знаешь о моем страдании.

– Лулу...

– Наши отношения больше не могут продолжаться.

– Но почему?

– Для тебя никогда не будет ничего совершенного, если оно не точно такое, каким ты его задумал.

– Я изменюсь! Клянусь тебе! Мне будет нравиться все, я буду обожать всех твоих друзей! Я полюблю Пиранделло!

– Этого не может быть.

– Почему? Я же люблю тебя, люблю безумно!

– Это не так.

– Как ты можешь так говорить! Самая последняя клеточка моего тела – и та влюблена в тебя!

– Нет, Тони, ты не влюблен в меня. Ты влюблен в Лулу, которую ты создал в своем воображении. Несколько минут назад, когда я сидела в гостиной, разговаривая с гостями, и не обращала на тебя внимания, я заметила, что ты смотришь на меня с гневом. В тот момент я не была такой, какой бы ты хотел меня видеть. Но ведь я и такой бываю: мне нравится иметь друзей, которые меня развлекают, нравится говорить о театральных премьерах, о моде, об интерьерах...

– Я буду обожать моду! Стану лучшим другом твоих друзей! Сейчас вернусь к ним и у каждого из них попрошу прощения, у каждого лично. Да я им карточные фокусы буду показывать, чтобы повеселить!

– Невозможно...

– Я изменюсь! И никогда не буду злиться, обещаю тебе! Стану идеальным мужем!

И Луиза издает короткий смешок, будто кашляет.

– Все дело в том, что это я не хочу быть идеальной женой... Не могу представить себе ничего более скучного!

Лицо Тони меняется.

– Выйти за меня замуж кажется тебе скучным? – спрашивает он, нахмурившись.

Она вздыхает. И окидывает его взглядом с головы до ног с нескрываемым отвращением.
– Прямо сейчас мне и в самом деле кажется это откровенно скучным.

Тон ее резок, он ранит. Сахар превратился в соль. Золото преобразилось в песок. Он кивает и опускает голову. Магия Лулу превратила его в принца, но волшебство рассеялось, и он снова стал жабой с выпученными глазами, кем всегда и был.

Лулу поворачивается к нему спиной и возвращается в дом, в свой мир сверкающих огней. А где его мир, он уже не знает. В голову приходит мысль, что лучше бы он и в самом деле был жабой, по крайней мере, тогда он мог бы остаться здесь, в пруду, и смотреть, как она гуляет в саду на закате. Но его лужа другая, она соткана из накладных и смертной тоски на фабрике по производству черепицы.

Глава 14. Пальмира (Сирия), 1923 год

После происшествия в пустыне Мермоз был повышен в звании до сержанта, и ему стали давать поручения, выполнять которые считалось делом только опытных пилотов. Пилотирование санитарного самолета одно из них: жизненно необходимое, как воздух, и вызов для Мермоза. Врачей всего два, они обслуживают огромную территорию в сотни километров в диаметре, и его обязанность – возить их то туда, то сюда, а также транспортировать больных для госпитализации в Дамаск или доставлять больным лекарства. Работа изнурительная, он уже и не припомнит, когда последний раз спал хотя бы пять часов подряд. Но кто здесь хочет спать?

Вот уже две недели по четвергам он не имел возможности приходить на свидания в подземные термы, однако сегодня вечером он, сидя на корточках за большим валуном, вновь ждет, пока четыре вооруженных бедуина не встанут на молитву. А когда они наконец поворачиваются лицом к Мекке, он проскальзывает в расщелину и оказывается в сумраке, пронизанном ритмичным плеском воды. Оглядев сквозь отверстия в стене пространство и удостоверившись, что она одна, он принимается наблюдать за тем, как обнаженное тело в свете факелов погружается в воду.

И вот Мермоз стоит на краю бассейна с улыбкой на лице, предвкушая наслаждение, и, когда она выходит из воды, оба замирают, пристально глядя друг на друга. Смуглое тело, черные глаза, черные косы... только лицо другое. Ему-то не столь важно, та ли это женщина или другая, ведь его желание и очарование остались теми же, и он, гипнотизируя ее, щурит свои глаза соблазнителя. Однако она вовсе не погружается в транс, а начинает биться в истерику, и все рушится. Женщина заходится визгом, взывая о помощи, и ее голос бьется о стены пещеры, становясь оглушительным.

У Мермоза меньше тридцати секунд до появления парней с ятаганами – пробежать до выхода на поверхность явно не хватит. Так что он взлетает на несколько ступенек и прижимается к стене за поворотом, каменея, как статуя.

Четыре охранника гурьбой несутся вниз, как стадо верблюдов. В точно рассчитанный момент он выставляет ногу, и подножка в один миг выводит из строя двоих. Еще двое, едва не наступавшие на пятки первой паре, натыкаются на уже упавших и кубарем летят по каменным ступеням вниз. Воспользовавшись суматохой, Мермоз вихрем устремляется вверх и через три пролета ныряет в потайной ход, который, без всякого сомнения, будет обнаружен весьма скоро. Песок на поверхности кажется ему благословением, и он стремглав несется на авиабазу, словно в груди его – пламенный мотор.

На следующее утро, на высоте в три тысячи метров, ногу его вдруг пронзает резкая боль, и он лишается сил. И тут же попадает в зону турбулентности: самолет резко начинает трясти, а сзади доносится стон. Он транспортирует женщину на носилках, диагноз – множественные переломы и воспаленные раны, ей срочно нужна операция. Тряска противопоказана, так что он поднимается выше облаков, пренебрегая опасностью и нарушая все предписания. Ориентироваться на такой высоте можно только по компасу, как следствие – многокилометровые отклонения от маршрута. Так недолго и заблудиться. Но Мермоз в этом небе налетал уже столько, что как будто узнаёт в воздухе каждое завихрение.

Наконец он приземляется, а ведь глаза сегодня он открыл еще до рассвета. Как только шасси касаются земли, к самолету устремляются санитары с носилками. Мермоз свистом привлекает внимание одного из работников аэродрома и властными жестами требует направить к себе заправщика.

– Куда это так спешим?

– Мне нужно вернуться, забрать врача, он остался ждать там, потому что не помещался. Или ты сам прооперируешь эту мадам?

– А ты что, даже чаю не выпьешь?

– Бензинчику хлебну. Шевелись давай, я не обязан здесь весь день околачиваться!

А когда, выполнив задание, он возвращается на базу в Пальмире, солнце уже клонится к закату. Шагает мимо палаток как робот, чувствуя, что еще чуть-чуть – и голова взорвется. Надо бы поспать, ведь через восемь часов снова вылет, но головная боль, по ощущениям, стала еще острее. Заходит в свою палатку, увешанную мавританскими коврами; сейчас они кажутся гротеском. Нервы у него слишком натянуты, чтобы спать, так что забыться сном удастся лишь на пару часов, а после пробуждения тошнит, да и сил не прибавилось.

Сует руку в карман брюк и вынимает сверточек, купленный в Дамаске на базаре, на выигранные в подпольный покер деньги. Белый порошок. Он знает, что, возможно, именно кокаин виной за резкие перепады в настроении, но он же позволяет не сбиться с ритма. Завтра снова тяжелый день, а дать слабину он не может. Так что Мермоз насыпает себе длинную дорожку и втягивает ее всю, до самой последней молекулы.

После завтрака – яичницы-болтуни из четырех яиц и целого батона – он в наивысшей точке доброго расположения духа.

– Давай-давай! – подгоняет он механиков. – Задание получено, дело не ждет.

К вечеру, уже на обратном пути, он обращает внимание на чрезмерную вибрацию рычага поворота, который он перевел на юго-восток. Смотрит на датчики работы двигателя – обороты стабильны. Снимает с рычага руку – дрожит его рука.

Восемьдесят оставшихся до базы миль превращаются в бесконечность: он пытается унять нервную дрожь, но не может. Заходит на посадку слишком резко, самолет кренится. Из горла вырывается яростный рык. Он ненавидит ошибки, а предательски дрожащие руки делают из него пилота-неумеху.

Один из работников наземной поддержки подходит с шуточным комментарием. Но момент для шуток явно не самый лучший.

– Вам что, делать нечего? Не лезь не в свое дело!

Его коллеги по наземной службе поражены – парень всегда слыл весельчаком и балагуром. Мермоз скрывается в своей палатке и вытягивает руку: та дрожит. Рука со всей силы опускается на низкий деревянный столик и разбивает его. Кисть от удара красная, но рука все равно дрожит. Тогда он лезет внутрь кувшина из обожженной глины, шарит там и достает из тайника пакетик с кокаином, в котором еще остается щедрая порция порошка.

Выходит за периметр лагеря, нехотя козыряя дежурному на вахте. Всего несколько шагов, и его поглощает пустыня. Спускается с бархана и, уже невидимый караульным, вытаскивает пакетик и внимательно разглядывает его. Всего лишь какой-то порошок, даже не песок. Чтобы быть Жаном Мермозом, эта финтифлюшка ему не нужна. И он отшвыривает его, стараясь забросить как можно дальше.

Возвращается в лагерь и закрывается в палатке. Глядит на правую руку: она саднит и слегка кровоточит. Сворачивается клубком на койке и – редкость для него – чувствует, что замерзает. На несколько часов он засыпает, однако вскоре пробуждается. Его охватывает внезапная жажда, а внутри поселяется ощущение воронки, как будто где-то в его теле открылась бездонная, все засасывающая пропасть. Все внутри заморожено, а койка под ним качается, словно он в каюте корабля, а на море сильное волнение. Он хватается за край матраса, ведь ему кажется, что падает, и пытается удержаться от крика. Абстинентный синдром властно втаскивает его тело в водоворот, увлекая к стоку, в котором теряется разум.

Как только начинает светать, он встает с койки и поспешно одевается. Уже все, край, совсем неважно. Провожаемый изумленным взором караульного, он выходит из ворот базы, держа путь в пустыню. Вроде бы это та самая дюна, первая слева, хотя в пустыне ветер постоянно все перемещает. Прикидывает, куда зашвырнул вчера пакетик, и, подгоняемый дрожью, склоняется и начинает искать. Ползает на четвереньках по песку, погружая в него руки, еще и

еще раз, и снова вынимает – пусто. А когда ветер задувает сильнее, останавливается на секунду, весь покрытый потом, тяжело дыша. Открывает рот, туда сразу набивается песок, он стискивает зубы и начинает с хрустом его жевать. И замечает силуэт на песке – это его тень, но с тем же успехом она могла бы быть тенью любого животного, обнюхивающего песок. И, придя в отчаянье, колотит песок руками.

«Что я здесь делаю, стоя на четвереньках, как крыса? Да я и есть крыса».

Вытягивает вперед руку: параллельно земле, ладонью вниз. Она подрагивает, распухшая и посиневшая от удара о столик, как то гнилое бревно, что плыло по течению тогда в Сене. А вот и нет: это уж точно, что нет! Он встает на ноги и кричит, кричит изо всех сил, так громко, насколько позволяет глотка. Вопль нечленораздельный, без слов, но в нем читается все: и стресс последних недель, и его гордость за то, что стал-таки пилотом, и страх перед страхом, и ужас от того, что кокаин превратил его в марионетку. Знойный самум уносит за собой этот нескончаемый вопль. Накричавшись, он немного успокаивается, и в конце концов приходит истощение – благословенная усталость после часов возбуждения, тоски и желания.

Ему вспоминается мутный взгляд того жуткого типа из «кошачьего переулка», который в Истре продавал ему порошок. Однажды ночью Мермоз сказал ему, что покупает в последний раз, а тот только расхохотался, брызгая слюной. И ответил: все всегда возвращаются. Он – нет.

«Я не вернусь, чертов ты сукин сын!»

Никогда больше не будет он ползать по земле. Ни за пакетиком наркоты, ни за чем-то или кем-то другим.

Никогда в жизни...

Он стискивает кулаки, его собственная ярость делает его хладнокровным и высокомерным. Идет в казарму, караульный при входе замечает, что он грязен, перепачкан в песке, но в его манере двигаться прямо, высоко держа голову сквозит столько достоинства, что тот не решается ничего сказать и только молча козыряет по всем правилам воинского устава. Мермоза, стального сержанта, уважают все; только они не знают, что внутри он дрожит, как желе. Мермоз в ответ тоже козыряет и решительным шагом направляется к своей палатке. Кому-то, кто попался ему навстречу, вроде бы послышалось, что он прошептал: «Я не вернусь».

У себя он падает на койку и начинает потеть. Дрожь с рук переходит на все тело. Один из сослуживцев, заглянув в его палатку, пугается, увидев, что Мермоз дергается в жестоких конвульсиях, и бежит за доктором. Военврач, взглянув на пациента, решает, что это приступ эпилепсии, и вкалывает ему лошадиную дозу снотворного.

На следующее утро он просыпается с ощущением, что в голове поселился осьминог, желатиновыми щупальцами переминающий ему мозги. Все вместе и каждая клеточка его тела в отдельности отчаянно требуют своей порции кокаина, весь организм кричит и визжит, да так, что Мермоз чуть не глохнет. Он мог бы попросить о госпитализации, однако предпочел другое: бороться с ломкой, работая вдвое больше обычного, вдвое чаще играя в покер, колотя в спортзале боксерскую грушу, глуша вино бутылками и усиленно посещая самые злчные места веселой ночной жизни в Дамаске – чтобы предаться курению кальяна и подцепить столько девочек, сколько удастся поймать на крючок. А это немало, потому как многим из них летчик с телом атлета весьма по вкусу. Одна христианка-маронитка, что работает в кафешантане неподалеку от рынка, нарекла его «златовласым ангелом».

Однажды вечером он приземляется после транспортировки на санитарном самолете пациента на несколько сотен миль и последующей бурной ночи в Дамаске. Как только до кухни доходит весть, что с задания вернулся сержант Мермоз, ему тут же готовят яичницу с беконом из полудюжины яиц. Но он, к всеобщему удивлению, объявляет, что слишком устал и не голоден и лучше пойдет спать. Но до палатки не доходит. Валится как подкошенный возле двери склада запчастей. И приходит в себя только спустя двое суток в медсанчасти. Его хватил удар, он был на волосок от смерти.

Ему остается служить восемь месяцев, и командование, имея в виду, что пусть уж отдохнет получше, прежде чем снова объявится в армии, принимает решение отправить его обратно во Францию – дослуживать срок в более спокойной обстановке. Подполковник, под чьим командованием находится авиабаза в Пальмире, вызывает его к себе, чтобы лично поставить сержанта в известность о том, что его место в части останется за ним.

Глава 15. Офис фабрики Тюильри-де-Бурлон (Париж), 1924 год

Тони рисует маленькую пику на прусском шлеме барона Мюнхгаузена, сидящего верхом на огромном ядре с вожжами в руках, как на коне. Рисует барону нос и высокие армейские ботинки черного цвета. Когда месье Шаррон появляется рядом, прячет рисунок под книги в ящик стола. Время от времени он также просматривает счета и заносит данные в книги, и этого вполне достаточно, чтобы его оставили в покое.

Порой он поднимает голову и смотрит в окно, напротив которого другое окно в стене другого здания, где другая голова поднимается от стола и тоже смотрит. Окно или зеркало?

Вернувшись после своей неудачной поездки в Биарриц, той же ночью он написал Лулу длинное письмо. Сразу обо всем: и насколько она важна для него, и о тех прекрасных моментах, которые у них были, и на все лады обещал ей счастье и даже богатство, потому что удача никогда его не оставит или, по крайней мере, ему хочется в это верить. А на рассвете покинул тетин дом и побегал на еще закрытый почтамт с мыслью о том, что, когда офис откроется, его письмо станет первым. Но когда он шел оттуда на работу, то уже жалел о том, что и как ей написал: слишком длинно, слишком эмоционально, слишком напоминает проповедь. На следующий день тот же почтовый служащий с теми же нарукавниками вновь увидел перед собой того же нескладного и высокого молодого человека, который принес другое письмо. Три дня подряд носил он свои письма, и каждое последующее писалось с целью подправить предыдущее.

Лулу медлила с ответом несколько дней, а потом ответила на все три его письма одним. По размеру это скорее было даже не письмо, а записка.

После отстраненно-вежливого обращения к адресату – «Уважаемый Тони» – она сообщила, что очень высоко ценит его слова, но их помолвка на этом «окончательно аннулирована». После чего добавила, что «естественно, я буду благодарна за возможность оставаться друзьями».

Слова «помолвка аннулирована» кружатся в голове, как карусель. Лулу так никогда не выражалась, этот язык не ее, это больше похоже на текст, составленный ее старшим братом, нотариусом. На его любовные письма ему ответили циркуляром. В этом ему чудится рука семейства Вильморен: матери, которая всегда относилась к нему с опаской, и старших братьев – римского легиона.

И что значит «оставаться друзьями»? Жалкая подачка! Невозможно быть просто другом, если любишь всем сердцем.

Пальцы Тони, яростно сжавшие конверт, нащупывают внутри что-то твердое. Это помолочное колечко. Выкатившись на его широкую ладонь, оно выглядит маленьким и стареньким, без блеска, будто золото превратилось в глину.

Он силится выкинуть из своих мыслей зеленые глаза, но это не что иное, как пытаться убрать рукой с поверхности воды отражение своего лица. Перед ним встают воспоминания об их путешествии в Женеву с мадам Петерманн в роли сторожевой собаки, когда они в четыре руки писали безумные письма и сочиняли неистовые стихи. И спрашивает себя, как же может любовь быть такой легкой и одновременно такой тяжелой? Для него она весит тонны.

Он выходит из офиса и не торопится вернуться в дом тетушки Ивонны, на набережную Малакэ. Спешить ему некуда, никто и нигде его не ждет. Как и в другие вечера, он предпочитает обойти стороной мост Карусель, чересчур оживленный, и перейти на другую сторону реки по мосту Искусств, носящему, пожалуй, слишком громкое имя для такого хрупкого сооружения. Стайка ребятишек, весело прыгающих на мосту, заставляет вибрировать всю конструк-

цию, отчего по ногам Тони пробегают легкие мурашки. Вибрация в ногах точно такая, какую ощущаешь на борту самолета, когда вибрирует вся твоя жизнь.

В эти месяцы его встречи с друзьями в когда-то облюбованных ими кафешках и рестораниках стали невыносимо долгими и серыми. Самого себя он видит участником шумных застолий, где спички уже отсырели. Шампанское – болотная вода. С уходом из его жизни Лулу чувство одно: спектакль окончен, огни погасли. Опустевший театр в душе.

Тогда он, всегда писавший стихи на любом клочке бумаги, в том числе на салфетках, подумал, что сможет найти убежище в поэзии. Как ни крути, но душевные страдания и несчастная любовь из века в век служили основными ингредиентами на кухне поэта.

Вернувшись из Биаррица, он засел за свой скромный письменный стол, часами пытаясь переплавить чувства в стихотворные строчки, но рука его словно омертвела, а с пера ручки потекли нефтяные лужицы. Уже несколько недель поэтические сборники кажутся ему романтическими безделушками и дешевой бижутерией. Торжище сентиментальных побрякушек ему претит.

И он принимает решение: больше никогда не писать стихов. Теперь он думает, что в том фонаришке, что обходит город с шестом в руках, присматривая за фонарями, словно за льющими свет цветками, гораздо больше поэзии, чем в сотне книжек стихов.

Начинает писать прозу. Поэзия, быть может, способна отразить мгновение, зато проза его создает.

На маленьком письменном столе у себя в комнате он сооружает ангар и заводит привычку писать второй стороной перьевой ручки.

Он ощущает потребность изменить свою жизнь и каждый день просматривает газетные объявления. Требуются электрики, акушерки, кладовщики, землеустроители, счетоводы и настройщики роялей, а пилотов там нет. Авиация не сфера профессиональной деятельности, а рискованная затея немногих отважных предпринимателей. Время от времени газеты сообщают о гибели то одного, то другого из этих безумцев, упорно лезущих в небо на каких-то жестянках с крыльями.

Однажды на глаза ему попадает объявление, что автозаводу «Заурер» требуется торговый представитель для продвижения своей продукции, грузовых автомобилей, внутри страны, в провинции. От предложения отправиться в сельскую Францию мысленно он переносится в Сен-Морис, в дом своего детства, где под вечер пахнет мокрой землей и дровяной печкой.

В тот день, когда он заявляет начальнику бухгалтерского отдела о своем увольнении по собственному желанию, месье Шаррон хватается за голову. Это же просто уму непостижимо, как же так можно – оставить теплое бухгалтерское местечко в Париже, чтобы отправиться продавать грузовики по забытым богом городишкам с оплатой в виде процента с продаж! Тони не берет на себя труд растолковывать, что, когда ты лишился всего, терять тебе больше нечего.

Глава 16. 1-й истребительный авиационный полк в Тьонвиле (Франция), 1923 год

Тьонвиль, городок недалеко от границы с Германией, – новое назначение Мермоза. Из Пальмиры он привозит немалый багаж: богатый опыт, дающий уверенность в себе, и сержантские нашивки. Сразу после прибытия в часть он отправляется представлять себя и свои документы. И приветствует командира эскадрильи, поднося руку к фуражке недостаточно браво, так, как это делали в Пальмире, где иерархия не имела слишком большого значения. Командир обводит его суровым взглядом с головы до пят.

У Мермоза вокруг шеи повязан желтый платок, на плечах – белый восточный плащ воинов пустыни, на ногах – военные ботинки старого, еще до Первой мировой, образца с золочеными пряжками. Ботинки – выигрыш в карты у одного лейтенанта. Из-под фуражки торчат соломенного цвета волосы. Капитан раздраженно мотает головой.

– В кого это вы вырядились?

И звучит приказ: прямиком отправиться в парикмахерскую и каптерку и прибыть для представления позже, имея внешний вид «в соответствии с уставом». Мермоз сбит с толку. Он-то думал, что в части его встретят как героя войны, пригласят в офицерский бар рассказать о приключениях и подвигах, однако истребительный авиационный полк окатывает его бюрократическим безразличием.

Среди военнотружущих его прибытие производит фурор. Некоторые приветствуют его самым обычным образом, но есть и такие, кто смотрит с любопытством. Группка из пяти-шести человек подходит с вопросами.

– А вы много дикарей убили?

– Правда, что в Сирии рядовые с офицерами на «ты»?

– А каннибалы среди бедуинов есть? Они едят попавших к ним в плен летчиков?

Мермоз не в том настроении, чтобы отвечать на идиотские вопросы пилотов, которые кажутся ему грудными младенцами с этими их еженедельными вылетами по расписанию, как на экскурсию.

– Переведитесь туда, и узнаете, как оно там, – резко отвечает он и размахивает руками, отгоняя их, словно стайку голубей. На его счету почти шестьсот часов в воздухе; да они всей эскадрильей вместе столько не налетали!

Один из летчиков остается на месте. Внешне он – с его пухлыми щеками и улыбкой во все лицо – похож на лавочника.

– Прошу прощения, сержант. Хотел поинтересоваться: как показал себя новый «Ньюпор 29» в условиях экстремальной жары?

– Вам что, заняться здесь нечем?

Ефрейтор бормочет извинение и уходит. А его безмерно раздражает этот рой наземных летчиков, ни один из которых не попадал в песчаную бурю в воздухе, ни одному из которых не случилось видеть агонию пассажира в кабине, ни у одного из которых не распухал, как вздувшийся труп утопленника, от жажды язык во рту.

Командующий эскадрильей – молодой капитан из хорошей семьи, недавний выпускник Военной академии – сообщает ему, что сегодня он примет участие в групповом тренировочном вылете, единственном полете в неделю.

– Вы, сержант Мермоз, будете ведущим. Все должны будут следовать по вашей траектории. Сделайте десять километров на север до холма и обратно, выполняя большие зигзаги. Развороты с креном, чтобы они слегка встряхнулись.

– Есть, капитан.

Улыбаясь, он направляется к «Ньюпору 28»: изящный биплан стального цвета со стройным фюзеляжем, из передней части которого прорастают два пулемета; 29-го, на котором он летал в Сирии, здесь пока что нет. Он натягивает на голову шлем, а на его лице расцветает широкая улыбка: эти летчики выходного дня кое-чему сегодня выучатся.

В небо взмывают семь самолетов, Мермоз – впереди. Сначала он дает им возможность выстроиться в предписанном порядке. Видно, что это они умеют хорошо – все держатся друг от друга на равной дистанции.

Все рядышком, просто замечательно. Для стада – годятся. Посмотрим, сгодятся ли они еще и на роль пилотов...

Мермоз выжимает газ, и его «Ньюпор» пулей устремляется вперед, при этом еще и вычерчивает острым углом первый зигзаг. Эдакий слалом в воздухе – и все построение ломается. По меньшей мере три машины слишком открылись при развороте, потеряв несколько секунд, теперь они отстают и выпадают из строя. Мермоз скорости не снижает. Долетает до холма и, выжав педаль, закладывает вираж, акробатически ставя самолет на крыло. И громко хохочет. Он уверен, что, когда выровняет машину, останется один. Пять самолетов летят далеко позади, отставшие, выпавшие из строя, безуспешно пытаются повторить его траекторию.

Но, взглянув влево, он видит, что один самолет в точности повторил его вираж.

Остался один... но это ненадолго.

И выполняет еще один зигзаг – туда и обратно – на полной скорости и с потерей высоты. Другой «Ньюпор» не отстает. Тогда он вытягивает штурвал на себя и круто набирает высоту, а потом пускает самолет в пике. Однако успевает заметить, что другой самолет падает рядом с ним, неизменно выдерживая дистанцию.

На аэродроме начинает собираться толпа, люди показывают в небо, где разворачивается воздушный поединок. Лидер старается оторваться от второго самолета, а тот следует за ним как приклеенный, моментально реагируя на резкую смену курса и безукоризненно выполняя парный полет.

Мермоз начинает потеть. Его намерение оторваться от других машин звена всем уже очевидно, и, если он сейчас же не оторвется от этого сосунка, добром для него это не кончится. Так что следующий зигзаг он выполняет с большим замахом и на пониженной скорости, а потом внезапно выжимает газ по максимуму и уходит влево. Но другому самолету удается завершить маневр даже раньше, чем ему.

«Да он будто мысли мои читает!»

Еще пара пике, еще один зигзаг на подъеме, но второй «Ньюпор» повторяет за ним все движения – с безукоризненной точностью и изяществом. Отпущенное на выполнение упражнения время уже истекло, и он идет на посадку. И как только глушит мотор, быстро спрыгивает вниз, чтобы понаблюдать за приземлением второго «Ньюпора»: тот мягко касается земли под аплодисменты собравшихся вокруг солдатиков. Мермоз уязвлен в чувстве собственного достоинства, однако первое, что он делает, – подходит к самолету, который так классно ему подражал. И ждет, пока пилот не спустится на землю и не снимет шлем. И видит перед собой того самого ефрейтора с бесцветным лицом, которого он недавно так резко отшил.

– Вы были просто великолепны, ефрейтор. Позвольте вас поздравить.

– Спасибо, сержант.

– Никаких сержантов! Мы коллеги. Я для тебя Жан.

– Очень приятно. А меня зовут Анри Гийоме.

– Кстати, Анри, по поводу того, что ты спрашивал о «Ньюпоре 29» в Сирии: он показал себя с наилучшей стороны. Движок у него в триста лошадей, то есть вдвое мощнее, чем у этих «двадцать восьмых». Фюзеляж с лучшей аэродинамикой и управление гораздо мягче. Тебе бы он понравился. Стоит тебе только попробовать такого чистокровного скакуна, как «двадцать девятый», как все остальные покажутся мулами.

Мермоз сожалеет о том, что так поспешно составил свое мнение об этом летчике. Когда приземляются остальные самолеты, он встречает на поле каждого пилота, одному за другим жмет руку и каждого поздравляет с выполнением задания.

– Приглашаю вас всех в столовку, на кружку пива за счет недотепы-сержанта!

По дороге в ангар его встречает капитан.

– Капитан, знаю, я там наверху немного переборщил. Знаете, как это бывает, увлекаешься...

Офицер невозмутимо смотрит ему в глаза.

– Этого больше не повторится, капитан.

– Очень на это надеюсь. Здесь у нас не цирк с конями. – Тем не менее командир эскадрильи не может сдержать улыбку. – Как бы то ни было, людям не мешает иметь возможность иногда и развлечься.

Офицер разворачивается и уходит, и Мермоз вздыхает с облегчением.

И уже идет в столовую, когда за его спиной звучат шаги – кто-то торопливо догоняет его.

– Стоять! Это приказ!

Тон – злобный, голос – хриплый. Мермоз закрывает глаза, проклиная свою горькую судьбу, потому что, даже не оборачиваясь, он уже знает, кого перед собой увидит: смуглое лицо, тоненькие усики, словно углем прорисованные, бешеные глаза.

– Пеллетье...

– Встать смирно перед офицером, идиот!

Мермоз косится на новенькие, с иголочки, нашивки лейтенанта и, сжав зубы, вытягивается перед ним.

– Так ведь и знал, что это ты! То, что ты там в небе накуролесил, вполне тянет на военный трибунал. Что ты себе вообразил – что ты имеешь право рисковать жизнью военнотружущих и сохранностью армейского имущества? Что ты, дубина стоеросовая, хотел нам показать?

Мермоз хранит молчание.

– Тебя арестовал командир эскадрильи?

– Никак нет.

– Ты хотел сказать: никак нет, господин лейтенант! Я подам рапорт о твоём безответственном поступке, а также о проявленном неуважении к вышестоящему.

Редко когда Мермоза охватывало такое жгучее желание кого-нибудь придушить, сделать из него комок бумаги и вышвырнуть в урну.

Он закусывает губу, чтобы не броситься на Пеллетье, который разворачивается и идет прочь, трясая головой в праведном гневе.

В столовой Мермоз заказывает себе три кружки пива и опустошает их в три глотка. Половиной летчиков эскадрильи его приглашение принято не было, очевидным образом вследствие обиды на то, как с ними обошелся этот черт знает что о себе возмнивший сержант, свалившийся на них как снег на голову. Остальные смотрят на него с некоторой опаской, за исключением ефрейтора Гийоме, который спокойно попивает пиво мелкими глоточками, словно чаек прихлебывает. Кое-кто из сослуживцев поздравляет мирно выглядящего ефрейтора с отличным полетом, но в ответ он только кивает, не придавая поздравлениям никакого значения.

– Гийоме, и как же тебе удалось не слезть с хвоста сержанта? – спрашивает у него летчик, искоса поглядывая на Мермоза и явно желая подчеркнуть славную победу товарища над этим слишком много о себе понимающим сержантом.

Мермоз знает, что будет вполне справедливым дать возможность местным летчикам, заявляющим о своих правах, отпраздновать победу. Гийоме на секунду прикрывает глаза, словно засыпая, а потом негромко произносит:

– Да это пустяки, ничего особенного. Самое трудное делал сержант. Это ему приходилось продумывать каждое движение, сочинять все на ходу, да еще и управляя самолетом. А мне всего лишь оставалось его копировать.

Мермоз, допивающий уже четвертую кружку, останавливается и с любопытством поднимает на него взгляд. Сначала тот преподавал ему урок пилотирования. Теперь преподносит ему урок скромности. Мелькает мысль, что этого человека он недооценил.

– Предлагаю тост за ефрейтора Гийоме! – Все с удовольствием тост поддерживают, и Гийоме чокается с ним своей кружкой, все еще почти полной, смущенно улыбаясь.

Мермоз уже успел забыть о том, какие на севере Франции бывают холода. Тьонвиль – это город с мощными стенами XV века, сдерживавшими в разные времена натиск то французов, то немцев, однако они не способны остановить дыхание полярных ветров. Сержант вышел в город погулять в компании с Гийоме и еще одним ефрейтором из эскадрильи по фамилии Гарне. На рыночной площади им попадает много военных, легко узнаваемых по серым шинелям. Мермоз прячет под шарфом свои нашивки сержанта, чтобы не вынуждать молоденьких солдатиков вытягиваться перед ним в струнку каждый раз, когда он попадется им навстречу. Есть и парочки-тройки юных девиц. Проходя мимо, они поглядывают на военных, а потом шуткаются и хихикают. Но вдруг прямо перед ними проходит военный об руку с кудрявой блондинкой.

– Внимание, лейтенант Пеллетье.

Все трое, проходя мимо, отдают ему честь, и лейтенант спесиво задирает нос, а его спутница, не столь юная, каковой ей хотелось бы показаться, но с выдающимися округлостями фигуры, которые она всячески подчеркивает пикантной походкой, судя по всему, забавляется этой пантомимой. Мермоз нагло окидывает взглядом ее пышную грудь, чего Пеллетье как бы не замечает, а она в ответ бросает кокетливый взгляд.

– Давайте-ка уберемся с этой площади куда подальше, а то тут слишком много индюков разгуливает.

Они сворачивают в одну из боковых, гораздо менее людных улиц и, увидев в окнах свет, подходят ближе. Это шумное питейное заведение, где вино подают в низких стаканах, а анисовку – рюмках-наперстках. Мермоз заказывает бутылку вина на троих, но сам он, с обычной своей жадностью потерпевшего кораблекрушение, успевает уже опрокинуть в себя три стакана, в то время как двое его приятелей едва пригубили первый. Сержант поворачивается к компании мужчин, облокотившихся на барную стойку, и в непринужденной манере обращается к ним с вопросом: где здесь, в Тьонвиле, можно познакомиться с девушками – благопристойными, но не слишком? В ответ ему могут посоветовать только местные бордели. Он отрицательно качает головой и поворачивается к сослуживцам.

– Платить за секс – это как зеленый салат кушать. Досыта не наешься.

Один из местных, по жилам которого течет уже гораздо больше анисовки, чем крови, считает необходимостью на этот комментарий обидеться.

– Кем это ты себя вообразил, чтоб трепать здесь языком о чести девушек Тьонвиля, фанфарон?

Мермоз откидывает назад волну светлых волос, слишком длинных для военного. Местный житель вызывающе глядит на него остекленевшими глазами, и так как Мермоз не отвечает, петушится еще больше:

– В чем дело, переросток? Тебе мыши язык откусили? Или ты сам себе его со страху проглотил? Пойдем выйдем, если не боишься.

И мужчина направляется к выходу. Гийоме и Гарне начинают подниматься со стульев, однако Мермоз кладет свои ручки на плечо каждого и усаживает их на место.

– Если нет классного перепихона, сойдет и добрая драка. Вернусь через минуту.

Он идет к выходу, а оба ефрейтора обмениваются взглядами. Не могут решить, что им делать: остаться в баре, как им было велено, либо пойти взглянуть, что там происходит. Но поскольку клиенты заведения уже дружно потянулись к выходу, при всем желании дойти до двери они не успевают. Мермоз уже возвращается с той же насмешливой улыбкой, с которой и уходил. Минуты оказалось более чем достаточно. На той стороне улицы явственно видны торчащие из мусорного бака ноги паренька, что взялся задира́ть сержанта, отчаянно дергающиеся в воздухе в попытках их владельца выбраться.

Подойдя к стойке, Мермоз обращается к хозяину:

– Включите в мой счет наше вино и то, что пил мой новый друг. – И кивком показывает на улицу.

До вечерней поверки в казарме есть еще время, и Гарне ведет всех на танцы, где громом грохочет музыка. У входа в зал входные билеты проверяет старик в ветхом смокинге. Маленький оркестрик-квартет играет что-то похожее на польку. На танцплощадке никого нет, но возле бара сгруппировались стайки девушек и молодых людей, половина из которых – военные.

Экспертный взгляд Мермоза тщательно изучает все заведение, пока не наткнется на нечто привлекающее его внимание. В дальнем углу сидит одинокая женщина, на вид постарше, чем большинство порхающих вокруг девиц. В темно-синем платье до колена с бахромой по подолу и завязанной узлом нитью жемчуга на груди, она пьет воду с мятой из высокого стакана. Есть в ее облике что-то, что кажется ему знакомым: светлые кудрявые волосы, высокие каблукы, вызывающе высокая грудь... Мермоз как-то загадочно улыбается. Гийоме знает, что, когда Мермоз громко хохочет, все отлично, он просто развлекается. Но когда он улыбается – это означает, что случиться может что угодно. Прослеживает направление его взгляда и обнаруживает блондинку, на которую сержант пялится столь откровенно, что она ощущает его взгляд и реагирует едва заметным движением, выдающим заинтересованность.

– Прошу меня простить, парни. У меня тут дельце образовалось в углу за баром.

Гийоме хватает его за рукав.

– Не ходи туда. Это же невеста Пеллетье.

– Вот дела, а я так сразу и не понял!

И вот на этот раз – да, теперь Мермоз хохочет, да так заразительно, что вслед за ним заходится в приступе смеха и Гарне, просто складываясь пополам.

– Ой, какую же рожу скорчит Пеллетье, если ты его телку подцепишь! У него же в сей момент усы отвалятся!

А вот Гийоме абсолютно серьезен.

– Пеллетье может быть где-то здесь.

– Да нет, я уверен, – говорит Гарне. – Он всегда заранее в часть возвращается, я видел, когда в карауле стоял. Он же у нас как часы. Ровно в семь – уже обратно, чтобы к супу не опоздать, он так на ужине экономит.

– Да это неважно, здесь он или нет. Здесь его сослуживцев полно. И стоит тебе подойти к его девушке, он об этом все равно узнает.

– Дак еще и лучше! Гарне, ты бы сколько дал, чтобы увидеть его физиономию, когда ему об этом рассказывать будут?

– Миллион франков!

На его глазах, пока Мермоз идет к девушке, она отшивает наглеца, который пытался завести с ней разговор. На дела такого рода нюх у него практически безошибочный: он знает, что она ждет его.

В Сесиль он находит женщину веселую и раскованную. Гийоме с нескрываемой тревогой провожает взглядом эту парочку, когда они выходят вдвоем, и за этим событием наблюдает не только он, а еще не одна пара любопытных глаз.

– Я уже сыта по горло, мне надоело быть с Назером, – говорит она ему по дороге.

– Назер? Для нас он – Пеллетье! Склочный и мерзкий службист, что выбился в лейтенанты! Его и именем-то нормальным назвать нельзя – смешно выходит!

– На танцы ходить он не любит. Он вообще такой жадный, что соглашается только по площади гулять да на скамеечке сидеть, чтоб денег не тратить.

– А вот мне танцевать очень нравится.

– Да ну?

– И под музыку, и без музыки.

И сказав это, обнимает ее за талию и притягивает к себе. Она, хохоча, вырывается.

Прогулки сменяются свиданиями. Она любит мятный ликер со льдом, чтобы много-много заиндевевшего льда было, и вскоре он тоже к нему пристрастился. Свидания ведут к горячей, растапливающей лед страсти. С тех пор как несколько месяцев назад умерла ее мать, она живет одна; отец же как ушел на войну в 14-м году, так и пропал. Живет на крошечную ренту и щедростью чужих людей. Пока он еще не понимает, каковы его чувства к Сесиль, но его сводит с ума то обстоятельство, что стыдливость ей неведома. Порой он звонит ей в дверь, и она выходит открыт обнаженной, с фужером в руке, слегка навеселе.

– Ты ж пьяна.

– Ну так и ты выпей.

– Ты голая.

– Ну так и ты разденься.

Однажды вечером, когда он направляется к воротам, чтобы уйти в увольнение, перед ним, откуда ни возмись, возникает лейтенант Пеллетье. Белки его глаз окрашены желтым. Цвет лица не смуглый, а серый. Пеллетье обо всем знает. Мермоз видит это по его глазам, горящим яростью. В них нет ни тени сарказма, как раньше, и чувства превосходства тоже нет. Он унижен, и это унижение горьким потом сочится из всех его пор.

– Я урою тебя, недоносок. Ты у меня пойдешь под трибунал, а потом до конца жизни просидишь в военной тюрьме.

Лейтенант уходит, оставляя за собой шлейф желчи. Мермоз уже некоторое время об этом раздумывал, но именно в тот момент принимает окончательное решение: в армии он не останется. Не может он выносить эту абсурдную иерархию, которая позволяет такому безумцу, как Пеллетье, измываться над парнями, единственный грех которых – их наивность.

У него уже давно записаны адреса пары предприятий гражданской авиации; завтра он по ним напишет, предложив свои услуги летчика. Ему всего лишь нужно вытерпеть несколько недель, оставшихся до конца воинской службы.

На следующей неделе за два дня он получает два взыскания в виде ареста: за грязные ботинки и за недостаточное усердие в приветствии вышестоящего. В выходной день Пеллетье возникает на пороге и, как только Мермоз идет к выходу, приказывает ему вернуться.

– Для усиления дежурства в мастерских требуется сержант.

– Что? Чей это приказ?

– Приказ мой! Два дня ареста за нарушение субординации!

Он делает глубокий вдох и сжимает кулаки – так сильно, что ногти вонзаются в мясо. Пеллетье хочет вывести его из себя, чтобы он потерял над собой контроль. Наброситься на офицера при исполнении им служебных обязанностей означает гарантировать себе почетную ложу в трибунале, который запросто может обеспечить тебе военную тюрьму на годы. У него руки чешутся, так хочется выбить гаду его гнилые зубы, но этого удовольствия он ему не подаст.

– Есть.

Разворачивается и идет в мастерские. В ангаре, где расположены мастерские, дежурный сержант уже есть, и он кроет Пеллетье последними словами. Никакой помощи ему не надо, так что Мермоз может делать что хочет, пусть хоть в столовку идет и там напьется.

– Пожалуй, так я и сделаю...

Но сначала идет в спортзал – дать выход злости. Наступит день, и Пеллетье окажется в зоне досягаемости его кулаков. И когда этот миг настанет, он его уничтожит. Никогда раньше не думал он о возможности лишить кого-то жизни собственными руками.

Пеллетье становится его неотступной тенью. На его голову дождем сыплются взыскания по самым немислимым поводам: не встал по стойке смирно при поднятии флага, публично высказался на политические темы. И Мермоз начинает задыхаться от гнева. И поскольку излить злобу на Пеллетье нет никакой возможности, стоит какому-нибудь солдатику косо взглянуть на него в столовой – и вместо того, чтобы использовать свое звание и приструнить, он скидывает гимнастерку с сержантскими нашивками и набрасывается на того с кулаками. Если ему говорят, что он должен бриться два раза в день, он упорствует и не делает этого. Чем больше его наказывают за то, что не стрижется, тем длиннее волосы он носит. А если налагают взыскание за пьянство, на следующий же день он идет в бар при столовой и опустошает там все полки.

Мермоз всем и каждому рассказывает о своем намерении не продлевать контракт и как можно скорей унести ноги из этой дыры. И это – ошибка. Если и были какие-то влиятельные люди наверху, кто мог бы встать на его сторону, то, узнав, как громко он кричит о своем намерении вернуться к гражданской жизни и о насмешках и издевательствах над армией, все от него отворачиваются. Среди офицеров нашлось некоторое количество тех, кто присоединяется к его административному бичеванию. Его личное дело все больше разбухает от фиксации его грехов и полученных взысканий. Теперь он вынужден вести себя осмотрительно: на него устремлено слишком много глаз, и любой серьезный проступок может подвести его под трибунал с непредсказуемыми последствиями.

Казарма превратилась для него в каторгу. Он уже не военнослужащий, он – заложник армии. Больше всего в этом перманентном наказании его уязвляет то, что, посадив под арест, его тем самым отстранили от эскадрильи, и теперь он не может летать. Однако проблему своего ареста он решает по-своему: когда хочет, перелезает через ограду воинской части и уходит в город. Роль прячущегося по углам беглеца добавляет его вылазкам в город и свиданиям с Сесиль еще больше перца.

С самой первой секунды отношения их базировались на его стремлении отомстить, и он даже не вполне понимает, действительно ли ему нравится эта женщина. Бывает, что Сесиль раздвигает перед ним ноги, а перед ним встает перекошенное от ярости лицо Пеллетье, и он кончает с большим наслаждением. Бывает и другое: он уже принял на грудь несколько рюмашек, а она просит в очередной раз описать гневную физиономию Пеллетье, узнавшего о наставленных ему рогах, и громко хохочет. Есть в этой связи нечто порочное: сильнее, чем любовь, их объединяет ненависть.

Однажды вечером он приходит к Сесиль в обычное время, но дверь на его звонок она не открывает. При прошлой их встрече она дала ему запасной ключ, так что он сам открывает дверь и заходит. Она лежит на постели, уткнувшись лицом в подушку.

– Не смотри на меня...

Один глаз у нее заплыл, скула распухла, а губа разбита.

– Он сказал, что над ним никто и никогда не смеялся. Называл меня такими ужасными словами...

Внутри у Мермоза что-то взрывается. Затворки не выдерживают, ярость захлестывает. Со всех ног он мчится обратно в часть. Врывается туда прямо через главные ворота – потерявшим тормоза трамваем, обезумев настолько, что ему до лампочки, напишет ли капрал или младший офицер из караула рапорт о том, что арестованный безнаказанно выходит и входит в расположение части. Ему без разницы. Ему уже все на свете без разницы. Единственное, чего он хочет, так это стиснуть шею Пеллетье и задушить его собственными руками.

Увидев, что входящий – сержант, караульный солдат ему козыряет. Мермоз спрашивает, где в данный момент может находиться лейтенант Пеллетье, и солдат докладывает, что тот сейчас на плацу. Дежурный ефрейтор выглядывает из окна караульного помещения. И видит, как сержант на секунду останавливается, поднимает с земли ржавый железный прут и снова устремляется вперед. Взгляд его горит огнем, но глаза словно затянуты пеленой.

Дежурный ефрейтор устремляется в помещение, где отдыхают солдаты, ожидая своей очереди заступить на дежурство, и выбирает троих.

– Каждый взял по веревке и – за мной! Слушать меня, делать, что я скажу, вопросов не задавать. Быстро!

Мермоз решительным шагом идет на плац, зажав железный прут в руке, но вот нападения сзади он не ждет.

На него набрасывают веревки, словно на дикого зверя. Застав врасплох, оттаскивают на несколько шагов назад.

– К флагштоку!

Солдаты наваливаются на него со всех сторон. Мермоз успевает заехать одному из них кулаком и свалить на землю. Оставшиеся быстро обматывают его веревками, прикручивая к металлическому столбу. Он старается освободиться, но вдруг останавливается, осознав, что ефрейтор, что крутит ему руки, это не кто иной, как Анри Гийоме.

– Черт возьми, Гийоме, какого хрена?

Как раз нужный момент, чтобы Гийоме успел еще раз обвить вокруг его рук веревку, а оставшиеся на ногах два солдата – привязать к металлическому флагштоку без флага.

Мермоз понимает, что связан, и яростно пытается освободиться.

– Развяжите меня, сучьи дети! Да я каждому башку разобью! Клянусь! А тебе, Гийоме, кишки выпущу и по земле размажу!

Гийоме пытается к нему подойти, но Мермоз лягается. Тогда тот заходит сзади и накидывает на рот платок, а потом завязывает, чтобы сержант больше не орал. Но он все равно ревет и пытается порвать путы, с невероятной силой дергаясь то в одну, то в другую сторону, так что им приходится пустить поперек его груди еще одну веревку, уворачиваясь при этом от его ног.

В центре расположения части, в полукилометре от флагштока, на учебном плацу можно разглядеть тщедушную фигурку Пеллетье, перемещающуюся вокруг призывников. Мермоз видит, как тот размахивает руками, и рвется на свободу с еще большей силой. Хочет кричать, закусывает платок. Приглушенными, задыхающимися словами, наполовину застрявшими в ткани, он выкрикивает оскорбления в адрес Пеллетье и клянется его убить. Мермоз прилагает титанические усилия, пытаясь вырваться, крутясь туда и сюда, словно пойманный в сети хищник.

Три солдата со смесью ужаса и восхищения наблюдают за этим колоссом, отчаянно пытающимся то ли порвать путы, то ли вырвать из земли мощный стальной флагшток. И у них вовсе нет уверенности, что ему это не удастся.

Гийоме приказывает им вернуться в караулку, и они уходят, то и дело оглядываясь, словно привороженные этой поистине мифологической фигурой. Мермоз напрягает мускулы, и веревки глубоко врезаются в тело.

– Развяжи меня! – властно велит он сквозь ткань платка, бешено вращая глазами.

Гийоме отрицательно качает головой.

Сержант рычит и снова рвется из пут мощными рывками, цель которых – порвать веревки. Результат – содранная кожа на шее, откуда начинает сочиться кровь. Гийоме смотрит на него с тревогой, замешанной на нежности.

– Если ты за Пеллетье...

– Убью его! Прикончу! – цедит он сквозь зубы. И резкими рывками снова пытается освободиться.

– Ясное дело, ты его прикончишь, но тогда победит он. Тебя до конца жизни закроют.

– Ну и что? Это будет моя победа.

– Да нет же! Партия останется за ним. Ты что, не понимаешь? Даже если ты раскроишь ему череп этой железякой, чтобы его мозги потекли на землю, он будет смеяться тебе в лицо. Ведь тогда он добьется как раз того, к чему всегда стремился: чтоб ты гнил в каталажке, чтоб ты не летал. И значит, он получит все, чего хотел.

На мгновенье воцаряется тишина, и Мермоз наконец затихает и перестает биться в путях.

– Не доставляй ему этого удовольствия. Оно того не стоит. Пройдет месяц, и ты выйдешь за ворота и там, за ними, станешь классным гражданским летчиком, а он навсегда останется в этой чертовой казарме, где и подохнет. И если ты на самом деле хочешь уречь Пеллетье, сделай это своим презрением, не обращая на него внимания.

Мермоз затих, замер у флагштока, выбившись из сил. Его рука наконец расслабляется, пальцы медленно разжимаются, и железный прут, звеня, падает вниз.

Гийоме вынимает положенное караульному мачете и перерезает веревки. Мермоз в разодранной, забрызганной кровью гимнастерке, с перекошенным лицом в изнеможении сползает по флагштоку, пока не садится на землю.

Ефрейтор поднимает железный прут и направляется к воротам.

– Гийоме!

Гийоме оборачивается, они смотрят друг другу в глаза. Слова им не нужны.

Мермоза окончательно отстраняют от полетов и переводят в малозаметное подразделение при ремонтных мастерских. Теперь под его началом полдюжины проблемных солдат, пропштрафившихся или попросту ни к чему не годных, чья работа – очищать от масла разные оставшиеся без дела детали. Солдатики недоверчиво смотрят на своего нового начальника, прибывшего в сопровождении шефа ремонтных мастерских. «Сержант-пируэтчик», как его называют за глаза, с издевкой. Это никчемные ребята, низшая каста наземного персонала, люди без чести – военной или какой-либо иной, и летчики в их глазах – эдакие цацы, что слишком много о себе воображают.

– Каждый день вы обязаны начищать ящик подшипников.

Офицер показывает на ящик с измазанными в грязном масле металлическими шариками, который ассистенты капитана, два нарядных ефрейтора, оба, без всякого сомнения, отпрыски хороших фамилий, водружают на длинный рабочий стол.

– Держите этих голубчиков в ежовых рукавицах. – И презрительно косится на солдат в испещренных пятнами замасленных комбинезонах, с чумазыми, плохо выбритыми лицами, с растрепанными волосами, по виду – мелких жуликов.

Когда капитан с его свитой уходит, Мермоз заглядывает в ящик с тремя десятками металлических изделий.

– И это все, что нужно за сегодня сделать?

– Сержант, работы тут выше крыши, – лениво произносит один из солдат.

Ему вторит другой, и тон его комментария намеренно снисходительный:

– Вы ведь понятия не имеете, что это за детали. Вы, летчики, ничего в этом дерьме не понимаете, вы же рыцари на белых конях.

И слышатся смешки. Через секунду они стихают. Ровно через то время, которое Мермоз тратит, чтобы грохнуть по столу кулаком, да с такой силой, что ящик подскакивает и шарики картечью бьют по людям.

– Да я накомыливал по шее куда большему числу недоумков, напивался вдрызг чаще и выгреб куда больше дерьма, чем все вы, вместе взятые!

И стреляет в них взглядом, и все вдруг вытягиваются в струнку, неподвижные и молчаливые.

– Когда вернутся адъютанты капитана, этот ящик должен сверкать, как будто там бриллианты. – И смотрит на них так мрачно, что никто и пикнуть не смеет. – Давайте проясним ситуацию. Нас – и вас, и меня – засунули в эту задницу. И мы будем делать то, что должны делать, – и вы, и я, – но будем это делать по-моему.

И смотрит на унылые лица солдат, на которых читается, как же им обрыдло возиться с грязью, на лица, огрубевшие от отсутствия желаний и от наказаний.

– Несмотря на всю ту лапшу, что вы вешаете на уши капитану, а он ее глотает, мне-то прекрасно известно, что с таким количеством материала за день справятся четверо-пятеро, причем не торопясь. Вас здесь шесть человек, так что один из вас может спокойно отдыхать, почесывая яйца хоть целый день. Но этот отдых ему придется заслужить.

– Как?

– Погодите секунду, сейчас скажу.

Он идет к своему шкафчику и возвращается с колодой карт и фляжкой коньяку.

– Каждое утро мы по полчаса будем играть в покер, на гайки. Если кого-то застукаю на жульничестве – ноги переломаю. Тот, кто за полчаса наберет больше всего гаек, будет освобожден от работы на весь день да еще в придачу и коньячок получит.

У солдат от изумления распахиваются глаза.

– Да здравствует сержант! – раздается вопль одного из солдат.

В этот первый день выиграл некто Бискарросс, наполовину цыган. Остальные взялись за работу.

Когда вечером явился капитан со своими двумя манекенами, вроде как помощниками, все детали сверкали как новенькие. Но изумление его только возрастает, когда следующим утром он замечает, как шестеро солдат Мермоза первыми покидают столовую после завтрака и так споро шагают в свою мастерскую, что чуть ли не вприпрыжку бегут. Капитан так и остается в глубоком изумлении, увидев их внезапное искреннее стремление вовремя явиться к месту прохождения службы в первый раз за все время прохождения этой самой службы. Все шестеро выстраиваются в идеально ровную шеренгу и уважительно приветствуют своего сержанта, как только он подходит. Капитан глядит на это зрелище с открытым ртом.

Но даже после того, как он укрывается в редуте чистильщика подшипников, в покое его не оставляют. Пеллетье удается навесить-таки на него несколько арестов по таким поводам, как недостаток военной удачи при приветствии старшего по званию или неопрятный внешний вид. Глядеть на Пеллетье и не иметь возможности врезать со всей дури по его жалкой роже кулаком – сильнейшее испытание для нервной системы, но он твердо знает, что следует делать. Терпеть, сдерживать гнев, сопротивляться, позволить листкам календаря падать один за другим.

Дни проходят, партии в покер разыгрываются. И в один прекрасный день – уже все позади.

Утром он надевает на себя белую гражданскую рубашку и костюм, что едва на нем сходится – такие у него теперь широкие плечи. В каптерке он сдает портупею, сапоги, форму, комбинезон в пятнах, сержантские нашивки... Капрал взамен протягивает ему расписку в получении. В узелке одежды остаются четыре года его жизни.

Он направляется к воротам. Ротные казармы, актовый зал, склад провианта, технические склады... все это уже чужое. А когда он подходит к бело-красному шлагбауму у входа, в поле его зрения попадает тощая фигура, тоненькие усики, хищные глазки. Пеллетье останавливается в нескольких метрах от него, и Мермоз расплывается в улыбке. И эта улыбка перерастает в тот самый фирменный громоподобный смех, когда он ощущает себя властелином мира. Он смеется и не может остановиться.

Пеллетье сжимает зубы, опускает голову и, посрамленный, идет прочь. С гражданским, смеющимся ему в лицо, сделать он ничего не может.

Мермоз приближается к воротам. Сзади слышится чей-то голос, и он оборачивается.

– Сержант-пируэтчик!

К нему идет Бискаросс, а также остальные парни из мастерских, все в грязных комбинезонах и с плутовскими лицами.

– Ребята, включайте голову. Сидите тихо, не высовывайтесь, и скоро будете уже дома.

– Сержант...

– Я вам не сержант! Теперь я Жан.

– Жан, мы только хотели вам сказать, что... мы считаем, что вы – один из нас!

И он благодарит, хотя и не знает, что это – комплимент или предостережение.

Не теряя ни секунды, проходит пост – за порогом его ждет жизнь. Пару раз оборачивается на ходу, убеждаясь, что с каждым шагом ворота части делаются все меньше.

Приходит в город, жмет на кнопку звонка у двери Сесиль. Она открывает дверь, на ней сандалии и ожерелье из кораллов, больше ничего.

– Я в Париж еду.

– И я с тобой.

Вытаскивает из-под кровати чемодан. Подходит к комоду, выдвигает верхний ящик и начинает швырять в чемодан чулки и панталоны.

– Сдается мне, что тебе все ж таки имеет смысл что-нибудь накинуть на себя перед дорогой.

Глава 17. Крёз (глубинка Франции), 1925 год

Тони ведет служебный автомобиль, скромный «Сигма-Зедадь», по извилистому шоссе, на которое недавно стал падать снег. Снег обладает свойством вызывать призраки, так что ему то и дело видится Лулу: она идет по сверкающей белизне снежного поля. И ему приходит на память одна фраза, оброненная как-то странником по имени Торо: свет, что нас ослепляет, – наша тьма.

Несколько месяцев назад, найдя новую работу и покинув тот чулан в Тюильри-де-Бурлон, он ощущал несказанное облегчение. Работа торговым представителем машиностроительной фирмы «Заурер» позволяет колесить по разным департаментам Франции, иметь в своем распоряжении служебное авто, гарантированную зарплату в двенадцать тысяч франков годовых и комиссионные с продаж до двадцати пяти тысяч.

Ему бы хотелось работать летчиком, но еще слишком мало линий авиасообщения, настолько стабильных, чтобы обеспечить работой всех желающих, – им достаточно очень небольшого числа пилотов. По крайней мере, новая работа стала его спасением, не позволив ему задохнуться в четырех стенах конторы.

Только что он побывал на транспортном предприятии под Лиможем. Приняли его любезно, но особого интереса не проявили, едва выслушав заранее заготовленную речь о достоинствах грузовых автомобилей «Заурер». Их грузовики хороши, спору нет, но явно не из дешевых. Он пытался объяснить, в чем их преимущества, но никто не хочет знать о преимуществах товара, всех интересует только его цена.

Добравшись до Гере, места расположения его штаб-квартиры в те недели, когда он колесит по департаменту Крёз, он заходит в номер гостиницы «Гранд-Отель-Централь», бросает шляпу на стул и, уставший, валится на постель. Несмотря на громкое название «Гранд-Отель», это не более чем маленький захудалый отель, ничем не отличающийся от других дешевых гостиниц, в которых ему приходится останавливаться в разъездах по центру страны. Глядит в окно – и площадь Бонньо кажется ему малюсенькой.

Деревья – метлы...

На рецепции сказали, что писем для него нет, он огорчен. Письма либо вытаскивают его из омута меланхолии, либо окунают в него с головой, что тоже некая встряска. Порой ему пишет Шарль Саллес, но чаще всего – мама и Рене, сестра его друга Бертрана де Соссина. Она пишет ему сердечные письма подруги, искренне интересующейся его жизнью, а он называет ее Ринетт и очень с ней вежлив. Нежно просит писать ему как можно чаще. Рене он не любит, зато любит любовь. В промозглом провинциальном одиночестве письма – уютные теплые одеяла, в них можно согреться.

Лулу – болезненное воспоминание, он старается не думать о ней, но это как требовать от рыбы, чтобы та не вспоминала о море. За последние месяцы он познакомился с другими девушками, с некоторыми – на тех танцульках в кантоне Монлюсон или Домпьер-сюр-Бебр, что устраивают в деревенских питейных заведениях, разукрашенных бумажными флажками, где подают приторную смородиновку, где знать не знают ни о джазе, ни о барменах, ни о коктейлях и где мамыши, устроившись на выставленных в ряд у дальней стены стульях, внимательно следят за тем, чтобы местные ухажеры не слишком прижимали к себе их дочек, кружа их в вальсе. Он вздыхает. И видит себя неуклюже, без вдохновения флиртующим с какой-нибудь пресной девицей, преследуя лишь одну цель – развеять воскресное одиночество.

Чем меньше его гостиничный номер, тем больше отчаяние. По ночам, когда свет потушен, а глаза закрыты, он подсчитывает деньги, которые ему нужны, чтобы купить самолет. Сначала складывает и умножает, беря в расчет огромные комиссионные, которые он зарабатывает на продаже дюжин грузовиков, и уже видит себя владельцем небольшой воздушной фло-

тилии. Потом немного корректирует числа. Наконец, соотносит их с реальностью и понимает, что это невозможно.

Как только управляющий любой компании видит перед собой этого великана, одетого в элегантный, но сильно поношенный костюм, и слышит его неуверенную речь с извинениями за излишнюю настойчивость, то уже с порога знает, что грузовик у него не купит, да не купил бы и пачку сигарет.

– Если б вы сочли это удобным, я мог бы подробно ознакомить вас с техническими характеристиками и всеми достоинствами наших грузовых автомобилей «Заурер»...

И произнося эти слова, Тони надевает самую свою лучшую улыбку, но не может скрыть капли пота, скользящие по шее.

– Прошу извинить, сейчас мы очень заняты.

– Что ж, тогда в другой раз.

Ведя машину, он старается отточить свою речь, которую почти никогда не удастся прозвучать целиком в этих огромных холодных ангарах транспортных компаний. Иногда он размышляет о летчике из того рассказа, который он начал писать в доме тети Ивонны. Тот парень решительный. Раз уж он сам не может быть таким, пусть по крайней мере таким будет его персонаж. Он раздумывает над развитием сюжета, но мысли в его голове сами собой сбиваются на философские проблемы и ключевые вопросы жизни. Кто мы? Откуда взялись? Как продать грузовик?

Головой он пишет лучше, чем рукой. Записки на листах с фирменным вензелем гостиниц – винегрет из разрозненных фраз. Когда он добирается до конца этих бесплодных дней, измотанный километрами пути и отказами, измученный одиночеством, его дремлющая рука просто застывает на бумаге. Последнее, о чем он думает каждый день, засыпая, это Лулу. Воспоминания – всего лишь лихорадка.

Тони въезжает в Аржентон-сюр-Крёз, пересекает тихий каменный мост над рекой, куда глядятся окна домов, и ему попадает лавка, пропахшая завозным американским табаком. Продавщица – худенькая девушка, светлые волосы собраны в хвост, на носу очки, как у студентки. Ее негромкая красота трогает сердце, и из лавки он выходит с пачкой сигарет. А прогулявшись по погруженному в молчание городку, в котором, кажется, никогда ничего не происходит, возвращается в лавку купить коробок спичек. Девушка поднимается с табурета, на котором листала журнал с выкройками, и дарит ему улыбку.

За два дня, проведенные в этом городке, он столько раз навещает табачную лавку, что тумбочка возле его постели окажется полностью погребенной под коробками спичек. Когда он возвращается туда в последний раз и просит еще один коробок, девушка смотрит на него с подозрением; должно быть, она решила, что перед ней пироман.

Он покидает этот город и оставляет за своей спиной очаровательную продавщицу, торгующую табаком и спичками в крохотной лавке. Все в его жизни – спичка: на мгновение вспыхнет – и погаснет. Оставив только струйку черного дыма.

Глава 18. Париж, 1924 год

Париж – город уличной жизни, которая не стихает никогда, город бесчисленных кафе, город мужчин в мягких фетровых шляпах с часами на золотой цепочке, город женщин с длинными бусами и короткими волосами, затягивающихся сигареткой через километровый мундштук, город чистильщиков обуви, до блеска надраивающих вам ботинки и заодно дающих совет, как лучше вложиться в облигации, город гриль-ресторанов с витринами, битком набитыми устрицами на ледяной подложке, роняющей капли на тротуар.

Едва ступив на тротуар столицы, Мермоз первым делом идет в магазин, где покупает черную шляпу с широкими полями и кашне.

– Что за прикид такой? – с улыбкой удивляется Сесиль. – Так ты похож на поэта, который входит в моду!

– Худшее, что может случиться с тобой в Париже, – оказаться заурядным.

Пристроившись к comodу на единственном в комнате стуле, он кидает взгляд на свою шляпу, повешенную на крючок, прибитый к стене, и принимается дописывать со всей тщательностью, на какую только способен, письмо с предложением своих услуг пилота. Очередное. На этот раз оно адресовано некой французско-румынской компании. Он должен сконцентрироваться на листе бумаги, ведь уличный свет неяркий и так отфильтрован тусклыми оконными стеклами, что и занавесок не требуется. Их отсутствия он поначалу и не заметил, обратив на это внимание только на третий день.

Задал вопрос о занавесках на рецепции, но клерк только расхохотался ему в лицо.

– Занавески?

Первый импульс – схватить того за шкуру и заткнуть смех в его глотку как можно глубже, но этот несчастный клерк с крупными, как клавиши фортепьяно, зубами смеялся так искренне, словно услышал лучший в своей жизни анекдот, что Мермоз его не тронул. И то ведь верно: занавески на окнах ни к селу ни к городу в таких местах, как гостиница «Реомюр», где никто не задерживается надолго, а стыд никому не ведом. Через картонные стены слышны ссоры и примирения и тяжелое дыхание самой разной природы – от любви до презрения.

В его номере много дней подряд шума практически нет. В постели, которую он делит с Сесиль, простыни давно остыли.

Сесиль с грохотом, возвещая о своем возвращении, закрывает дверь, как будто можно войти незамеченной в комнату площадью восемь квадратных метров. Из общей ванной комнаты в коридоре она возвращается с красной помадой на губах и румянами на скулах. Копаются в своих вещах, как будто бы есть в чем копаться. Берет шаль и маленький кошелек, в котором явный избыток свободного места.

– Дай мне немного денег, Жан.

– Денег? У меня нет ни сентима. Мы уже за неделю задолжали за жилье, ты что, не знаешь?

– Вот дерьмо! Ну а ты – разве не говорил, что наймешься летчиком за большие деньги? Если б я только знала, осталась бы в Тьонвиле!

Мермоз пожимает плечами.

– Можешь вернуться туда в любой момент. Тьонвиль стоит ровно там, где стоял.

– Иду где-нибудь поужинать.

– Без денег?

– Найду кого-нибудь, кто заплатит.

Она произносит это так же просто, как могла бы сказать врачу, что у нее кашель. Подцепить мужчину ей нетрудно. Она вновь толкает дверь и уходит. Не говорит, куда идет, да ему и не интересно.

Закончив письмо, Мермоз аккуратно складывает лист бумаги. Завтра утром он отправится искать работу – что-нибудь временное, пока не придет ответ из той или иной авиакомпании. Ложится на кровать, чувствуя внутри холод.

Утром он находит контору, где есть работа – писать адреса на почтовых отправлениях. Работать нужно в подвале, за тысячу надписанных конвертов – пятнадцать франков. Полтора десятка таких, как он, париев, склонившись над столом, молча пишут. Здесь не теряется ни минута, каждое слово – минус адрес на конверте, минус несколько сантимов.

Проведя весь день в подвале, выходит уже в темноте, усталый, но с несколькими франками в кармане. Но когда приходит в гостиницу с хлебом и сыром на ужин, Сесиль там нет. Он съедает половину, оставив ей ее порцию. Проходит час, проходит другой. Около одиннадцати его единственная компания в убогом гостиничном номере – все то же блюдо с ломтиками сыра и куском хлеба. Он решает их доест и выйти погулять, проверить, чем удивит его эта ночь.

Возвращается он уже после четырех, Сесиль в номере, она его ждет. Тушь на ее глазах размазана, одежда помята. Из рта пахнет мятным ликером.

Она подсказывает к нему, задыхаясь от злости.

– Где это ты шатался? С кем был? Отвечай!

Но Мермоз не только не отвечает, но и отходит на пару шагов назад с явным неудовольствием на лице.

– Боишься меня? – И она театральным жестом поднимает руку, словно грозит ударить.

Он мог бы сказать ей правду, но это слишком жестоко. Конечно, он ее не боится, и даже не то чтобы его до крайности доводили эти сцены, где она выступает в роли оскорбленной верной жены. Отступить его заставляет алкогольный перегар после мятного ликера, от которого тошнит. Его он не выносит. И не выносит в ней уже все. Он собирает свои вещи и кидает их в армейский вещмешок, с которым приехал из Тьонвиля.

Она кричит ему:

– Убирайся! Ты мне не нужен!

И чем громче она кричит, тем больше обволакивает его этот мятный и сладкий запах ее дыхания, усиливая желание убраться оттуда как можно скорее, хотя идти ему решительно некуда. В Париже он собирался начать новую жизнь, но пока единственное достижение – увяз в болоте.

Он будит парня за стойкой рецепции, чья голова лежит на той же стойке рядом с тарелкой, усыпанной засохшими крошками.

– Карильон...

– Э...

– Карильон, я ухожу из гостиницы. Сесиль остается.

– А-а-а...

Мермоз неприязненно смотрит на тощего, как скелет, парня с длинными зубами бобра.

– Слушай меня. Если на мое имя придет письмо, сохрани его. Я за ним приду. Жду важных писем. – Потом подходит к стойке и слегка щиплет щеку парня, глядя тому в глаза с нежностью, за которой проглядывает серьезность его намерений. – Не подведи меня.

Уже слишком поздно отправляться на поиски другого пристанища, да и не стоит платить за целую ночь, от которой осталось так мало. Он устраивается на скамейке и подбирает ноги к животу, защищаясь от промозглой предрассветной сырости. И засыпает, как нищий, клянясь себе, что однажды будет глядеть на это все свысока.

Глава 19. Монлюсон (Франция), 1924 год

Париж имеет вкус холодного шампанского, а вот маленькие городки, куда добираться по второстепенным дорогам, – вкус теплого вина. Там вечно или слишком жарко, или слишком холодно. Тони неизменно одинок в этих гостиницах для коммивояжеров, где на ужин подают овощной суп в треснувших фаянсовых тарелках.

Он уже почти год работает на автозавод, но продал лишь один грузовик. Когда он прошлый раз навещался в головной офис, его шефы проявили понимание: времена тяжелые, страна еще не оправилась после войны. Всем это известно, все проявляют сочувствие, никто его не винит. Но продавать машины он должен – иначе пропадет его рабочее место.

После ужина он предпочитает завершать свой день в любом открытом кафе, чтобы по крайней мере побыть среди людей. Там он достает свои листочки и больше черкает в них, чем пишет нового. Рассказ о летчике по имени Бернис продвигается крайне медленно. Дела у него как у Пенелопы в ожидании Улисса: сотканное за день распускается ночью. То, что написано за день, на следующий день вычеркивается. Он перечитывает написанное, но результат ему не нравится – не похоже на настоящее. Как же можно писать о летчике, будучи торговым представителем производителя грузовых машин?

Он предпочитает писать письма, особенно адресованные Рене де Соссин, всего лишь подруге, но захоти она – станет чем-то большим. Его послания – и не письма даже, а записки потерпевшего кораблекрушение.

Два дня спустя, когда он возвращается в Монлюсон, из корреспонденции его ждет только телеграмма от финансового директора компании «Заурер». Директор спрашивает, какие у него ожидания относительно продаж. Тони ложится на постель, взгляд упирается в потолок.

Он пересчитывает трещины. Будь он сейчас в небе, на самолете, взгляд его не упирался бы ни во что, потолка бы не было.

Провинциальные дороги внутренней Франции не привели его никуда. Он решает написать в компанию заявление об увольнении и вернуться в Париж, даже если весь его план – исчерпанный вдоль и поперек черновик.

Глава 20. Париж, 1924 год

Мермоз перебивается временной работой: то охранника в гараже, то складского работника, но нигде не задерживается. На фабрике по производству кормов высоко оценили его широкие плечи и физическую силу, то и другое – весьма кстати для переноски мешков, однако, как только ему предложили постоянное место, он сделал ноги. Не может он поддасться соблазну пустить где-то корни, тем самым согласившись на бесцветную жизнь, ведь единственное, что дает ему силы продолжать поиски, это как раз неустойчивость его положения.

Все эти месяцы дважды в неделю он навещает гостиницу «Реомюр». Каждый раз, увидев его на пороге, костлявый Карильон отрицательно мотает головой. Единственная новость в том, что Сесиль тайно покинула отель, задолжав за две недели, и больше ее не видели.

Приходят два письма: одно из франко-румынской компании, а другое от «Самолетов Генриота». В настоящий момент у них нет вакансий, но с обычной бюрократической любезностью они благодарят его за проявленный к компании интерес.

Однажды вечером он бродит возле аэродрома Ле-Бурже и решает заглянуть в авиакомпанию, занимающуюся грузоперевозками. Хочет показать свои документы: военный билет и справку о налетанных шестистах часах, но, едва завидев его, работники хмурятся.

Он, похоже, не отдает себе отчет о том, как он выглядит: сильно похудевший, потому что частенько денег ему хватает всего лишь на рогалик и кофе с молоком, волосы отросли и спутались, а пальто, которым он, ночуя на улице, накрывается вместо одеяла, измято и стоит колом.

– Мне бы управляющего.

– Нет его.

– А когда вернется?

– Никогда.

Он знает, что должен работать: нужна новая одежда, нужно платить за комнату. Но порой наваливается усталость, и он, оказавшись в таверне, ощущает жажду, противостоять которой не в силах. Иногда достает и показывает посетителям заведения свои военные документы и рассказывает об обещанных в Пальмире наградах, и кто-нибудь ставит ему рюмку водки.

И вот, выходя как-то вечером из замызганной распивочной, он встречает своего старого товарища по службе в Сирии.

– Макс Делти!

Мермоз хлопает его по плечу, и тот пошатывается, как пустой платяной шкаф. Уже не тот здоровяк, с которым они познакомились в Дамаске, от него остались кожа да кости.

Делти зовет его к себе домой, в крошечную однокомнатную квартирку. И там рассказывает о своем заболевании, по случаю которого ему назначена скудная пенсия, только чтобы ноги не протянуть. Говорят о том о сем, но Макс вдруг замирает и хватается за подбородок. Боль вернулась.

– Пожалуйста, дай бутылочку, там, на столе.

Мермоз берет в руки пузырек, откупоривает его, и в нос ему шибает резкий медикаментозный запах.

Макс какает несколько капель эфира в стакан с водой и проглатывает жидкость. Спустя несколько минут он уже спокоен, но вот язык заплетается, будто бы он внезапно опьянел. С трудом поднимается и делает три шага до кровати, волоча ноги, а потом падает.

Эфир не имеет цвета, зато отливает тусклым блеском. Как проделал у него на глазах приятель, Мермоз растворяет чуточку эфира в воде. Даже в такой концентрации он горький, жгучий и липнет к языку. Изнутри обдаёт жаром, сердце начинает биться быстрее, а дыхание

замедляется. Потом замедляется все, и в голове начинают мелькать беспорядочные образы. Словно видит сны, но не спит.

Из дома друга он выходит, разговаривая сам с собой, охваченный неким бредом, который перенес его обратно в Сирию, где он беседует с коллегами-летчиками. Ничто не является твердым. Мозг его как влажная губка. Он энергично жестикулирует и внезапно хохочет, сам не зная почему. Люди, завидев его, переходят на другую сторону улицы. Потом внезапно наваливается вязкий сон, и веки, словно каменные, опускаются. Он падает на подвернувшуюся в парке скамью и под дождем засыпает.

С течением времени к морщинам на его пальто добавляются следы от птичьего дерьма, которое он, как умеет, отмывает возле фонтана. Находит работу на несколько часов в день в одной компании по уборке, и она посылает его на всяческие зловонные фабрики и мастерские вручную выгребать нечистоты.

Несколько раз в неделю он заглядывает в «Реомюр». Голова Карильона с приоткрытым ртом и торчащими оттуда длинными зубами качается из стороны в сторону: нет. Ничего нет.

Наведывается он и к Максу Делти: на молчаливых встречах они делят между собой одиночество и эфир. Во рту теперь постоянный привкус хлороформа. Он понимает, что с каждым днем погружается в сомнамбулическую невесомость, пока ничего не зная о глубине этой пропасти.

Узнает несколько недель спустя, когда утром будет помешивать в чашке кофе с молоком из горячего котла, над которым поднимается пар, наполняя собой помещение социальной столовой при церкви Святого Августина. Благотворительность пахнет кипяченым молоком.

Отвечающая за завтрак женщина проходит мимо, разнося хлеб, который крошится в чашки, и на мгновение останавливается возле его стола.

- Добрый день, Жан. Что, на этой неделе опять без новостей?
- Чуть больше, чем ничего, мадам Лагардер.
- Не отчаивайтесь.
- Да я и не отчаиваюсь.

Директор этого благотворительного предприятия, месье Аньель, уже беседовал с ним. Они заметили, что он молодой человек воспитанный, презентабельный, так что они готовы взять его на работу для реализации транспортных перевозок, доставлять грузы в их филиалы. Мермоз знает, что отказаться не может, но и ответить согласием не способен. Месье Аньель взирал на него с блаженным высокомерием, характерным для благотворителей: он ждал со стороны облагодетельствованного благодарности и безоговорочного и безусловного согласия на столь щедро предложенное ему рабочее место. Но у него есть интуиция, может, даже навязчивая мания, обостренная воздействием на мозг эфира, и она предупреждает, что если он согласится на эту работу, то заработка на скромную жизнь ему будет хватать и он смирится с этой подвернувшейся ему долей и прекратит искать свою судьбу.

Вот об этом он и размышляет, шагая в направлении гостиницы «Реомюр». Уже, наверное, пришел момент принять решение, как распорядиться своей жизнью. Заглядывает в узкий вестибюль. Карильон распластался на стуле, ноги задраны на стойку, выставив на всеобщее обозрение тощие щиколотки над расплзающимися носками. Поскольку парень не просыпается, Мермоз оглушительно свистит, и тот чуть не скатывается со стула.

Карильон злобно глядит на него.

– Да чтоб тебя черт подрал! Мне блондиночка снилась с парой огромных сисек, она будто приглашала меня к себе в комнату! И вот как раз когда я переступаю порог, тут ты меня и будишь!

– Мне очень жаль, приятель. Не везет нам с тобой с нашими снами.

Парень грустно кивает, словно только что упустил любовь всей своей жизни.

– Не переживай, Карильон, ее ты еще встретишь. Она ведь у тебя в голове живет, а там некуда особо прятаться. Спи дальше, я уже ухожу.

– Вот именно! Проваливай!

Карильон снова кладет ноги на стойку.

– Погоди-ка!

– В чем дело? У блондинки есть подруга?

– Нет, чертово письмо на твое имя.

И протягивает ему конверт, отправитель на котором обозначен как «Авиалинии Латекоэра». Он нетерпеливо рвет конверт. Содержимое – приглашение явиться через неделю на аэродром в Монтодране для пробного полета.

Он набирает в легкие воздуха и расправляет грудь, как парус. Нужны деньги на поезд, на парикмахерскую, а еще пальто в чистку отдать. Задыхаясь, он прибегает в компанию по уборке и просит начальника отдать ему все заказы, которые есть, все вонючие места, куда никто не хочет идти, самые глухие углы. В банях при Лионском вокзале публика в те дни с удивлением взирала на уборщика, что погружает руку в унитазы, насвистывая тарантеллу.

Глава 21. Аэродром в Монтодране (Тулуза), 1924 год

С железнодорожного вокзала Тулузы до строений «Авиаалиний Латекоэра», расположенных за городом, Мермоз идет пешком. Аэродром – огромное летное поле с размеченными мелом полосами в различных направлениях, чтобы приземляться всегда носом к ветру. Дойдя до аэродрома, он на секунду останавливается и видит, как в небо взмывает «Бреге 14», а потом начинает лавировать. И считает это добрым для себя предзнаменованием.

Служащий компании провожает его в кабинет директора по эксплуатации, Дидье Дора. Он входит в кабинет директора решительным шагом. С дальнего конца стола, сидя под картой Испании и половины Африки с нанесенными на ней маршрутами, на него с невозмутимым безразличием смотрит мужчина. С угловатым лицом, темными усиками и маленькими черными глазами.

– Месье Дора, я летал в Сирии, пересекал пустыню из конца в конец десятки раз... У меня шестьсот часов налета!

Директор все так же невозмутимо глядит на него.

– Это ничего не значит.

Он произносит это нейтральным тоном, но сказанные слова громом отзываются в голове Мермоза.

– Ничего?

– Отправляйтесь к заведующему ремонтными мастерскими, он выдаст вам рабочую одежду механика. К работе приступите завтра.

– Механика? Но, господин директор, я хочу пилотировать самолет!

– Там видно будет.

Дора возвращается к своим бумагам. Разговор окончен.

Заведующий мастерскими оказывается более разговорчивым. Он сообщает, что завтра вместе с ним к работе приступят еще два новичка, и говорит, где можно остановиться.

– Большинство летчиков и механиков нашей компании живут в «Большом балконе». Комнаты там сдаются по четыре франка за день, а обед – два с полтиной. Дела там ведут три незамужние сестры, три госпожи Маркес, немного ханжи, но очень любезные. А еще они готовят лучшее в мире кассуле!

Этим вечером на ужин у них густой суп со свининой. Одна из хозяек накладывает Мермозу весьма щедрую порцию. Аппетит Мермоза, убаюканный месяцами нужды, мгновенно просыпается, разбуженный эдакой вкуснятиной, и он подчищает свою тарелку раньше, чем женщина успевает обойти с супницей стол, еще не начав раздавать добавку.

– Божественно, мадам Маркес! Лучшие рестораны Парижа в лепешку бы расшиблись за право подать такое блюдо.

Мадам удовлетворенно улыбается.

– Желаете добавки?

– Если вас не затруднит...

Дама наливает в его тарелку еще одну, ничуть не меньшую порцию и смотрит на него с тем счастливым выражением, с которым матери наблюдают за детьми, с аппетитом уплетающими обед. Улыбка не сходит с ее лица и после того, как она в третий раз наполняет его тарелку и оставляет огромную супницу рядом с ним, чтобы он мог долить себе столько, сколько захочется.

Остальные сотрапезники, те самые новички, что только что были приняты на работу в мастерские, с удивлением на него косятся. У этого парня, похоже, желудок бездонный.

– Будешь так лопать – раздуешься, как мешок для почтовых отправлений! – дружески подтрунивает один из них.

Мермоз улыбается, продолжая отправлять ложку за ложкой в рот. Как раз в тот момент, когда он подбирает последние капли с тарелки, дверь столовой открывается, и на пороге появляется невысокого роста широкоплечий человек в кожаной куртке, от которой веет холодом и ночью, с двумя кругами на лице вокруг глаз – следы от специальных очков пилота. Один из новеньких быстро встает из-за стола, уступая ему место.

– Это Дебриан, он в Аликанте летает, – шепчет на ухо сосед.

Другая сестра Маркес спешит принести с кухни еще одну дымящуюся супницу. Повисает полная ожиданий пауза: все горит желанием задать вопросы, послушать, что он скажет о «Линиях», но никто не решается. Наконец тот из новеньких, кто прибыл раньше других, адресует ему вопрос.

– Как оно там сегодня, месье Дебриан?

Летчик медленно наливает себе стакан вина и рассеянно отвечает:

– Ничего особенного.

– Но до нас в ангаре дошли слухи, что над Пиренеями случилась сильная гроза!

– Было, но так это дело привычное.

Дебриан продолжает есть – медленно и экономно, и больше никто не решается его ни о чем спросить. За ним следит дюжина глаз, но его это не беспокоит, скорее всего, он даже не замечает. Просто его там нет. Он все еще прыгает на двухкилометровой высоте над зонами турбулентности, всеми косточками тела ощущая вибрацию фюзеляжа и молясь, чтобы руки и ноги не задубели от холода.

Многие из тех, кто собрался за этим столом, намерены пилотировать самолеты и не без опаски воображают себе эти грозы, сотрясающие и швыряющие самолеты, словно листики на ветру. Им бы так хотелось услышать рассказ о буре во всех подробностях, но Дебриану как будто нечего им сказать. Мермоз смотрит на него и соглашается. Вспоминает самого себя в Сирии: когда он возвращался с самых сложных заданий, говорить после приземления не хотелось. Он прекрасно понимает этого пилота-ветерана: ты сделал свою работу, ты устал, ты вернулся. И не о чем тут больше говорить.

Мермоз поднимается на четвертый этаж. В «Большом балконе» своя иерархия: летчики живут на втором этаже, а все остальные работники и механики – выше.

Ложится в постель, и, несмотря на разочарование по поводу того, что его отправили в мастерские, в душе его не гаснет надежда на полеты.

Он спит и видит во сне диких кабанов, однако посреди ночи его будят какие-то голоса. Слышатся торопливые шаги на лестнице, стук входной двери. Он открывает дверь комнаты и выглядывает в коридор. Из комнаты напротив высовывается еще одна голова, и оба спрашивают, что случилось, но ни один не знает. Дальше по коридору появляется еще одна голова.

Наконец на их этаж поднимается один из обитателей гостиницы, их коллега по имени Марсель Рейн, с блестящими от залитого в себя алкоголя глазами и с печальным лицом.

– Что случилось? – спрашивают его.

– Чертовы мадамы Маркес!

– Но, Марсель, они же святые! – шепчут они ему, прыскавая от смеха.

– Сверх всякой меры, – отвечает он с отвращением. – Совершенно невозможно провести к себе в комнату девушку.

– А ты пытался кого-то протащить?

– Ну да, и со всей осторожностью. Как всегда, услышав, как открывается входная дверь, они из своей комнаты спросили, кто идет. «Это я, Марсель», – говорю и показываю ей, чтобы молчала. Они ж спят на первом этаже, еще и дверь к себе не закрывают, но не может же быть, чтобы они что-то там разглядели, лежа в постели, да еще в темноте.

– Так что ж тогда?

– Это она, эта дерьмовая лестница – старая и скрипит. Да так громко, что сестрицы посчитали шаги, а потом сложили два и два. Одна из них выскочила в ночной рубашке в коридор и устроила мне кошмарный разнос. А девчонка как драпанет на улицу, будто бы призрак перед ней появился. Больше мне ее не видать, судя по всему!

Трое приятелей весело хохочут. Рейн старательно хмурится, вроде как обижается, но через секунду тоже смеется. Пока что они не летчики, но в этом отеле уже живет товарищество эскадрильи.

В половине седьмого утра их ждет начальник ремонтной мастерской.

Перед ним дюжина молодых механиков, мало похожих на механиков. Он внимательно их осматривает.

– Красивые руки. Жаль только, что здесь у меня не парижская консерватория. Видите вон те цилиндры и вот этот поташ? Это и будут ваши инструменты.

Мермоз вздыхает, но с улыбкой. Если нужно что-то оттирать, он будет тереть. Лучше, чем кто бы то ни было.

В эти недели тяжелой работы и сытной еды в «Большом балконе» об эфире он не вспоминает. Блюда сестер Маркес вытравили из его рта последние остатки хлороформа.

Когда кончаются три недели бесконечной чистки цилиндров, шеф мастерской собирает всех новеньких, недавно принятых в компанию: время чистки цилиндров позади. Они радостно переглядываются.

– Пришло время... перебирать двигатели.

Улыбки гаснут, слышатся тяжелые вздохи и ругательства сквозь зубы. Начальник мастерской глядит на них ласково.

– Работа механика – хорошая работа, ребятки. Кроме того, как ни крути, летчиком не станешь, если не знаешь, как работает двигатель. По крайней мере, в этой компании.

Мермоз обреченно кивает. Раз уж нужно перебирать, он будет перебирать. Он не сомневается, что придет тот день, когда он полетит.

На пару с Марселем Рейном в последние две недели они встречаются с телефонистками мэрии, и сегодня у них очередное свидание. До дыр стерев на танцах подметки, Мермоз предлагает завершить празднество в его комнате, где у него надежно припрятана бутылка ликера, ожидающая особого случая.

– Особый случай как раз сегодня!

Девушки соглашаются, но Рейн слегка кривится и подходит к своему приятелю шепнуть тому на ушко:

– Ты с ума сошел! Нас же четверо! Сестры Маркес сразу же догадаются!

Мермоз хохочет. Его хохот как водопад – любой пожар потушит.

Вся компания идет к улице Ромигер и останавливается перед отелем «Большой балкон». Рейн упрямится – хозяйки отеля к ним со всей душой, как к детям, это видно даже по их мажорному консерватизму относительно девушек, и ему вовсе не хочется их огорчать. Но Мермоз решительно встает во главе задуманного дельца. Достает из кармана ключ и, прежде чем открыть входную дверь, шепчет Марселю:

– От тебя одно требуется – делай как я.

Потом осторожно входит, все остальные идут за ним на цыпочках. Когда он доходит до лестницы, из комнаты сестер звучит сонный голос:

– Кто там?

– Жан.

– И Марсель.

– Мы тут вдвоем.

– Спокойной ночи, мальчики.

– Спокойной ночи.

Мермоз встает на корточки перед одной из девушек и знаком показывает, чтобы она забиралась к нему на закорки. Она забирается, и он, обхватив ее ноги и убедившись, что та не свалится, медленно идет вверх по лестнице, громко топая. Рейн ухмыляется и торопится сделать то же самое.

И таким вот макаром, не обнаруживая поступи большего числа людей, чем было заявлено, оба с прекрасным грузом на закорках добираются до третьего этажа. Единственная проблема – сдерживать рвущийся смех девушек.

Почти два месяца работы в качестве механиков в ангарах «Авиалиний Латекоэра» оказываются довольно утомительными для некоторых молодых людей, жаждущих подвигов и приключений.

В тот вечер, как уже случалось не раз, в мастерской появляется праздный директор Дора. Руки за спиной, во рту – вечная сигарета. Будущие механики старательно закручивают и откручивают гайки. Как бы между прочим он говорит:

– Завтра в семь утра вам следует явиться на полосу.

Дора как ни в чем не бывало продолжает свою прогулку, а шестеро механиков выпучили глаза друг на друга. Сначала один роняет разводной ключ. Потом его сосед, потом следующий... Целая гамма разводных гаечных ключей, ударяющихся о цементный пол. Пробил их час, настал момент истины!

После окончания рабочего дня за ужином в столовой появляется один из наиболее долго работающих на «Линиях» пилотов, Розес, человек, которым все восхищаются.

– Месье Розес, завтра у нас будет пробный полет, – сообщают ему, как только он садится за стол.

– Уже слышал...

– Не могли бы вы нам что-нибудь посоветовать?

– Покажите хороший пилотаж. Месье Дора чрезвычайно требователен, угодить ему не просто. Мастерские «Латекоэра» полны механиков, забракованных как пилоты.

– Но что понимает в пилотаже кабинетная крыса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.